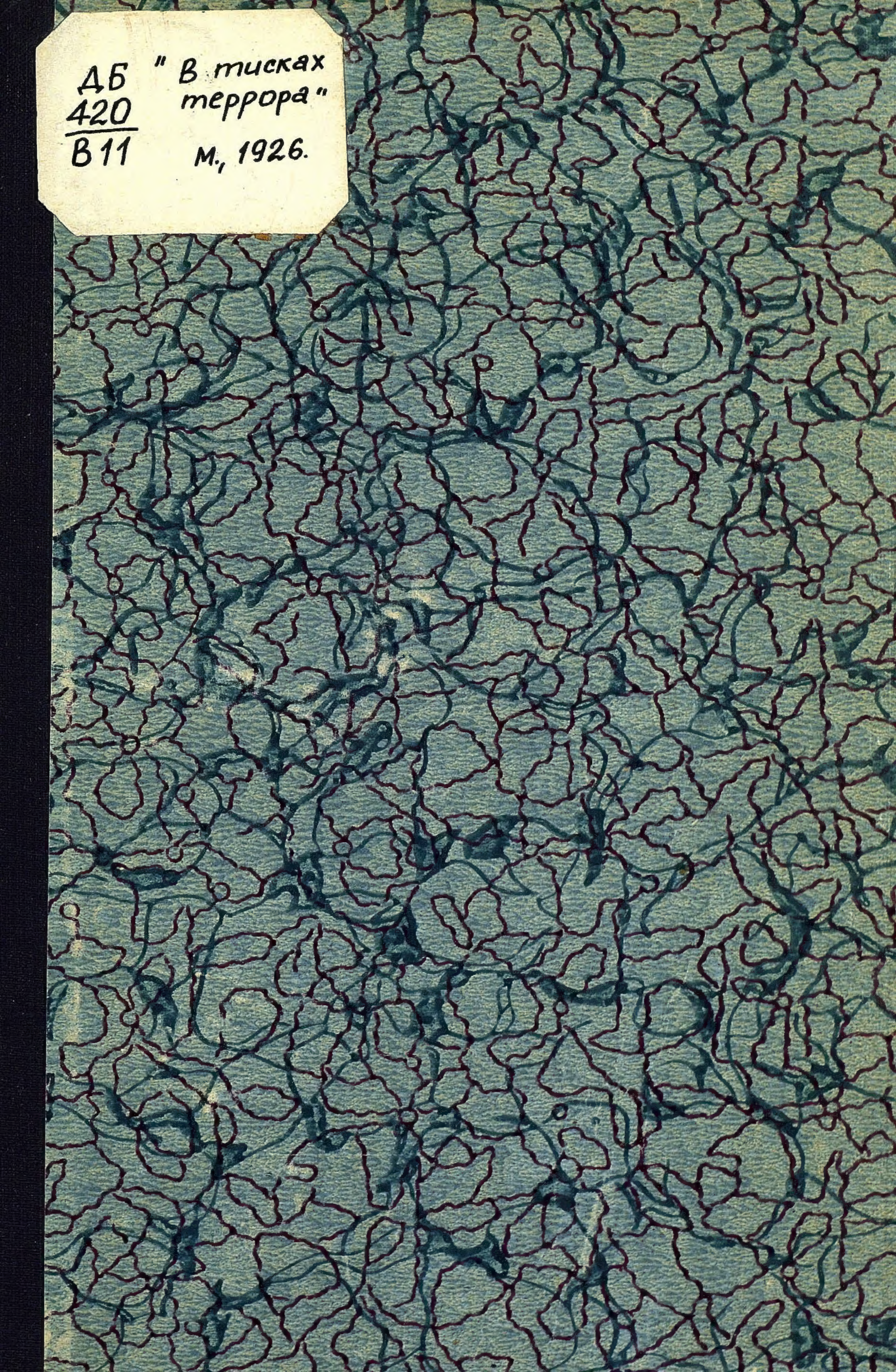

ДБ
420
В11
" В тисках
террора"
М., 1926.

ДБ
420
В11

С. Г.

В ТИСКАХ ТЕРРОРА

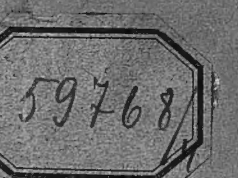
ПРИБАЛТИЙСКИЙ КРАЙ ПЕРЕД СУДОМ САМОДЕРЖАВИЯ

(1905—1907 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

286/5

ИЗДАНИЕ „ПАТИЗДАТА"
МОСКВА 1926 г.

4/VI-41

ДБ
42Q
В11

С. Г.

323.2 (47.41) 1905

В ТИСКАХ ТЕРРОРА

ПРИБАЛТИЙСКИЙ КРАЙ
ПЕРЕД СУДОМ САМОДЕРЖАВИЯ

(1905—1907 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

286/5

ИЗДАНИЕ «ЛАТИЗДАТА»
МОСКВА—1926 г.

Типография МКХ имени Ф. Я. Лаврова, Варгунихина гора, 8.

Главлит № 63871. Москва, 1926 г. Тираж 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В качестве защитника по целому ряду литературных и политических процессов, в которых мне довелось выступать в Прибалтийском крае в эпоху 1905 и последующих годов, я имел возможность наблюдать воочию кошмарные картины «скорого и милостивого суда», который творили в ту пору над терроризованным населением Латвии военно-полевые суды и карательные экспедиции... Ценным материалом для моих очерков служили также обвинительные акты и данные следственного производства по целому ряду латышских литературных процессов, в которых мне довелось выступать в качестве защитника в б. С.-Петербургской судебной палате в период 1905—1910 годов.

Судебные материалы (судебные приговоры, обвинительные акты, протоколы судебных заседаний, жалобы и заявления подсудимых и т. п.) представляют теперь тем больший исторический интерес, что едва-ли не богатейший в России судебный архив петербургских судебных установлений, в котором хранились весьма ценные материалы по целому ряду крупных латышских политических процессов, погиб от пожара, уничтожившего в начале первой революции здание петербургской судебной палаты и окружного суда; что касается судебного архива, который хранится в судах Прибалтийского края (Рига, Митава, Либава, Юрьев и др.), то в настоящее время пользоваться им не приходится. При таких условиях судебный архив политического защитника по целому ряду латышских политических процессов представляет, сам по себе, исторический интерес.

По этим соображениям я признал нужным опубликовать документы по целому ряду крупных латышских литературных процессов, сохранившиеся в моем судебном архиве за десять лет (с 1903—1913 годы).

Пусть эти материалы страдают неполнотой, отрывочностью и бессистемностью; все же,—думается мне,—они могут оказать услугу будущему историку латышской прессы и революции.

С. Г.

Прибалтийский край перед судом самодержавия.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

«В царстве смерти».

„Оставь надежду всяк сюда входящий!“ *Данте.*

В виду того, что целый ряд латышских литературных процессов, которым посвящены настоящие очерки, обязан своим происхождением опубликованию в латышских газетах материалов о деятельности военных карательных экспедиций и военно-полевых судов, творивших «скорый и милостивый суд» над латышским населением в период 1905 г. и последующих годов, я счел нужным предпослать этой главе краткую характеристику «деятельности» карательных отрядов и обрисовать картину террора, сковавшего население Латвии в ту пору.

Характеристика эта набросана мною отчасти по личным воспоминаниям, отчасти по многочисленным «человеческим документам», — жалобам, заявлениям и письмам, находящимся в моем судебном архиве.

Когда в 1905 году — в разгар вакханалии карательных экспедиций в Прибалтийском крае — мне, в качестве политического защитника, приходилось навещать в рижской центральной тюрьме политических узников, помнится,— унылая стена, окружавшая этот «мертвый дом», невольно воскрешала в моем воображении легендарную «стену плача» в Иерусалиме.

«Стена плача» — так мысленно называл я эту тюремную стену. И в самом деле: сколько глухих подавленных стонов, сколько слез и предсмертных вздохов слышала эта тюремная стена! Какую жуткую повесть об издевательствах над политическими узниками мог бы поведать этот немой свидетель мрачной эпохи «слова и дела», когда по инициативе знаменитого «заплечных дел мастера» Грегуса и его достойных «коллег» к политическим «преступникам» стали применять пытки инквизиции! [1]).

Много жутких тайн застенка могла бы рассказать нам эта стена!

Она могла бы поведать нам о многочисленных жертвах царизма, доведенных до самоубийства, о загубленных жизнях тысяч страдальцев, о невыносимых муках одиночного заключения, заживо замурованных узников... о, много еще могла бы поведать «стена плача».

---

[1]) О жестоком избиении политических мне пришлось слышать рассказы моих подзащитных по целому ряду политических процессов; еще недавно мне довелось выслушать от тов. И. Г. Лютера, Дейчмана-Смирнова, Я. Круминя и др. жуткую повесть об истязаниях, которым они подверглись в Рижской центральной тюрьме.

Сколько жутких картин смертных казней видела эта стена, над которой кровавыми буквами были выбиты роковые слова Данте: «Laschiate ogni speranza voi, ch'entrate!» («Оставьте всякую надежду, входя сюда!»— надпись, выбитая на вратах дантова ада).

Предо мною лежит пожелтевшее от времени (1905 г.) письмо родственницы моей подзащитной... Какой грустью веет от ее строк:

«На этих днях в шестидесяти шагах от рижской центральной тюрьмы было казнено десять человек. Эту картину смертных казней видел из окна своей камеры узник по фамилии Элиас (Elias). Она произвела на него такое впечатление, что он изорвал на себе рубаху и тут же повесился»...

Жутко подумать, что такие драмы были далеко не редким явлением в стенах застенка!...

«Волга, Волга! Весной многоводной
«Ты не так заливаешь поля,
«Как великою скорбью народной
«Переполнилась наша земля!». —

мог-бы воскликнуть вместе с поэтом-народолюбцем латышский народ, изнемогавший под игом вековой неволи!

И в самом деле: вся Латвия представляла из себя в ту пору — (я имею в виду эпоху военных карательных экспедиций) — воистину «царство смерти и слез».

Смерть праздновала здесь свое победоносное пиршество, свою кровавую тризну: беспощадно косила она тысячи жизней в эту мрачную эпоху разгула царизма!..

Не было латышской семьи, которая не оплакивала бы жертв зверской расправы карательных экспедиций с беспомощным населением!

Об'ятая заревом пожаров и обильно напоенная кровью, подневольная Латвия, отданная Николаем на расправу лютым царским сатрапам, являла во истину картину мрачного «царства смерти»!

Тюрьмы были переполнены политическими «преступниками»; царские опричники хватали и бросали в тюрьмы латышей буквально без разбора, часто без всякого основания, безо всяких улик.

Достаточно было голого подозрения, неосторожно оброненного слова, — не говоря уже о голословном оговоре, — чтобы попасть в тюрьму...

Помню,—как глубоко был я потрясен, когда, навещая в митавской тюрьме моих подзащитных, я увидел в канцелярии длинные списки заключенных, с пометкой: «привлекается по 100-й статье уголовного уложения», каравшей высшей мерой наказания — смертной казнью.

Было не мало заключенных, привлекавшихся и по 279-ой статье, 22-ой книги свода воен. зак., точно также каравшей смертной казнью.

Заинтересовавшись судьбой этих смертников, я спросил начальника тюрьмы:

«За кем же числятся все эти подсудимые?».

И, к крайнему моему изумлению, услышал ответ:

«Не знаю. Тут содержатся всякие: и за военно-полевым судом, и административные»...

Я был подавлен этим ответом: люди томятся в тюрьме, над ними тяготеет угроза смертной казни, и они не знают даже, за кем они числятся, в чьих руках их судьба!..

Помню, сколько тревог и хлопот стоило родным политических узников навести простую справку о положении дела. Канцелярия тюрьмы,

куда они обращались за справками, направляла их в канцелярию военно-полевого суда; канцелярия военно-полевого суда, в свою очередь, отсылала их в канцелярию военного генерал-губернатора, откуда их снова направляли то в тюрьму, то в военный суд и т. д.

Получался какой-то заколдованный круг, из которого не было выхода.

Когда при посещении моих подзащитных я, бывало, спрашивал их:

— «За что-же вас привлекают по 100-ой или по 102-ой статье?» — я нередко выслушивал ответ:

— «Ей богу, я и сам не знаю за что... у меня был обыск, а затем меня арестовали, избили и привезли сюда».

Правда,—эти ответы политических заключенных варьировали в смысле указания на те или иные жуткие подробности, но схема этих ответов в большинстве случаев была одна и та-же. Можно себе представить, — в каком беспомощном положении находились родные политических заключенных, лишенные возможности не только получить свидание с ними, но даже навести справку о положении их дела!..

Это явление об'яснялось тем, что в ту пору (в эпоху военных карательных экспедиций) Прибалтийский край был об'явлен на военном положении, и карательные экспедиции творили над терроризованным населением свой «милостивый и скорый суд», не утруждая себя соблюдением каких-бы то ни было законных гарантий и норм судопроизводства.

Для иллюстрации «правопорядка», насаждавшегося в ту пору военно-карательными экспедициями в Прибалтийском крае, я позволю себе воспроизвести ряд моих записей, как характерные для историка революционного движения в Латвии «человеческие документы».

Нападение 4-го экскадрона 49-го драгунского полка на крестьян деревни Куклишки.

4-й эскадрон 49-го драгунского полка, содержавшийся в имениях графа Зиберг-Плятера, произвел неожиданно нападение на мирных жителей деревни Куклишки, и в частности, на дом Петра Л.

Нападение это было произведено карательным отрядом под руководством офицера и полицейского урядника при следующих обстоятельствах:

В ночь на 29-ое января 1906 г. солдаты, оцепив дом одного из крестьян, ворвались во внутрь дома и, повалив на пол старика и двух его сыновей, начали избивать их нагайками.

По распоряжению офицера, руководившего этой расправой, избитые крестьяне были удалены на двор, после чего солдаты обобрали их имущество «до последней тряпки» и подожгли избу. При этом офицер заявил женщинам и детям: «Если будете тушить, то я всех вас расстреляю».

Награбленное имущество и изувеченных старика и двух его сыновей солдаты увезли в соседнее имение, где бросили избитых крестьян в конюшню.

В конюшне их продержали трое суток и ежедневно подвергали по несколько раз самому жестокому избиению. Когда несчастные жертвы расправы были изувечены до неузнаваемости, их отправили на лошадях в Двинскую тюрьму. По дороге в Двинск солдаты стащили одного из них с повозки и тут-же застрелили его.

Когда по прибытии на станцию Л., стали проверять по именным спискам арестованных и обнаружили отсутствие Ивана Л., солдаты заявили, что они застрелили его за попытку бежать...

Тело расстреленного Ивана Л. лежало неубранным в поле целую неделю, при чем власти отказались выдать его родным убитого и лишь впоследствии разрешили предать его погребению.

30-го января того же года офицер упомянутого отряда в сопровождении административных властей, созвав крестьян, заставил их стать на колени и расписаться на чистом листе белой бумаги.

Отобрав их подписи, им об'явили:

— «Вы можете теперь итти по домам, а приговор будет постановлен без вас».

После этого военные власти стали творить «скорый и милостивый суд»,—грабить волость и сажать крестьян без разбору в тюрьму, угрожая отсутствующим, в случае неявки их в указанный срок, — поголовной смертной казнью и сожжением их домов.

«Пока что, — заканчивает свою жуткую исповедь автор этой записи — «казнено 22 человека, один убит и один дом сожжен».

Потом крестьян заставили уплатить помещикам с каждого участка около 40 рублей; многие принуждены были отдать последнюю корову, чтобы заплатить «дань» царским сатрапам.

Приведенный «человеческий документ» рисует яркую картину не только зверской жестокости военных властей, но и упоение их своей безнаказанностью при учинении расправы с беззащитным терроризованным населением.

Какими побуждениями руководствовались царские опричники, творя «суд», — об этом свидетельствует следующая характерная деталь: не довольствуясь расстрелами и арестами крестьян и сожжением их домов, солдаты не забывали и своих личных интересов, нередко унося с собой награбленную добычу.

О размерах «добычи», которой обогащались солдаты за счет ограбленных крестьян, можно судить по тому, что размеры убытков, причиненных военными карательными отрядами латышскому населению, достигали, в общей сложности, несколько миллионов рублей...

В моем архиве имеются интерсная исповедь одного из волостных учителей Э. А., рисующего яркую картину вакханалии военных карательных экспедиций и чудовищный произвол царских опричников.

Я позволю себе воспроизвести ее с небольшими сокращениями и редакционными исправлениями.

Дело волостного учителя А.

30-го ноября 1905 г. в В. конпопочтовой станции Венденского уезда, Лифляндской губернии, народом был разоружен офицер и казак; вскоре после того, они, как арестованные, были отправлены через волостной дом в местную волость.

На другой день — первого декабря в волостной дом явился временно исполнявший должность младшего помощника начальника Венденского уезда (собственник имения в Венденском уезде) с отрядом казаков и солдат для расследования дела о разоружении офицера и казака.

Учителю было пред'явлено требование явиться немедля в волостной дом (школа находилась близ волостного дома).

Уже на дворе ему был предложен вопрос:

— «Где офицер?».

Так как он не присутствовал ни при аресте упомянутых лиц, ни при отправлении их в соседнюю волость, то он, естественно, не мог сказать, где находится офицер.

Его и случайно находившегося близ волостного дома П-а позвали в волостной дом, где казаки, окружив их со всех сторон, втолкнули в арестное помещение.

Здесь начался допрос, писанный его кровью «сперва на полу арестного помещения, а потом и на снегу».

В арестном помещении казаки один за другим били его стволом и прикладом ружья и шашкою, а начальник отряда настаивал на том, чтобы он сказал, где офицер, кричал и ругал его.

— «Я тебя знаю, дрянь ты этакая! Это ты во всем предводитель!».

Допрос этот продолжался около часу. Потом его выпустили на двор; здесь избиение продолжалось еще около получаса.

За что его ранили и избивали,—он и сам не знал.

Как вещественное доказательство, он мог представить изрубленное и окровавленное пальто и сюртук».

Несмотря на то, что он был жестоко избит, он был под следствием, и Венденское уездное полицейское управление преследовало его.

В протоколах полицейского управления было сказано лишь, что я обвиняюсь в агитации; но теперь вызывается в качестве свидетеля по моему делу владелец имения. Он утверждает, что я произносил на собраниях речи против правительства.

То же самое утверждает и лесной сторож.

Владелец имения не только не бывал на собраниях, но даже и не проживал в нашей местности...

Поэтому, показания владельца имения и лесного сторожа — заведомо ложный донос на меня...

Владелец имения и лесной сторож, вообще, питают ко мне враждебные чувства: когда был арестован волостной старшина и обязанности его исполняло другое лицо, владелец имения, под угрозою смерти, неоднократно уговаривал его выдать меня военному начальству; по его словам, волостной старшина может быть расстрелян, и в случае невыдачи учителя и с ним самим завтра или послезавтра поступят точно так же. У него-де имеется какая-то бумага, и на основании этой бумаги он может повелеть расстрелять не только меня, но и всех хозяев»,—заканчивает письмо ко мне учитель А.

В этом заявлении чрезвычайно характерно для обрисовки нравов военных и административных властей указание помещика на то, что он волен «повелеть» по своему произволу расстрелять всех хозяев.

Жаловаться на вопиющий произвол и превышение власти военных и административных органов было в ту пору, по меньшей мере, наивно: так, например, когда один из потерпевших крестьян подал было главному военно-морскому прокорору жалобу на драгунского офицера, учинившего над ним кровавую расправу, жалоба его была отклонена с указанием на то, что «за силою 214-ой статьи воен. суд. устава, такие жалобы надлежит направлять к тому начальству, коему подчинен этот офицер.» Приведу, в виде иллюстрации, сохранившийся у меня ответ главного военно-судного управления на жалобу, поданную крестьянином К. главному военно-морскому прокурору на действия драгунского офицера Давыдова.

Вот этот документ:

М. В. Секретно.

Глав. Воен. Судн. Управ.

3 марта 1906 г.

№ 289. С.-Петербургскому Градоначальнику.

Главное Военно-Судное Управление просит об'явить крестьянину Лифляндской губернии П. А. К.—у, жит. в С.-Петербурге (следует указание адреса жалобщика), что жалоба его, поданная на имя Главного Военного Морского Прокурора, при сем прилагаемая, на основании ст. 214 Воен. Суд. Устава должна быть подана тому начальству, коему подчинен драгунский офицер Давыдов».

Нужно-ли говорить о том, что жаловаться начальству этого офицера было в ту пору так же наивно, как смешно было бы искать защиты от разбойника у атамана разбойничьей шайки...

До какой степени было беспомощно в ту пору изнемогавшее под гнетом террора население Латвии,—можно судить хотя-бы по следующим сохранившимся в моем архиве заявлениям и письмам целого ряда лиц, обратившихся ко мне за юридической помощью.

Приведу два-три таких заявления, как яркие иллюстрации царившего в ту пору в Прибалтийском крае произвола военных властей.

Вот что пишут мне, например, рабочие Ян и Ева Ц. о трагической судьбе своего погибшего сына:

....Сыну нашему было только 21 год; служил он в имении у барона сторожем (надсмотрщиком).

Его арестовали вместе с сыновьями домохозяев 2-го января с. г. вечером в мызной корчме, а утром 3-го января солдаты вывели его в открытое поле и там расстреляли. Предварительно его безчеловечно избили и истязали, о чем свидетельствовали страшные раны на голове и на всем трупе.

Насколько нам известно,—его убили за то, что он унес с собою ключ от дверей замка, при котором состоял сторожем; сделал он это по просьбе прачки, давшей ему ключ от двери.

Карл был нашим единственным сыном и подспорьем на старости лет.

Те самые солдаты, которые убили К. и И., под командой того-же офицера, похитили все имущество нашего сына, так что мы ничего не получили......У него было наличными деньгами 70 рублей, стенные часы и карманные часы—стоимостью в 20 рублей, одежда—стоимостью в 40 рублей. Все это расхитили солдаты со своими командирами. Имен грабителей мы не знаем; но это были те-же самые, которые ранее убили И...» [1]).

Эта жуткая исповедь стариков-крестьян, лишившихся своего единственного кормильца, поражает отсутствием всякого повода и каких бы то ни было указаний на прикосновенность зверски убитого сторожа к революционному движению...

Дешево-же ценила человеческую жизнь «доблестная царская армия»! Во всяком случае, награбленные вещи ценились ею гораздо дороже!

Зверские расправы военных карательных отрядов с беззащитным населением Латвии. поражают не только своей жестокостью, но и полной безмотивностью.

В ту мрачную эпоху, воскресившую жуткую пору «слова и дела», никто не мог быть уверен в том, что ждет его завтра: «Что день

[1]) Привожу это сообщение с сокращениями и редакционными исправлениями С. Г.

грядущий мне готовит»?—мог воскликнуть вместе с поэтом каждый «гражданин» Латвии.

И в самом деле: жизнь каждого обывателя висела в ту пору на волоске; она зависела от произвола офицеров и солдат, творивших «скорый и милостивый суд» над беспомощным населением целого края.

Мне лично известен случай, когда не в меру ретивый урядник арестовал и избил молодого батрака только за то, что он по внешности напоминал арестованного им другого крестьянина; он был арестован и нещадно избит, не взирая на то, что целая волость поголовно удостоверяла, что он ошибочно принят за другое лицо.

Аналогичный случай сообщает мне один из моих доверителей, прося моего заступничества за невинно осужденного крестьянина Боловской волости X:

«Слезы и рыдания наполняют местность»,—пишет мне автор этого письма: «Сегодня является отец единственного сына—осужденного на десять лет—X. и с рыданием просит меня просить Вас сердечно принять все меры по делу его сына...

Урядник показывал на суде, что X. действительно был в числе лиц, насильственно освободивших правительственных воров, что, этот X. ему лично знаком, так как два раза он, X., был, уже под арестом.

Оказывается в действительности, что он, X, никогда не был арестован, исключая ареста перед судом.

Вывод: показания урядника ложны; он не может основывать на этом доказательства факта личного знакомства с X. Однофамильцев X, в окрестности насчитывается до 12 человек. Если урядник выдал того X, которого он два раза арестовал, то это—не он, ибо X арестован никогда не был, что могут доказать все жители Боловской волости.

Между тем, единственным свидетелем на суде против X-а является бывший Боловский урядник» [1]).

Сплошь и рядом, посторонние лица, случайно оказавшиеся в квартире арестуемых, подвергались жестоким избиениям военных властей, хотя не были ни в чем заподозрены.

Для иллюстрации произвола военных властей позволю себе привести выдержку из сохранившегося в моем архиве заявления свободного художника Отто Фогельмана, подвергшегося жестокому избиению и аресту только за то, что он имел несчастье оказаться в квартире своего знакомого Августа Свинне в тот момент, когда ему нанес «визит» командир карательного отряда: «...28-го ноября минувшего года в квартиру Августа Свинне, помещающуюся в городе Митаве, в доме № 9, по Колонадной улице, явился отряд солдат, под командой капитана Ивана Буша. Последний пред'явил ко мне»—пишет в своем заявлении свободный художник Оттон Фогельман, «и ко всем находившимся в квартире Августа Свинне лицам требование о выдаче оружия и распорядился об уводе меня в участок. Я беспрекословно подчинился его требованию, из'явив полную готовность следовать за ним по его указанию. Не успел я спуститься с лестницы, как был внезапно оглушен и сшиблен с ног ударом солдата. Выйдя на улицу, я снова, на глазах капитана И. Буша, был сшиблен с ног двумя солдатами, нанесшими мне, без всякой вины, с моей стороны, удары прикладами ружей в бок.

Видя, что капитан И. Буш отдал солдатам приказ—препроводить меня вместе с другими лицами в полицейское управление я, опасаясь произвола озверелых солдат, обратился к И. Бушу с просьбой—оградить меня от дальнейшей расправы со мной его солдат и сопровождать

[1]) Привожу это сообщение с сокращениями и редакционными исправлениями С. Г.

меня с этой целью в полицейский участок. Я открыто высказал И. Бушу свои опасения за нашу дальнейшую судьбу, и сказал ему, что если его солдаты наносят мне и другим лицам тяжкие удары прикладом ружья, не встречая с его стороны никакого отпора, то в его отсутствии солдаты и подавно воспользуются полной безнаказанностью и могут избить нас до смерти.

Однако, капитан И. Буш отклонил мою законную просьбу, предоставив меня и моих товарищей на произвол озверевших солдат, в сопровождении которых мы были доставлены в участок».

Раны и увечья, нанесенные О. Я. Фогельману солатами в присутствии капитана И. Буша, оказались настолько тяжкими, что потребовалось тотчас-же препроводить его, для оказания медицинской помощи, в больницу общественного приказа и, сверх сего, обратиться за медицинской помощью к доктору Страутзелю.

Факт нанесения свободному художнику Оттону Яковлевичу Фогельману тяжких поранений и увечий, нашел себе полное подтверждение в приобщенном к делу медицинском свидетельстве доктора Страутзеля от 3 декабря 1905 года.

Не отрицал факта обстрела и сам капитан И. Буш, показавший на возникшем по этому делу предварительном следствии, что по его распоряжению, после обстрела дома Гейманса, на углу Замковой улицы и Базарной площади, действительно были арестованы все лица, находившиеся в квартирах, из которых были произведены выстрелы.

Для характеристики поведения в этом деле губернатора и судебных властей уместно отметить, что в донесении своем, от 13-го мая, полицейместер города Митавы официально удостоверил, что полиция явно попускала зверские действия отряда капитана Буша и, что со стороны судебного следователя, которому был известен факт обстрела домов по приказанию капитана И. Буша, никаких шагов к прекращению зверств предпринято не было: «В дни беспорядков»—удостоверяет митавский полицеймейстер в официальном рапорте своем по этому делу от 13-го мая—«действовали войска, и судебному следователю, приходившему в полицейское управление, было известно как о стрельбе из домов по войскам, так и о действиях войск силою и оружием, против мятежников. Так как полиция во время действия войск по военному положению самостоятельных распоряжений не делала, то обо всем происшедшем мною было донесено господину губернатору».

Комментарии — излишни: сам полицеймейстер города Митавы с откровенностью признал факт преступного попустительства полиции и судебных властей, отдавших беспомощное населению Замковой улицы и Базарной площади на поток и разгромление озведевшего отряда солдат!..

Этот возмутительный факт обстрела посреди белаго дня населения Митавы красноречивее всяких слов свидетельствует о полном произволе и зверствах карательных отрядов, учинявшихся военными экспедициями с благословления полиции и судебных властей...

Подробности этого погрома были описаны в латышской газете «Spehks» и в рижских газетах, поплатившихся за сообщение о подвигах капитана Ивана Буша уголовным преследованием.

Вот еще два ярких эпизода:

Студент Рижского Политехнического Института К., 20 лет от роду, был арестован и содержался под стражей в Гольдингенской тюрьме за распространение противоправительственных прокламаций.

В октябре 1905 года он был освобожден из тюрьмы на основании «манифеста» 17-го октября 1905 года.

Проживая легально в городе Виндаве по освобождении из тюрьмы, К. обратился к виндавским властям с просьбой разрешить ему устройство литературного вечера.

Получив разрешение в канцелярии военного управления, помещавшемся на железнодорожной станции, К. подвергся тут-же, по выходе из здания железнодорожной станции, нападению отряда солдат, жестоко избивших его и проломивших ему голову.

В ночь с 22-го на 23-е декабря 1095 года он снова был арестован и вместе с товарищем, убитым впоследствии, препровожден на станцию железной дороги. По свидетельству железнодорожного фельдшера К., доставленный солдатами на станцию тяжело раненым, обратился к нему с просьбой об оказании медицинской помощи.

Раны, нанесенные К. солдатами, по пути следования его на железнодорожную станцию, оказались настолько тяжкими и опасными для его жизни, что потребовалась срочная медицинская помощь двух врачей — железнодорожного и частного. К больному К. никого не допускали. На следующее утро К. был найден мертвым.

По словам близких к К. лиц «есть основание предполагать, что он был найден с раздробленным черепом.

Отцу К. было выдано платье убитого сына, залитое кровью и проколотое во многих местах штыками».

Дело семьи Якович-Шиллинг.

В моей памяти живо всплывает скорбный образ Клары Якович, рожденной Шиллинг—героини трагедии, глубоко взволновавшей латышские общественные круги.

В виду общественного значения этого дела, привлекшего к себе внимание латышских литературных кругов, я позволю себе остановиться на нем подробнее и ознакомить читателей с сохранившимися в моем архиве материалами, проливающими свет на картину нравов царских опричников.

Прошло почти 20 лет со времени ареста Клары Якович (рожденной Шиллинг), и многие подробности этого эпизода «деятельности» военных карательных отрядов, заливших кровью Прибалтийский край, естественно, изгладились из моей памяти.

Я позволю себе, поэтому, ограничиться изложением дела Якович и Шиллингов лишь на основании сохранившихся в моем архиве материалов — в виде жалоб потерпевших, их заявлений и писем ко мне, проливающих свет на мрачную картину белого террора в Латвии.

Я тем более считаю себя в праве огласить эти материалы, что обстоятельства этого дела не только были уже изложены в корреспонденции (под заглавием: «Из Мадлена», напечатанные на латышском языке в № 13 газеты «Лайкс» (Laiks) от 8-го апреля 1906 г., издававшейся в Риге под редакцией доктора философии П. К. Залита), но были также предметом превварительного следствия, производившегося в 1906 году судебным следователем Митавского окружного суда по важнейшим делам — по жалобе Вольдемара Фридриховича фон-Кавера, возбудившего дело по обвинению П. К. Залита в оклеветании его в печати, (по 1535 статье отмененного ныне Уложения о наказаниях).

Обстоятельства этого дела, — насколько я имел возможность ознакомиться с ним в качестве защитника Клары Якович и редактора га-

зеты «Лайкс»—доктора философии П. К. Залита,—сводятся в самых существенных чертах к следующему:

10-го января 1905 года в местечко Сисегаль, Рижского уезда, явился отряд карательной экспедиции, возглавляемый помощником рижского уездного начальника Вольдемаром Фридриховичем фон-Кавером. Проникнув в дом отца Клары Якович—Морица Фрицева Шиллинга (в усадьбе Галлакорчина) отряд драгун пред'явил хозяйке—Констанце Андреевне Шиллинг требование немедленно выдать оружие, предупредив ее при этом, что вскоре придет их начальник—офицер, и если только он найдет в ее доме оружие, то ей не сдобровать.

И действительно: вскоре к Шиллингам явился переодетый в штатское платье офицер, оказавшийся впоследствии Владимиром Фридриховичем фон-Кавером.

Не взирая на то, что немедля, по первому о том требованию драгун, — Шиллинг выдал им находившееся в ее квартире оружие, В. Ф. фон-Кавер обратился к Констанце Андреевне Шиллинг (на немецком языке) с требованием указать местопребывание ее мужа Морица Шиллинга и дочери их — Клары Шиллинг, по мужу—Якович.

Констанца Шиллинг ответила В. Ф. фон-Каверу, что муж ее—Мориц Шиллинг находится в от'езде по своим делам и что местопребывание ее дочери — Клары ей неизвестно, так как еще на рождестве она выбыла из Сиссегаля. В ответ на заявление Констанцы Шиллинг В, Ф. Кавер сказал ей, что когда она «отведает 40 ударов, то после этого ей станет известно, где находится ее дочь».

«При этих словах офицер Кавер»,—по свидетельству автора заявления,—«схватил Констанцу Шиллинг за горло и, обращаясь к драгунам, потребовал нагайку».

Однако, драгун почему-то не исполнил требования Кавера, которому «таким образом, не удалось учинить расправу над Констанцией Шиллинг».

Угрожая побоями перепуганной женщине, В. Ф. фон-Кавер пригрозил ей также уничтожнеием всего ее имущества и с этими словами удалился из дома.

29 января в 8 часов вечера в дом Морица Шиллинга явилось двое стражников, пред'явивших к нему требование — немедля явиться к их начальнику—приставу.

Мориц Шиллинг беспрекословно подчинился их требованию и тотчас-же отправился в сопровождении стражников к приставу.

По дороге к дому пристава Мориц Шиллинг был остановлен офицером 5-го уланского экскадронного полка, пред'явившим к нему категорическое требование—доставить безотлагательно к 9-ти часам вечера свою дочь Клару Шиллинг-Якович, пригрозив ему, в случае ее неявки, немедленным сожжением всего его имущества.

И действительно — офицер не замедлил привести в исполнение свою угрозу:

Не успел Мориц Шиллинг вернуться домой и передать своей жене требование офицера о немедленном приводе Клары Якович, как спустя 10—15 минут, по возвращении домой, к нему в дом нагрянул отряд улан 5-го экскадронного полка под предводительством нескольких офицеров и, не говоря ни слова, стал выносить из его дома имущество. Сложив на дворе вынесенное имущество Морица Шиллинга, состоявшее из дубленных кож, гробов, (у Шиллинга было 4 мастерских: кожевенная, седельная, столярная и малярная) платья, мебели и проч., солдаты тут-же — на глазах перепуганного Шиллинга — сожгли его имущество и, арестовав Морица Шиллинга, увезли его вместе с четырьмя другими

арестованными латышами в имение Эссенгоф, рижского уезда, где в ту пору квартировал 5 уланский эскадронный полк знаменитого «заплечных дел мастера» генерала Орлова.

По приводе арестованных в имение Эссенгоф, Мориц Шиллинг ни разу допрошен не был, и лишь 30-го января впервые был доставлен для допроса в имение Фистелен (в 12 верстах от Эссенгофа), где оставался под стражей до 1-го февраля.

Не взирая на заверения В. Ф. фон-Кавера (находившегося в имении Фистелен), что с Морицем Шиллингом «ничего не будет», несчастный Шиллинг и арестованный вместе с ним Калнынь (кожевенный мастер, служивший у Шиллинга) были расстреляны.

После расправы с Морицем Шиллингом, царские сатрапы всю свою ненависть обрушили на членов семьи Шиллинга и в частности на Клару Якович. По воспоследовании манифеста 17 октября были произведены выборы нового волостного управления в Лелассной волости, и в состав членов правления вошла также Клара Якович.

По постановлению пяти волостных правлений, в каждой волости было избрано по 3 члена, вошедших в состав так называемого «распорядительного комитета» (по латышски—„rihzibas komiteja").

Этот комитет, распределивший между пятнадцатью своими членами ответственные общественные должности, выработал следующую резолюцию, характеризующую революционное настроение крестьянских масс латышского населения в ту пору:

1) уравнять женщин в правах с мужчинами, предоставив им всю полноту прав.

Это требование мотивировалось указанием на то, что при равном рабочем дне женский труд оплачивается, однако, вдвое меньше мужского труда;

2) ввести прогрессивный налог и обложить им всех жителей волости.

Это требование подкреплялось тем соображением, что безземельные крестьяне и батраки платят такие же налоги, что́ и крестьяне-собственники;

3) обложить помещиков налогами пропорционально размерам их участков на предмет удовлетворения общественных нужд (содержание училищ, ремонт дорог, общественное призрение и т. п.);

4) обязать арендаторов вносить часть арендной платы в кассу волостного правления на нужды общественного призрения и вспоможения нетрудоспособным работникам.

Недолго, однако, пришлось Кларе Якович исполнять обязанности члена вновь избранного волостного правления: вскоре началось «смутное время» в Латвии, и первые побеги общественной самодеятельности латышского населения были вырваны с корнем надвигавшимися со всех сторон военными карательными экспедициями.

После долгих скитаний Клара Якович, узнав об аресте своего мужа Карла Яковича, отправилась в Ригу хлопотать о смягчении его участи; в Риге она была арестована и, не взирая на беременность, была препровождена в тюрьму.

На допросе жандармский полковник Б. упорно домогался выведать от Клары Якович фамилии ее товарищей и содержание произнесенных ею на митингах агитационных речей.

Когда Клара Якович с негодованием отвергла домогательства жандармского полковника Бойкова, ей был пред'явлен целый ряд обвинений, влекущих за собой суровую кару.

Обвинения, пред'явленные к Кларе Якович, сводились к следующим пунктам:

1) свержение существующих волостных властей и учреждение, взамен их, противозаконного «распорядительного комитета», в состав коего входила, в качестве члена, Клара Якович;

2) самовольное распределение должностей между членами «распорядительного комитета», принадлежавшими к «преступному» сообществу, поставившему себе целью насильственное низвержение существующего в России политического строя;

3) самовольное отправление Кларой Якович обязанностей незаконно избранного судьи и вынесение ею и шестью ее товарищами строгих приговоров.

Хотя мне, как защитнику Клары Якович, удалось исходатайствовать у министра внутренних дел Дурново «охранные листы» для нее, ее матери Констанцы и брата Оскара Шиллинга, однако, эти охранные грамоты не возымели никакого эфекта: Клара Шиллинг-Якович, невзирая на выданный ей охранный лист, была арестована... Не только Клара Якович и ее муж, но и престарелая мать и несовершеннолетний брат Клары еще долгое время подвергались преследованиям со стороны военных и административных властей, а престарелый отец Клары Якович без всякой вины был арестован карательным отрядом, при чем имущество его было сожжено по распоряжению военных властей.

Дело Якович и Шиллингов, как я сказал уже, вызвало живой интерес в латышских общественных и литературных кругах.

Заступничество за Клару Якович редактора латышской газеты «Лайкс» доктора философии Петра Карловича Залита повлекло за собой привлечение его к уголовной ответственности по 1535 статье отмененного ныне уложения о наказаниях.

Так как это дело характеризует гнет царского произвола, сковывавшего в ту пору латышскую печать, и рисует картину бесправия латышской прессы, то я позволю себе ознакомить читателей с обстоятельствами этого дела, вызвавшего к себе в ту пору живой интерес в латышских литературных кругах.

Дело редактора газеты «Лайкс» („Laiks“) д-ра философии П. К. Залита.[1]

Дело это возникло по жалобе Вольдемара Фридриховича фон-Кавера по следующему поводу:

Поверенный В. Ф. фон-Кавера—помощник присяжного поверенного Георгий Михайлович фон-Бульмеринг в прошении, поданном в Митавский окружный суд по уголовному отделению, просил привлечь редактора латышской газеты «Лайкс»—доктора философии Петра Карловича Залита к уголовной ответственности по 1535 статье уложения о наказаниях, в виду следующих обстоятельств:

В № 13 газеты «Laiks» от 8-го апреля 1906 года, издававшейся в городе Митаве И. Брикманом под редакцией П. К. Залита, в отделе «Внутренних известий» была помещена статья, в которой, между прочим, было сказано следующее:

---

[1]) Редактор газ. „Лайкс“ д-ор философии Залит в то время идеолог „правого крыла“ либеральной буржуазии.

Прим. издательства.

«Из Мадлена».

«По делу об убийстве Шиллинга - отца, возбуждено было преследование, и дело это передано для ведения господину присяжному поверенному .... [1]).

Дело приняло хороший оборот: по распоряжению министра внутренних дел лишивший жизни отца - Шиллинга «почетный пристав» фон-Кавер привлекается за свои действия к ответственности; но, по словам лифляндского генерал-губернатора Соллогуба, неизвестно, где в настоящее время находится фон-Кавер; он уехал, быть может, за границу и когда он возвратится,—неизвестно... Акменс».

И действительно В. Ф. фон-Кавер уехал за границу, вследствие чего его поверенный Г. М. фон-Бульмеринг,—как сообщали газеты,—вынужден был по незнанию адреса своего клиента отказаться от ведения его дела.

«Принимая во внимание—гласит жалоба поверенного Вольдемара Фридриховича фон-Кавера—помощника присяжного поверенного Г. М. фон-Бульмеринга—

«1) что «Лайкс», обвиняя фон-Кавера в убийстве, обвиняет его в деянии, противном правилам чести и способном омрачить честь и доброе имя его;

2) что обвинение это—ложно;

3) что редактор газеты «Лайкс» П. Залит должен был знать, что распространяемый им о фон-Кавере слух не согласен с истиной и является для него, фон-Кавера, безусловно оскорбительным и

4) что означенный слух о фон-Кавере был оглашен П. Залитом с умыслом оскорбить его»,—«В. Ф. фон-Кавер, усмотрев клевету на него в приведенной выше статье из «Мадлена», просил Митавский окружной суд привлечь ответственного редактора газеты «Лайкс»—Петра Карловича Залита к уголовной ответственности по обвинению его по 1535-ой статье уложения о наказ.

Дело это было первым выпадом военных властей против латышской печати и, естественно, вызвало к себе живой интерес в латышских литературных кругах.

К крайнему удивлению, дело это, по окончании предварительного следствия, было отложено, в виду отказа поверенного В. Ф. фон-Кавера—помощника присяжного поверенного Г. М. фон-Бульмеринга от обвинения—впредь до возвращения его доверителя в Митаву; таким образом, этому делу не суждено было дождаться судебного разбирательства.

Мне не пришлось выступать в Митавском окружном суде по делу по обвинению П. К. Залита в оклеветании В. Ф. фон-Кавера в печати; я позволю себе, поэтому, воспроизвести картину судебного заседания по этому делу по письму ко мне П. К. Залита на немецком языке.

Привожу выдержки из этого письма в дословном переводе с немецкого с небольшими сокращениями:

[1]) Я опускаю фамилию присяжного поверенного в статье С. Г.

«Рига, 21-го ноября 1906 года.

Высокоуважаемый г-н ....

Ваше заказное письмо от 18-го ноября с. г. я, к сожалению, получил с опозданием—лишь вечером 20-го ноября,—по возвращении моем из Митавы в Ригу.

Все свидетели, за исключением Клары Шиллинг и пристава Фролова *), были на лицо; они чувствовали себя бодро и были готовы, по мере сил, помочь суду разоблачить все гнусности (Niederträhtigkeiten), учиненные фон-Кавером. При таких условиях им не представляло-бы особого труда обрисовать фон-Кавера в истинном свете.

О моем осуждении не могло быть и речи. Однако, ни Кавер, ни его защитник—присяжный поверенный фон-Бульмеринг в суд не явились. Еще за несколько дней до судебного заседания, адвокат фон-Кавера обратился в Митавский окружный суд с заявлением о том, что он вынужден отказаться от защиты своего клиента, так как его доверитель, по всей вероятности, находится за границей и не сообщил ему своего адреса, лишив его, таким образом, возможности задать своему клиенту некоторые важные вопросы.

Окружный суд предложил мне высказаться по этому вопросу. Я ответил приблизительно следующее:

Принимая во внимание, что ни жалобщик, ни его поверенный в заседание суда не явились,—неявку их следует приписать вине жалобщика; он обязан был сообщить адрес своему защитнику, но этого им сделано не было, так как фон-Кавер, насколько мне известно, скрылся за границу *).

По этим основаниям я просил окружный суд совершенно п р е к р а т и т ь это дело....

Вслед затем суд вынес следующее постановление:

Дело слушанием отложить, расходы, сопряженные с явкой свидетелей,—принять за счет казны.

Дело было отложено, а не прекращено—вопреки моим ожиданиям,—по той причине, что суд допустил формальное нарушение: ни Каверу, ни его защитнику, не были вручены повестки по указанному ими рижскому адресу. Резолюция, как сообщил мне пристав, была готова еще до начала процесса.

Кавер должен быть немедля привлечен к судебной ответственности от имени г-жи Шиллинг. Это давно уже нужно было сделать...».

Совет П. К. Залита запоздал на несколько месяцев. Поданная мною по поручению К. Шиллинг жалоба на действия помощника уездного начальника В. Ф. фон-Кавера, как видно из сохранившейся у меня официальной справки, препровождена была департаментом полиции в кан-

---

[1]) Пристав Фролов был указан как свидетель, который мог-бы опровергнуть предъявленное Морицу Шиллингу обвинение.

[2]) Заявление П. К. Залита о пребывании В. Ф. Фон Кавера за границей нашло себе подтверждение в сообщении, напечатанном в № 87 газеты „Düna Zeitung“ от 17-го апреля т. г.

целярию временного Прибалтийского генерал-губернатора за № 4490 еще 30-го марта 1906 года.

Сообщение П. К. Залита о том, что резолюция Митавского окружного суда по его делу состоялось еще до открытия судебного заседания, проливает свет на закулисную тактику судов Прибалтийского края.

Суд был в ту пору послушным орудием в руках военных властей.

В самом деле: оправдание П. К. Залита (а в оправдательном вердикте по этому делу не могло быть никаких сомнений) было-бы равносильно официальному признанию фактов, указанных в жалобе К. Шиллинг, а, следовательно, и признанию доказанности факта убийства Морица Шиллинга по приказанию В. Ф. фон-Кавера (так как газета «Лайкс» открыто обвиняла В. Ф. фон-Кавера в убийстве Шиллинга - отца).

Так как этот вывод, логически неизбежно вытекавший из факта оправдания П. К. Залита, с очевидностью противоречил-бы тактике военных властей по отношению к К. Шиллинг, то суд вынужден был замять это дело, отложив его ad calendas grecas.

И действительно, тактический расчет военных властей в полной мере оправдался: отложенное слушанием дело П. К. Залита кануло в Лету, и таким образом, военным властям удалось упрятать Клару Шиллинг - Якович в тюрьму и реабилитировать тем самым честь В. Ф. фон-Кавера.

Так делалась в ту пору история в Прибалтийском крае!

Вскоре, однако, возникло новое аналогичное дело по обвинению ответственного редактора латышской газеты «Spehks» Константина Петровича Гирша по обвинению его по I части 1059 статьи уложения о наказаниях (дифамация).

Дело редактора газеты «Spehks»*) К. П. Гирша.

Дело это является отголоском упомянутого выше дела об избиении и аресте свободного художника Оттона Фогельмана.

Основанием для привлечения К. П. Гирша к ответственности по I части 1039 статьи Уложения о наказаниях послужили следующие обстоятельства:

В № 7 издававшейся в Митаве газеты «Spehks» от 1-го декабря 1905 года была напечатана статья под заглавием «Митавские события», в которой ротному командиру 114-го пехотного Новоторжского полка капитану Ивану Бушу приписывалось совершение, при исполнении им служебных обязанностей, предосудительных поступков, оскорбляющих его честь и доброе имя.

Приписываемые капитану Бушу деяния, как они были изложены в инкриминируемой К. П. Гиршу статье, рисуют следующую картину расправы военных карательных отрядов с беззащитным населением Митавы:

---

*) Газета «Спекс»—орган либеральной буржуазии.

Прим. издат.

28-го ноября 1905 года в городе Митаве из домов, расположенных по Замковой и Колонадной улицам, выходящим окнами на Базарную площадь, было произведено несколько выстрелов в раз'езд казаков.

Находившаяся вблизи этого дома рота 114-го пехотного Новоторжского полка, по приказанию командира капитана Буша, открыла огонь по окнам означенных домов; вместе с тем, по распоряжению капитана Буша, солдатами было арестовано в одном из домов несколько человек, заподозренных в стрельбе.

Это событие было описано в статье «Митавские события», в № 7 газеты «Spehks», где между прочим было сказано следующее:

«После бойни на улицах, солдаты вломились в три дома под Колонадами и в каждом из них уверяли жильцов, что им-де показалось, будто они стреляли из этого дома.

Следуя принципу «каждого десятого», хранители отечества арестовывали в каждом доме лишь жителей одного этажа.

Особенно мерзостно вел себя в доме Гейmансона офицер Буш со своими солдатами.

В присутствии офицера солдаты нещадно избили жильцов этого дома.

Лишь спустя значительный промежуток времени Буш сообразил, что бить еще рано, так как вина арестованных ничем еще не доказана.

По дороге в полицию арестованных подвергали избиению».

В другой латышской газете,—в № 266 «Балтияс Вестнезис»—в корреспонденции из Митавы мы находим описание следующего эпизода кровавой вакханалии карательного отряда 114-го пехотного Новоторжского полка.

«Из Митавы».

«Свободный художник Оттон Фогельман, как нам сообщают, во время митавских беспорядков был арестован без малейшего к тому повода; на квартире, а затем и на улице, идя в полицию в сопровождении солдат, он удостоился со стороны последних тяжких побоев прикладами и, наконец, был даже ранен штыками.

О. Фогельман не дал ни малейшего повода к таким ужасным поступкам. Он не оказал ни малейшего сопротивления при аресте и при отводе его в полицию.

Несчастье произошло оттого, что арестовавшему его офицеру Бушу вздумалось, будто из того дома, у окна которого стоял Буш, по всей вероятности, происходила стрельба.

Такого-же мнения был офицер Буш и о двух других соседних домах. Никаких доказательств факта стрельбы из каких-либо домов не оказалось. Художник Фогельман намерен подать жалобу на расправу с ним генерал-губернатору, а если понадобится, то и еще дальше».

На возникшем по этому делу предварительном следствии капитан И. Буш подтвердил, что рота 114-го пехотного Новоторжского полка стреляла по тем «целям», куда ей было приказано, а именно: по вторым этажам дома по Замковой улице и на Базарной площади—по дому Гейманса, и что после обстрела домов были арестованы те лица, из чьих квартир были произведены выстрелы».

На судебном заседании по делу К. П. Гирша, происходившем в Митавском окружном суде по уголовному отделению, 11-го сентября

1906 года, в целях всестороннего освещения картины расправы солдат с жильцами, обстрелянных квартир мною, как защитником К. П. Гирша, было возбуждено ходатайство о приобщении к делу жалобы свободного художника Оттона Фогельмана на действия капитана И. Буша и экземпляр газеты «Baltijas Westnesis» от 5-го декабря 1905 года за № 266, в которой были изложены обстоятельства, сопровождавшие обстрел дома Гейсмана.

Вместе с тем я просил суд, в подтверждение инкриминируемых К. П. Гиршу фактов,—огласить ряд газетных корреспонденций и статей, в которых описывались митавские события, происходившие в ноябре 1905 года.

Не взирая на возражения товарища прокурора В. И. Ильина, суд постановил приобщить к делу представленные мною документы, как материал, освещающий картину Митавских беспорядков; вместе с тем, суд удовлетворил мое ходатайство об оглашении имевшихся в деле показаний свободного художника Оттона Фогельмана и других свидетелей (Думчева, Свинне и Капоста), о вооруженном сопротивлении отряду солдат.

Так как защите приходилось оперировать над печатным материалом—статьями на латышском языке,—и русский перевод этих статей не внушал мне доверия, то по моему ходатайству суд постановил поручить штатному переводчику Митавского окружного суда представить новый русский перевод, указанных мною латышских статей.

Как увидит читатель,—новый перевод указанных мною статей придал новое освещение и смысл наиболее ценным для защиты фразам в благоприятном для К. П. Гирша истолковании.

Дело в том, что моему подзащитному К. П. Гиршу инкриминировалось, между прочим, слово „negehlis", которое можно было перевести двояко: либо как существительное «негодяй», либо как наречие «негоже, нельзя», «не следует», «не подобает».

Другое выражение в той же статье—«tehwijas sargi»—точно также допускало двоякий перевод. И вот из-за перевода этих выражений на суде разгорелся целый филологический диспут.

Эксперт Давид показал:

— «Я нахожу, что слово «negehlis» переведено не точно. Имя существительное этого слова «negehlis» («негожий»), а потому я перевел бы это слово по-русски: «негоже», «неподходяще».

Второй эксперт—Беля, присоединившись к заключению эксперта Давида, внес весьма существенную поправку: по его мнению, инкриминируемая К. П. Гиршу статья в газете «Spehks» содержит в себе лишь критику действия офицера Буша, так как слово „negehligi" и правильно переведено на русский язык словом «мерзостно»; для передачи русского слова «мерзостно» на латышском языке существует слово „reebigi".

Наконец, третий эксперт Нейман, присоединяясь к заключению эксперта Давида, пошел еще дальше в филологическом истолковании этого злополучного слова: по его мнению, это слово вовсе не употребляется в литературном латышском языке, и его следует заменить равносильным латышским словом—«невозможно». Хотя буквальный перевод этого имени существительного означает по русски «негодяй», но в инкриминируемой К. П. Гиршу статье это слово имеет смысл «негожий».

Эксперт Давид прочел на суде целую лекцию и дал обстоятельный филологический анализ этого слова.

В результате—после продолжительного филологического диспута трех ученых мужей, злополучное слово „negehlis“ претерпело подлинную «овидиеву метаморфозу»: эпитет «негодяй» по мановению волшебного жезла превратился в наставление гувернантки: «нельзя», «не подобает», а «охранники отечества» (по моему — правильнее было бы назвать их «отечественными о х р а н н и к а м и») превратились после глубокомысленного диспута трех экспертов в... доблестных «з а щ и т н и к о в отечества».

Я остановился на этом курьезе для того, чтобы показать, на наглядном примере, как иногда судьба подсудимого зависела в ту пору от безграмотности латышских переводчиков, нередко искажавших до неузнаваемости (по незнанию русского языка) смысл латышских слов и целых фраз, инкриминируемых подсудимым.

Заключение экспертизы ослабило до некоторой степени неблагоприятное впечатление от инкриминируемой К. П. Гиршу статьи.

На предварительном следствии картина обстрела домов отрядом капитана И. Буша обрисовалась в таком виде:

Потерпевший свободный художник Оттон Фогельман показал следующее: из переулка вышел с солдатами офицер, которого впоследствии кто-то из находившихся у Августа Свинне лиц назвал Бушем. Подойдя к дому, из которого О. Фогельман смотрел на улицу, офицер этот спросил его,—не из этого-ли дома раздавались выстрелы. Не взирая на отрицательный ответ О. Фогельмана, офицер этот вторично задал ему тот-же вопрос. В этот момент снова раздались выстрелы. Спустя 10 минут в квартиру Августа Свинне, находившуюся во втором этаже, вошел капитан И. Буш в сопровождении солдат. Один из молодых солдат указал на О. Фогельмана, как на лицо, стрелявшее из этого дома. Солдаты были страшно возбуждены против О. Фогельмана и находившихся у А. Свинне лиц, упрекая их в том, что они целые сутки из-за них не ели и не спали. Отводя их в полицейское управление, один из солдат нанес О. Фогельману удар штыком в спину, что подтвердил впоследствии очевидец этой сцены подполковник Блезе. У входа в полицейское управление все арестованные подверглись жестокому избиению казаков.

Свидетель—урядник 3-ей сотни Фролов, допрошенный на предварительном следствии, показал, что после того, как пехота окружила дом Геймансона, солдаты стали ломать дверь в квартиру А. Свинне.

Свидетель—сотник 3-го Донского казачьего полка Думчев подтвердил, что солдаты на его глазах ломали дверь в квартиру А. Свинне, причем он видел несколько выломанных досок.

Допрошенный на суде «свидетель»—капитан 114-го пехотного Новоторжского полка Иван Буш усмотрел тяжкое оскорбление своей чести не столько в приписываемой ему статьей в «Лайкс» жестокости и «мерзостном» поведении во время обстрела домов, сколько... в ошибочном—по его словам—утверждении автора этой статьи, «будто его рота не хотела стрелять в толпу, а сделала лишь выстрел в воздух, и то лишь тогда, когда толпы уже больше не было,—по второму его приказанию».

«В этих выражениях, — заявил доблестный «охранитель» отечества, — заключается о с к о р б л е н и е меня, как начальника команды, и з а т р о н у т а м о я в о и н с к а я ч е с т ь». В этих словах капитана Буша, приведенных мною дословно—по официальному протоколу судебного заседания 11 сентября 1906 года,—вылились его задушевное credo и подлинная «идеология»: расстреливать посреди белого дня дома и безоружных жителей без всякого к тому основания—лишь по голому

подозрению,—против этого воинская «честь» и «совесть» И. Буша не заявляет никакого протеста; а вот, если солдаты, ослушавшись его команды, не сразу начнут расстреливать безоружных людей,—это переживается им, как несмываемый позор и невыносимое оскорбление!..

Вопреки моему ожиданию, дело К. П. Гирша закончилось сравнительно удачно: он отделался штрафом в 300 рублей.

Живой труп.

(Дело И. Симсона).

Для характеристики белого террора, сковывавшего в ту пору Латвию, приведу один случай, особенно ярко запечатлевшийся в моей памяти.

Со времени слушания этого дела в митавском военно-полевом суде прошло чуть-ли не двадцать лет, но обстоятельства его и обстановка, в которой происходило судебное заседание по этому делу, так живо и отчетливо сохранились в моей памяти, что я позволю себе воспроизвести его по воспоминаниям (документов по этому делу, к сожалению, в моем архиве не сохранилось).

«Живой труп», иначе я не могу назвать моего подзащитного И. Симсона, дело коего слушалось 14 августа 1906 г. в митавском военно-полевом суде.

Передо мною стоял худощавый шатен лет 35—36-ти, с рыжеватой бородкой и тонкими чертами изможденного худого лица.

Это был «смертник»—либавский извозчик Симсон, обвинявшийся по 279 статье 22-й книги свода воен. зак., каравшей смертной казнью.

К нему было пред'явлено обвинение в том, что он, во главе группы революционеров, совершил вооруженное нападение на тюремных конвоиров, сопровождавших из Либавской тюрьмы латышей—политических «преступников».

Открыв стрельбу по тюремным конвоирам, Симсон и его товарищи ранили одного из них, предоставив тем самым конвоируемым политическим возможность бежать.

По тому суровому времени,—когда покушение на порчу телеграфной проволоки каралось смертной казнью, — не могло быть, конечно, никакого сомнения в том, что за столь тяжкое преступление его неминуемо ждет смертная казнь.

Ознакомившись с материалами по этому делу, я откровенно заявил убитой горем жене Симсона, что на оправдание ее мужа нет никаких надежд и что защитник, к сожалению, в данном деле—безсилен...

Глубоко потрясенный ее рыданиями, я по просьбе присяжного поверенного Х. и видного еврейского общественного деятеля, либавского раввина, принимавшего участие в судьбе Симсона, с тяжелым сердцем принял на себя его защиту. Я говорю—«с тяжелым сердцем», так как трудно представить себе гнет нравственного самочувствия защитника, принимающего на себя ответственность за чужую жизнь, когда ему заведомо известно, что разве только чудо может спасти его подзащитного от смертной казни.

Дело Симсона было тем более неблагодарным для защиты, что не было ни одной спорной улики против него: факт преступления был доказан с полной несомненностью; ряд свидетелей, очевидцев события

рисовали на суде «ужасающую»,—как выразился прокурор,—«картину преступления» до мельчайших деталей.

Особенно жестоко уличал Симсона один свидетель—русский лавочник (не помню, к сожалению, его фамилии), бывший очевидцем преступления.

Его показания, поразившие меня чисто эпическим спокойствием в изображении деталей картины, были убийственными для Симсона.

Даже председатель военно-полевого суда—бравый, краснощекий полковник, чуждый всякой сентиментальности,—и тот был, повидимому, несколько смущен убийственным тоном показаний этого свидетеля, топившего Симсона с каким-то упоением.

«А вы, свидетель, твердо помните, что это был Симсон? Посмотрите на подсудимого! Может быть, это был не он, а кто-нибудь другой, похожий на него?»—спросил председатель громовым голосом.

«Помилуйте, Ваше Превосходительство! Ведь кто не знает извозчика Симсона! У него еще не хватает нескольких зубов! Конечно он!»—не моргнув глазом, ответил свидетель.

Тон, которым ответил этот свидетель председателю суда, не оставлял никаких сомнений в виновности Симсона.

Помню, меня охватило жуткое чувство при мысли, что еще сегодня или завтра будет казнен человек, вверивший мне свою судьбу.

Я в бессилии опустил руки: не только для суда, но даже для меня,—его защитника не оставалось отныне никаких сомнений в доказанности факта преступления.

Был еще один неблагоприятный для Симсона свидетель в этом деле; это—его национальность: Ицкох Симсон—увы,—был еврей!..

Подавленный убийственным показанием свидетеля - лавочника, я почти не слушал его дальнейших показаний; да и незачем было их слушать: что нового могли внести в дело его дальнейшие показания?

Но, вдруг, совершенно неожиданно для меня, до моего слуха долетела фраза свидетеля:

«Не помню, Ваше Превосходительство... потому у меня вроде, как память отшибло»...

Эти слова свидетеля озарили меня надеждой поколебать доверие суда к его показаниям.

Я приободрился и стал задавать свидетелю ряд наводящих вопросов с целью выяснить, что именно «отшибла» у него память.

К моей великой радости, мне удалось установить, путем тщательного допроса свидетеля, следующие обстоятельства:

Незадолго до дня инкриминируемого Симсону преступления этот злополучный свидетель выписался из больницы для душевных и нервных больных, где находился на излечении от тяжкой нервной болезни, повлекшей за собою потерю памяти.

Я ухватился за это новое обстоятельство, впервые установленное на суде, как за якорь спасения.

Дав тщательный анализ болезни этого свидетеля и оценку его показаний, я предостерегал судей от роковой судебной ошибки.

Можно-ли полагаться на показания свидетеля, только что выпущенного из больницы для душевных и нервных больных, если, по собственному его признанию, у него «отшибло» память?!...

Можно-ли расплачиваться жизнью подсудимого за опороченные и, в лучшем случае, сомнительные показания свидетеля, перенесшего тяжелую нервную болезнь и, быть может, не оправившегося от нее и поныне!

А что, если память и на сей раз изменяет этому свидетелю! А что, если его показания повлекут за собою роковую судебную ошибку»!!...

Я говорил с большим волнением, искренно, всем сердцем уверовав в невиновность Симсона. Помнится,—я закончил свою речь по этому делу следующим обращением к судьям:

— «Господа судьи! Опытные мореплаватели рассказывают, что когда разыгравшаяся на океане буря ломает в щепы гигантские суда, достаточно одной капли масла, чтобы умиротворить разгневанную стихию. Пусть это—красивая легенда; но Прибалтийский край, скованный террором военных карательных экспедиций, в самом деле,—безбрежный океан латышской крови и слез.

Вы творите правосудие в пучине слез и страданий. И здесь разыгравшаяся стихия ломает бесжалостно тысячи жизней, уносит тысячи жертв в пучину смерти...

Я прошу вас лишь об одной капле человечности... И я верю всем сердцем, что эта маленькая капля чувства жалости к человеку свершит чудо: она умиротворит расходившуюся стихию и спасет жизнь невинного человека!»...

Помню,—с каким трепетом и волнением ожидал я,—и не один я, но и убитая горем семья Симсона—приговора по этому делу.

Мои размышления были прерваны раздавшимся звонком.

«Суд идет, предлагаю встать!»—раздалась стереотипная фраза судебного пристава.

И когда вошел суд, зал замер от томительного ожидания.

«По указу его императорского величества, Митавский военно-полевой суд, заслушав дело о мещанине Ицхоке Симсоне... по обвинению его по 279 ст. 22 кн. Свод. воен. зак. и т. д., признал Ицхока Симсона....».

Помню—с какой жутью насторожился я после этих слов приговора: одно слово—и Симсон либо превратится в бездыханный труп, либо будет спасен... С замиранием сердца, с опущенной головой выслушал я дальнейшие четкие слова приговора:

«Признан по суду о п р а в д а н н ы м за недоказанностью факта преступления».

В этот момент в зале суда раздался истерический смех,—не плач, а именно смех:

Из отделения для публики выбежала, обезумев от радости, жена Симонса: подбежав к судейскому столу, она бросилась ко мне в ноги и судорожно стала кататься по полу, оглашая воздух дикими выкриками. Смех ее—дикий, безудержный,—усиливался. Ползая по полу, она подползла к прокурору и судорожно стала цепляться за его колени, продолжая биться в истерике.

Даже председатель суда, видавший на своем веку виды, и тот был глубоко потрясен и растроган пафосом радости несчастной женщины.

— «Успокойтесь, напейтесь воды»,—сказал он дрогнувшим голосом, приказав подать ей воды.

С большим трудом удалось привести в чувство и вывести из зала обезумевшую от радости женщину.

«Подсудимый, Симсон, вы оправданы!»,—обратился председатель суда к Симсону.

Я оглянулся: в двух шагах от меня, за моей спиной сидел на скамье подсудимых не Симсон, а живой труп.

— «Встаньте, Вы оправданы! Вы слышите?»,—повторил с некоторым раздражением председатель.

Но Симсон ничего не слышал и не видел.

Вперив в пространство застывший, безжизненный взгляд, он продолжал сидеть в оцепенении, совершенно не реагируя на окружающее.

С широко раскрытыми окаменелыми глазами, без проблеска мысли и чувства, с полуоткрытым ртом, он, как автомат, продолжал неподвижно сидеть, застыв на месте.

— «Поздравляю Вас, Симсон, Вы оправданы»,—произнес я, подходя к Симсону.

Никакого ответа.

— «Gratuliere Ihnen! Sie sind freigesprochen»,—повторил я громче.

Никакой реакции.

— «Поздравляю Вас, еще раз, Симсон, Вы спасены»,—повторил я по еврейски.

Тот-же эффект: гробовое молчание.

— «Будьте добры,—обратился я к латышскому переводчику,—сказать ему по-латышски, что он оправдан».

Тщетно латышский переводчик, оживленно жестикулируя, стал об'яснять Симсону на латышском языке, что он оправдан.

Симсон не выходил из состояния оцепенения и лишь по прошествии некоторого времени пришел в себя.

Никогда в жизни не видел я ничего подобного: предо мною стоял живой труп в буквальном смысле этого слова!

Долго еще не мог я забыть этих застывших стеклянных глаз, окаменелого лица и согбенной спины Симсона.

Не мог забыть его и председатель военного суда.

— «А знаете,—сказал он, повстречавшись со мной в кулуарах суда вскоре после этого дела,—ваш Симсон до сих пор все еще стоит перед моими глазами».

Один из членов суда, офицер с мрачным и недобрым лицом, встретившись как-то со мною в зале суда, откровенно заявил мне: «Никогда не забуду того, что вы вырвали из наших рук Симсона. А не худо былобы его вздернуть!».

С тех пор прошло 19 лет. Кошмарные картины военного террора в Прибалтийском крае с его полевыми судами, карательными отрядами, переполненными тюрьмами и расстрелами мало по малу вытеснены из моей памяти вихрем революционных событий; но скорбный образ Симсона до сих пор все еще живо стоит перед моими глазами. Этот «живой труп»,— этот живой символ скованного террором населения Латвии, никогда не изгладится из моей памяти.

Где он теперь? Жив ли он?..

В ТИСКАХ ЦЕНЗУРЫ.

Латышская пресса перед судом самодержавия.

Если русская печать изнемогала под гнетом царской цензуры, то латышская пресса буквально задыхалась в тисках не только царской цензуры, но и местных репрессий.

О степени гнета цензуры и административно-военного произвола, душившего латышскую печать, можно судить по жалобам латышской

интелигенции в «Петиции латышей», поданной в 1905 году в совет министров за подписью более, чем двухсот латышских общественных деятелей (художников, артистов, писателей, публицистов, актеров, учителей, врачей, судебных деятелей и целого ряда представителей свободных профессий латышской интеллигенции).

«От излишка административной опеки», — гласит эта петиция,— «первым делом страдает наша пресса, которою руководят следующие лица и учреждения:

1) отдельный цензор в Риге;

2) вице-губернатор;

3) полиция в качестве цензора об'явлений и вывесок;

4) духовная цензура;

5) инспекция и цензура типографий;

6) драматическая цензура;

7) полиция в качестве органа, не допускающего к представлению цензурованных драматической цензурой пьес;

8) попечитель учебного округа и

9) директор народных школ в качестве цензора публичных лекций.

Эти учреждения нередко дают друг другу противоречащие предписания, дозволяют одной газете то, что запрещают другой, уничтожают, таким образом, чувство справедливости и делают невозможным выставление фактов в истинном свете, правильное обсуждение их и защиту против нападок и инсинуаций.

Цензура стремится смотреть на наши периодические издания и книги, как на «народные издания», применяя к ним самое низшее мерило «Сельского Вестника», не допуская никаких сколько-нибудь серьезных тем и вопросов: ни аграрного, ни о земском самоуправлении и т. п., не дозволяет даже переводить русскую цензурованную литературу и газетные статьи даже из «Правительственного Вестника»...

В виду этого, все ограничения со стороны цензуры подлежат отмене, и нашей прессе и книжному делу должны быть даны такие же права, какие будут даны русской прессе и требуются ее представителями; прежде всего же надлежит отменить предварительную цензуру и ее множественность»...

Своеобразная судьба латышских газет заключалась в том, что их сосали, так сказать, в два соска: им приходилось, поэтому, нести двойную ответственность, и перед судебными учреждениями, и перед прибалтийскими административными и военными властями, не говоря уже о преследованиях царской цензуры; особенно солоно приходилось редакторам латышских газет от произвола местных, большей частью невежественных, цензоров: в моей адвокатской практике были нередки случаи, когда одна и та-же статья, напечатанная, например, невозбранно в Петербурге, служила предметом судебного преследования в Митаве или Риге.

На этой почве происходили нередко курьезы; так, например, за перепечатку статьи, безнаказанно появившейся в русской газете, латышские газеты привлекались к уголовной ответственности и подвергались конфискации.

Очевидно, латышские цензоры руководствовались в своей деятельности тем мудрым соображением, что то, что здорово немцу, опасно и вредно латышу.

Невеселая судьба выпала на долю защитников по литературным и политическим процессам, особливо—в эпоху 1905—1909 годов: трагизм защиты по этим делам заключался в их роковой обреченности на провал в судебной палате.

Дело в том, что по действовавшим в ту пору законам почти все литературные процессы, как и все, вообще, политические дела, разбирались не в окружном суде с участием присяжных заседателей, а в коронном суде—в судебной палате.

Предание суду редакторов и сотрудников газет за инкриминируемые им статьи исходило от той - же самой судебной палаты, которая выносила судебный приговор над ними; таким образом самый факт предания судебной палатой того или иного редактора ее суду в большинстве случаев наперед уже предрешал в утвердительном смысле вопрос о наличности «состава преступления» в деянии редактора данной газеты и тем самым роковым образом обрекал его на заведомое осуждене.

Я говорю «обрекал на заведомое осуждение», так как судебная палата, как коронный суд, ни в коем случае не могла оправдать подсудимого при наличности состава преступления в его деянии.

Бездушный, формальный характер суда по литературным процессам породил особую фикцию—институт так называемых «Sitz - Redacteur'ов»: судебная палата привлекала к судебной ответственности заведомо фиктивных редакторов, если только их фамилия значилась в газете в качестве редакторов. На этой почве нередко происходили воистину курьезные qui pro quo: зачастую на скамье подсудимых по сложным литературным процессам политического характера можно было видеть подставного редактора, едва умевшего подписать свою фамилию; и вот, такой, с позволения сказать, «редактор» крупной влиятельной газеты, едва умевший прочитать инкриминируемую ему статью, в которой он в большинстве случаев, не понимал ни слова, должен был давать ответ перед судом судебной палаты за чужие политические статьи, а защитнику приходилось делать веселую мину на грустном лице и невольно принимать участие в этом маскараде.

Как ни трагична была в ту пору судьба гонимой латышской печати, — все-же нельзя не отметить одной курьезной черты, характерной для тактики борьбы латышской прессы со скорпионами тогдашней цензуры. Я имею в виду курьезное явление, которое можно охарактеризовать словом «travesti»,— «переодевание», практиковавшееся в широких размерах умученными редакторами латышских газет.

Изумительной виртуозности в этом искусстве достиг—редактор издававшейся в Петрограде латышской газеты «Peterburgas Awises» —Оскар Иванович Равинг.

Мне так часто приходилось защищать в б. петербургской судебной палате О. И. Равинга, его мать, жену и домочадцев в качестве «Sitzredacteur'ов" злополучных газет „Peterburgas „Awises", „Zina" и т. д., что семья Равингов прозвала меня своим «семейным защитником».

Не успеют арестовать и закрыть «Peterburgas Awises», — как через несколько дней она возраждается под новым названием „Zina" под редакцией жены Равинга; не успеют захлопнуть и эту газету, как через два-три дня она, подобно Фениксу, возрождается из пепла под новым названием, причем, на сей раз, в качестве редактора фигурирует уже мать Равинга и т. д.

Получалось какое-то «perpetuum mobile»,— сплошной маскарад с беспрерывным переодеванием.

Дело редактора газеты «Peterburgas Latweetis» *) Карла Карловича Звингевича.

Это интересное дело возникло в Петербурге по инициативе «недреманного ока»—главного управления по делам печати, привлекшего к уголовной ответственности редактора Петербургской газеты «Peterburgas Latweetis»—кандидата коммерческих наук—Карла Карловича Звингевича по обвинению его по I, III и V пунктам 129 статьи уголовного уложения.

Основанием к привлечению К. К. Звингевича к уголовной ответственности послужило напечатание во 2-ом, 3-ем и 4-ом номерах редактируемой им газеты от 6-го, 7-го и 8-го декабря 1905 года целого ряда статей «преступного содержания».

Так как статьи эти, служившие отголоском революционного движения в Латвии в период 1905 года, представляют интерес для характеристики эпохи 1905 года и последующих годов, то я позволю себе воспроизвести их содержание в переводе судебного экспорта по настоящему делу—статского советника Мартына Ивановича Ремика, сохраняя редакцию, в какой они были помещены в обвинительном акте [1]):

«Манифест».

«Действующие в С.-Петербурге революционные партии и организации—гласит эта статья—издали следующий манифест:

Правительство находится на краю гибели и банкротства. Оно превратило государство в развалины и покрыло эти развалины трупами.

Измученные, голодные крестьяне более не в состоянии платить податей.

Правительство на деньги народа открыло кредит помещикам. Теперь ему более некуда девать заложенные имения помещиков!

Фабрики бездействуют.

В торговле, вообще говоря, застой, затишье.

Правительство строило железные дороги, флот и крепости и приобрело оружие на капиталы, которые оно заняло за границей. Иссякли заграничные источники, кончились заказы правительства. Торговец, подрядчик, фабрикант, которые привыкли наполнять свои карманы на казенный счет, остаются теперь без этой добычи и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки закрываются. Все торговые обороты сократились до крайней степени.

Борьба правительства с революцией вызывает бесконечные волнения и безпокойства. Никто не может быть более уверен в завтрашнем дне.

Иностранные капиталы уходят за границу. В иностранные банки стекаются также капиталы «настоящих русских». Богачи продают свою собственность и отправляют заграницу. Обжорливые живодеры убегают из России и увозят с собою народное добро.

Уже с давних времен правительство тратило все государственные доходы на армию и флот.

---

*) «Петербургас Латветис»—легальный рабочий орган, руководимый социалдемократией. Прим. издат.

**) Лишь с незначительными редакционными исправлениями. С. Г.

Нет школ. Дороги в неисправном виде и, несмотря на все это, не хватает даже на содержание солдат. Войну проиграли—отчасти потому, что не доставало нужного количества военных запасов.

Во всем государстве начинается бунт голодной, обнищалой армии.

Железнодорожное хозяйство потрясено. Правительство очистило железнодорожную кассу. Чтобы поставить это хозяйство на надлежащий путь, нужны многие сотни миллионов.

Правительство расхитило ссудо-сберегательные кассы, выдавая вклады частным банкам и промышленным учреждениям для поддержки последних. Оно играет на бирже капиталами мелких вкладчиков, которые, вследствие этого, каждый день подвергаются риску.

Запас золота государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями государственных долгов и торговых оборотов. Он исчезнет, как пыль, если при всех договорах станут требовать золотую монету.

Пользуясь тем обстоятельством, что о финансах государства не надо отдавать никакого отчета, правительство делает займы, которые превосходят платежные средства государства.

Новыми займами уплачиваются проценты по бывшим.

Правительство составляет из году в год фиктивные сметы доходов и расходов. Как первые, так и вторые гораздо меньше действительных, чтобы по желанию возможно было выводить излишек вместо дефицита.

Чиновники, над которыми нет никакого контроля, похищают из государственной кассы последние остатки. Единственно лишь учредительное собрание может положить конец такому растранжириванию государственных финансов после низвержения самодержавия. Оно примется за тщательное исследование государственных финансов, составит подробную, верную, ясную смету государственных доходов и расходов.

Страх перед контролем народа, который разоблачит перед всем миром банкротство (крах) государственных финансов, заставляет его медлить созывом представителей народа. Банкротство государственных фондов самодержавие создало таким же образом, как банкротство войны. Задача народных представителей — по возможности уладить дело с кредиторами.

Отстаивая свою обжорливость, правительство заставляло народ вести с ним смертельную борьбу. В этой борьбе погибают, делаются нищими сотни тысяч граждан и уничтожаются до основания промышленность, торговля и средства сообщения. Есть только один выход—низвергнуть правительство, лишить его последних сил. Надо отнять у него последний источник его существования — денежные доходы. Это необходимо не только для политического и экономического освобождения государства, но и для упорядочения государственных финансов. Мы постановили поэтому: отказаться от выкупных и других платежей в пользу казны; требовать при всех договорах и при уплате жалования за работу золотую монету, а если сумма меньше 5-ти рублей,—звонкую полновесную и серебряную монету; вынимать все вклады из государственных сберегательных касс, а также из государственного банка, требуя при этом уплаты золотом.

Народ никогда не верил правительству и не давал ему никаких полномочий. Поэтому мы постановили не позволять платить те долги, которые царское правительство делало в то время, доколе оно ведет открытую борьбу с народом. Теперь правительство распоряжается в пределах своего собственного государства, как в неприятельской стране.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Организационная Комиссия и Центральный Комитет Русской социал-демократической партии рабочих.

Центральный Комитет Польской социалистической партии.

Центральный Комитет социалистической революционной партии».

Статья эта появилась без подписи.

Любопытна судьба этого «Манифеста»: он был разослан 1-го декабря 1905 года во все редакции петербургских газет для напечатания, но появился лишь в восьми газетах, поплатившихся за это тяжелой карой—судебным преследованием и приостановлением этих газет.

Отказ издававшейся в ту пору в Петербурге под редакцией О. К. Новича газеты «Новости» напечатать этот «Манифест» вызвал, в виде протеста, ропот и забастовку типографских рабочих.

Правые газеты ухитрились найти следующий дипломатический выход: они напечатали этот манифест, но снабдили его крайне резкой критикой, надеясь таким путем отвратить от себя административную и судебную кару...

В № 3 той-же газеты на видном месте были напечатаны «Примерные условия, которые должны быть предложены дворянству и войску, в случае их сдачи».

«Правила» эти преподают следующие тактические указания пролетариату в случае вооруженного восстания:

1) выдача всего оружия дворянами и войсками;

2) обещание дворян озаботиться отменой военного положения;

3) освобождение дворянами всех захваченных ими в плен революционеров;

4) признание дворянами новых учреждений крестьянского и городского самоуправления;

5) обязательство дворян не держать в своих имениях ни одного солдата, казака, драгуна или черкеса;

6) обещание дворян не поступать на полицейскую службу и не занимать должностей почетных уездных начальников;

7) доколе Центральный комитет не поставлен в известность, в присутствии своих делегатов, о сдаче дворян, — взятые в плен должны содержаться под арестом и пользоваться продовольствием за общественный счет.

В том же номере «Peterburgas Latweetis» были напечатаны также «Примерные условия заключения перемирия в случае вооруженного восстания».

Условия эти сводились к следующим требованиям:

1) освобождение от наказания всех граждан, принимавших участие в вооруженном восстании;

2) взаимный обмен обеих сторон пленными;

3) отозвание войск из города или местностей, в которых происходило вооруженное восстание *).

В № 4 той-же газеты было напечатано воззвание к Туккумским товарищам, под заглавием «Открытое письмо».

Так как это воззвание представляет собою ценный исторический документ, рисующий картину революционного движения в Прибалтий-

---

*) Вдаваться в критику как этих, так и многих других приводимых в этой книге документов, нам не представляется возможным. Это потребовало бы подробного анализа всей исторической обстановки с выявлением классового начала и обусловливаемого им направления деятельности политических партий и сил в данной период времени—и составило бы совершенно другого характера новый труд, а именно: историю революционного движения края.

Документы эти необходимо рассматривать лишь как исторический материал.

Прим. издательства.

ском крае, то я позволю себе воспроизвести его полностью в переводе судебного эксперта Мартына Ивановича Ремига (с незначительными редакционными исправлениями):

«Открытое письмо Туккумским товарищам».

«Дорогие товарищи!

Балтия (Прибалтийский край) в первый раз в ноябрьские дни пережила вооруженное восстание.

Наши революционеры блестящим образом выдержали огненную пробу. Меньше всего они говорили о вооруженном восстании, но тем более за то они действовали.

В первых рядах вооруженных борцов Балтии стояли на прошлой неделе город Туккум и соседние товарищи.

Наши враги хотели потопить в потоках крови местную социал-демократическую организацию.

Они позволили охранять город вооруженным патрулям, но сами со скрежетом зубовным готовились к избиению жителей.

29-го ноября уездный начальник Раден распространил слухи о черной сотне, чтобы заманить таким путем милицию на улицу. Он послал в город конных с поддельными письмами к «товарищам».

Надеялись не только товарищи, но и весь город, весь народ.

Отовсюду спешили в город Туккум бороться и умереть за свободу— стар и млад, взрослые и малые из Дурбена и Нейшлока, из Ирмлау и Змардена, — все, кто способен был нести оружие.

Драгуны и ясновельможные рыцари вынуждены были запереться в своих позициях, но были изгнаны оттуда.

Началась нерешительная борьба, и неприятель перешел в наступление.

Три дня и три ночи нападал он на город, но взять его не мог.

Генерал Хорунженко первый поднял белый флаг и послал парламентера.

В жестокой битве жертвы неприятеля в пять раз превосходили потери революционеров.

Неприятель еще раз доказал, что он — коварный убийца. После заключения перемирия, дикий барон Рекке с пьяными драгунами убили около шестидесяти немощных и невинных людей — женщин, стариков и детей, которые укрылись в соседних крестьянских усадьбах.

Туккумское сражение заставило трепетать всех палачей.

Когда в Туккуме собралось около 1.000 солдат, все-же и тогда еще барон не счел себя в безопасности в своем Дурбенском замке и удрал в Ригу. Туккумская победа имеет большое значение для революционного движения всей России.

До сего времени только Кавказ (Гурия) был в состоянии обратить копья против врага, теперь это совершилось в Балтии. Ремерсгофские, кокенгузские и леневарденские крестьяне берут в плен 40 баронов со всеми их «израильскими колесницами» и всадниками—драгунами, черкесами, лесничими и охотниками.

В Альт-Ауцене народ прогоняет солдат и отменяет у себя в усадьбах военное положение.

Туккум обратился во второй Порт-Артур.

Пролетариат всей России взирает с почтением и удивлением на малую Балтию, где пролетариат всех народностей плечо о плечо борется за свободу. И он не смотрит на сражения как немые египетские пирамиды— на движение Наполеона,—нет он оттачивает свой меч для решительного боя.

Возмущения солдат повторяются во всех полках. В городе Петербурге в рабочих кварталах каждый день происходят столкновения между рабочими и казаками.

Манчжурская армия ежеминутно собирается отправиться в Европейскую Россию, как целый лагерь бунтовщиков. В революции у нас есть уже сейчас и будет еще много помощников; отважные бойцы будут всегда в первых рядах!

Товарищи! От имени латышской социал-демократической партии мы приветствуем вас, как победителей. Примите глубочайшую признательность от товарищей партии. Вы сплели новый неувядаемый венец вокруг нашего красного боевого знамени!

Враг не дерзает напасть на самые сильные крепости пролетариата— большие города; он испробовал свои силы на малых крепостях и отступил в «величайшем беспорядке». Вы стояли бодро на своих сторожевых постах»!

Во всей обширной России после 17-го октября царские палачи праздновали кровавую свадьбу, но в Прибалтийском крае могучий голос пролетариата прикрикнул на них: «Прочь, ненавистные! Не смейте посягать на свободу народа! Мы живем и умрем, как свободные люди!

Вы научили эту свору хулиганов — Раденов, Миллеров и Рекков уважать силы организации. В нашем венце победы не достает лишь траурных цветов: наши павшие товарищи, — невинно умерщвленные люди. Проклятие убийцам!

Никакие жертвы нас не устрашат. Мы не станем почивать на добытых лаврах.

Будем продолжать борьбу!
Вам, павшим, вечная слава!
Мы, оставшиеся в живых, идем отомстить за вас!
Долой военное положение!
Долой самодержавие! Да здравствует революция!
Да здравствует Учредительное Собрание!

Центральный Комитет латышской социал-демократической партии рабочих».

(Подписи под статьей не имеется).

Наряду с приведенными воззваниями редактору «Peterburgas Latweetis» инкриминировалась статья под заглавием «Русской армии».

Статья эта была прислана для напечатания в редакции целого ряда повременных изданий, но все они, за исключением газеты «Северный Голос», отказались ее напечатать из опасения перед судебными репрессиями.

В этой статье дается беспощадная критика пресловутого манифеста 17-го октября и разоблачается подлинная ценность возвещенных конституцией знаменитых «свобод».

Содержание этой статьи, как отголоска революционного настроения Прибалтийского края в ту пору, сводится к следующему:

Возвещение манифеста 17-го октября сопровождалось грубым попранием элементарных прав человека, — погромами, массовыми убийствами беззащитного населения и введением чуть-ли не во всей России военного положения, не говоря уже об аресте бюро крестьянского конгресса и целого ряда других политических и общественных организаций.

Все эти репрессии,—а они растут с каждым днем все более и более,—разоблачают лживость заверений правительства о даровании «конституционной гарантии». Ни о какой свободе не может быть и речи;

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Россия и после 17-го октября осталась такой же рабской страной, какой была до возвещения свободы.

«Кто победит, — читаем мы в этой статье — «ясно для всех, но каждый лишний день борьбы требует тысяч жертв, и потому долг каждого честного человека, который способен понять, что другие своей кровью, ценою своей жизни отвоевали ему право не быть рабом,—по возможности оказывать помощь в этой борьбе и стремиться к тому, чтобы как можно скорее довести ее до успешного конца.

Мы,—воины,—последняя опора тех, кому об'явлена борьба. Мы—армия,—те руки, которыми стараются задушить движение во имя свободы; но они ошибаются. Мы — не их армия, но армия русского народа, мы — сыны этого народа!

Наша духовная слепота, наша неподготовленность и отсутствие организованности об'ясняет, почему мы раньше молчали.

Во что они превратили нас? Что представляет собою русская армия в глазах всего мира?

Приказывать нам систематически расстреливать своими руками наших братьев, мобилизовать нас не для борьбы с внешним врагом, а против русского народа и думать при этом, что мы-де, конечно, не поймем, во-что они хотят превратить нас!

Какая слепота, какое презрительное к нам отношение!

Думают-ли они, что мы идем с легким сердцем убивать людей, которые желают нам добра, убивать наших кровных родственников, слышать их предсмертные стоны и сознавать, что мы и наши ружья—причина всех этих страданий!..

Превращая солдат в палачей народа и толкая сотни тысяч граждан в окопы дальней Манчжурии, правительство не видит, не понимает, — какие страдания переживает армия, независимо от уровня ее политического сознания.

Если бы правительство слышало стоны и проклятия, вырывающиеся из груди сотен тысяч солдат, доведенных до крайнего отчаяния, оно затрепетало бы при мысли, что предоставленная самой себе армия сумеет заговорить с правительством на другом языке и бросит ему смелый вызов в трех роковых словах: «Потемкин», Кронштадт» и «Севастополь»!

Протест армии вылился неизбежно в призыве к бунту.

Необходимо дать другой выход этому чувству протеста армии, охватившему миллионы солдат.

Необходимо указать иное русло, иной путь для мирной борьбы, по которому шествует великая русская революция. И если армия пойдет по этому пути, она доведет революционную борьбу с правительством до победного конца и отвоюет, наконец, мир и свободу нашему многострадальному народу.

«Мы, — офицеры и нижние чины всех родов оружия», — читаем мы далее в этой статье, — «образуем общество, и приглашаем всех честных офицеров и нижних чинов гвардии, армии и флота примкнуть к нам.

Безвыходное положение наше, вообще, и каждого из нас — в отдельности, может служить оправданием такого нашего шага. Мы понимаем, какие опасности угрожают разумному направлению государственной жизни и порядка, когда в дело управления государством вмешиваются те, за кем стоят миллионы вооруженных людей.

Нас оправдывает момент.

Страна переживает не мирный момент государственной жизни, а момент борьбы, и наше вмешательство в разрешение целого ряда государственных вопросов диктуется этим моментом.

Когда закончится борьба и будет достигнута цель, во имя которой борется теперь вся Россия, — мы отойдем в сторону и громко провозгласим вслед за десятками миллионов подданных великой России: «Да здравствуют народные представители свободной России!».

Чрезвычайно интересна и показательна программа этой военной организации («Союза всех русских воинов»).

Она сводится к следующим пунктам:

1) в члены союза русских воинов могут вступать все офицеры, чиновники и нижние чины гвардии, армии и флота;

2) союз русских воинов — внепартийный;

3) задача союза русских воинов — содействовать борьбе за свободу и, ближайшим образом, — способствовать созыву учредительного собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

4) способствовать осуществлению и проведению в жизнь тех основ государственного порядка, которые будут разработаны учредительным собранием;

5) способствовать разработке проэкта реформы армии и флота.

Автор статьи выражает уверенность, что после созыва учредительного собрания правительство в полной мере осуществит реформы армии и флота, касающиеся вопроса о военной службе, а также правового и экономического положения воинов, признав безотлагательную необходимость введения всех этих реформ.

В этих видах названные реформы включены в лозунги, подкрепляющие требования безотлагательного созыва Учредительного Собрания.

Требования эти сводятся в существенных чертах к следующему:

1) сокращение срока военной службы для военно-служащих;

2) отбывание военной службы на родине;

3) запрещение пользоваться войсками для нужд полицейской службы;

4) улучшение материального положения военных;

5) ограничение дисциплинарного произвола начальников над нижними чинами;

6) отмена института деньщиков;

В этой же статье преподаны тактические указания союза.

Указания эти сводятся к следующим пунктам:

1) отказ от употребления оружия против русских борцов за свободу;

2) охрана всех организаций и граждан от насилий и разорения;

3) проведение в армии всеобщей политической забастовки, при чем центральному комитету союза предоставляется преподать членам союза более точные тактические указания — в зависимости от политической ситуация момента;

4) обязанность союза оказывать вспомоществование не только своим членам, но и жертвам репрессий правительства.

Статья эта заканчивается следующим призывом:

«Товарищи, присоединяйтесь! Сформируйте небольшие отряды и местные комитеты! Связь между ними установим.

В тот день, когда ликующая Россия будет праздновать свое обновление, мы будем вправе принять участие в радостях всего народа.

Мы-же, кто носим военный мундир, будем в праве смотреть в глаза честным людям и в этот торжественный праздничный день сказать им во всеуслышание: «В решительную минуту борьбы мы были вместе с вами против ваших притеснителей!

Да здравствует свободная Россия!».

В приведенных статьях прокуратура усмотрела призыв к ниспровержению существующего в России политического и общественного строя.

«На основании всего изложенного—гласит обвинительный акт по настоящему делу»—кандидат коммерческих наук Карл Карлович Звингевич, 34 лет, обвиняется в том, что, состоя ответственным редактором, издававшейся в С.-Петербурге газеты «Peterburgas Latweetis» («Петербургский Латыш»), допустил к напечатанию в №№ 2, 3 и 4, вышедших в свет и распространенных 6-го, 7-го и 8-го декабря 1905 г. статей: «Манифест», «Примерные условия, которые пред'являются революционерами, сдающимся дворянам и войску», «Открытое письмо к товарищам в Туккуме» и «Воззвание к русской армии», в которых:

а) с целью возбуждения к учинению бунтовщических деяний требуется созыв Учредительного Собрания, низвержение существующего правительства, отобрание у сдающихся революционерам дворян и войска всего оружия и воспрещение дворянам держать в своих имениях военную стражу;

б) с целью возбуждения к неповиновению закону и законному распоряжению властей, требуется отказаться от взносов выкупных и других платежей в казну, получать при всех договорах, а равно и жалованье золотом и вынимать все вклады из государственных сберегательных касс и из государственного банка и

в) с целью возбуждения к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы, требуется от войска отказ от употребления оружия против русских борцов за свободу и проведение в армии всеобщей забастовки.

Преступления эти предусмотрены: означенной литерой а—I пунктом 1-ой части 129-ой статьи, литерой б—III пунктом 1-ой части 129-ой статьи уголовного уложения; вследствие этого, и на основании II пункта 1032-ой статьи устава уголовного судопроизводства Карл Звингевич подлежит суду С.-Петербургской судебной палаты с участием сословных представителей».

Дело это слушалось в петербургской судебной палате 5-го марта 1909 года.

Слушание этого дела по прошествии, почти пяти лет, со времени появления «Peterburgas Latweetis» инкриминируемых К. К. Звингевичу статей об'ясняется тем, что по полученным судебным следователем 23-го участка города С.-Петербурга сведениям, К. К. Звингевич скрылся из столицы и долгое время не был розыскан; вследствие этого, по постановлению С.-Петербургского окружного суда, на основании 386-ой статьи устава уголовного судопроизводства, были произведены розыски скрывшегося К. К. Звингевича через публикацию.

Защитниками К. К. Звингевича выступили в петербургской судебной палате автор этих строк и известный юрист—профессор по кафедре уголовного права московского университета—покойный ныне присяжный поверенный Леонид Евстафьевич Владимиров.

Так как «преступный» характер прокламаций не подлежал, с точки зрения коронного суда, никакому сомнению, то защитники по литературным процессам пользовались в таких случаях чисто формальным методом защиты. Метод этот состоял в том, что, не оспаривая «преступного» характера прокламаций, защита обычно оспаривала самый факт редактирования обвиняемым инкриминируемых ему статей.

Я и мой уважаемый товарищ по защите—профессор Л. Е. Владимиров сочли нужным, по тактическим соображениям, построить нашу защиту К. К. Звингевича по такому формальному методу—доказывать, что К. К. Звингевич никогда фактическим редактором названной газеты не состоял, и лишь подписывал свою фамилию на отдельных ее номерах; в частности,—мне удалось установить тот факт, что в конце ноября 1905 года, т.-е. еще до появления в газете «Peterburgas Latweetis» инкриминируемых К. К. Звингевичу статей, издатель этой газеты Анс Карлович Гульбе продал право на издание этой газеты по контракту 26 ноября 1905 года (заключенному в Риге у нотариуса Гиршмана) проживавшему в Риге помощнику присяжного поверенного Ансу Бушевичу и Фридриху Весману, при чем редакция газеты, тогда-же была перенесена из Петербурга в Ригу.

На предварительном и судебном следствии, по этому делу, путем допроса свидетелей—студента Фридриха Карлова Весмана, Анса Карлова Гульбе и Индрика Юрьева Крастыня—было установлено, однако, что инкриминируемые К. К. Звингевичу номера 2, 3 и 4 газеты «Peterburgas Latweetis» от 6, 7 и 8-го декабря 1905 года, были отпечатаны не в Риге, а в Петербурге—в типографии Бреденфельда, помещавшейся в доме № 22 по Забалканскому проспекту,—в количестве 4 или 5 тысяч экземпляров, и получили широкое распространение в Риге.

Не могу не отметить курьезный эпизод в этом деле, свидетельствующий о своеобразном преломлении в сознании умудренных революционным опытом редакторов латышских газет «свободы печати», возвещенной манифестом 17-го октября. Свидетель по этому делу И. Ю. Крастынь показал, что когда он спросил К. К. Звингевича,—почему он подписывается в качестве редактора на вышедших в декабре месяце номерах «Peterburgas Latweetis», К. К. Звингевич ответил ему: «Теперь время свободное».

Удушение печати и кровавый карнавал военных карательных экспедиций красноречивее всяких слов показали, какова была истинная цена этому «свободному времени» и пресловутой «свободе печати»!

По счастью, однако, покойный[1]) К. К. Звингевич, державший себя на суде с большим достоинством и тактом, сравнительно очень дешево расплатился за свое доверие к «свободе печати».

Дело редактора журнала «Ruhki» *) («Труженики») Эдуарда Ивановича Дзениса.

Против редактора латышского журнала «Ruhki» Эдуарда Ивановича Дзениса было возбуждено уголовное преследование по следующему поводу:

Главное управление по делам печати отношением от 12-го октября 1906 года за № 10343 возбудило уголовное преследование против журнала «Ruhki» за напечатание в номерах 1, 2 и 3-ем этого журнала, вышедших в Петербурге, следующих статей:

1) В вышедшем в сентябре 1906 года № 1 названного журнала была напечатана статья под заглавием: «Прошедшее, настоящее и будущее».

---

[1]) О смерти уважаемого К. К. Звингевича, о котором я сохранил самое светлое воспоминание, сообщил мне известный латышский революционный деятель тов. П. Г. Лютер. *С. Г.*

[2]) «Руки»—легальный периодический орган латышской социалдемократии. Прим. издат.

В статье этой говорится, что, «в древности народы сами выбирали себе из своей среды вождей и правителей и, если избранный правитель не соответствовал своему назначению, то большинство народа выбирало на его место другого правителя.

Однако, все это переменилось с распространением христианства, когда почва под ногами правителей стала более устойчивой, и стало очень трудно свергать с престола властелина и сажать на его место нового.

Христианское вероучение разрабатывалось в интересах королей и в принудительном порядке вводилось мечем и огнем.

Духовенство и государи стали отныне земными богами. Они были неразлучны друг с другом.

Когда в народе иссякает мистическая вера в загробную жизнь, и народ поворачивается спиной к этим бредням и сказкам,—исчезает и власть государей и возможность для них править железной рукой.

Доколе народ не стряхнет с себя лжи духовенства, до тех пор он не избавится и от своих поработителей, угнетателей и притеснителей.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, в чем состояла задача прежнего, а также и нынешнего духовенства: она сводится к тому, чтобы держать народ во мраке и повиновении господам.

Опасаясь ниспровержения существующего режима, духовенство всякими средствами старается поддерживать религиозные традиции в народе.

Неуклонный девиз духовенства: «мрак, мрак и мрак!».

Малая горсточка сильных держит как-бы в железных тисках миллионы людей, для которых нет выхода, для которых нет просвета. Им не хватает ума, света, самосознания.

Вся история революции показывает,—с каким рвением выступало духовенство против революционного народного движения и с каким упорством защищало оно правительство.

Когда народы переживают слишком тяжелый гнет, они восстают против правительства без всякой сознательной цели. В такие моменты освобождения народа к какой нибудь сознательной кучке людей присоединяется обычно бессознательная толпа, и в первый момент кажется, будто победа клонится на их сторону.

Однако, в периоды прежних революций пролетариат не был еще настолько развит, чтобы взять власть и удержать ее в своих руках. Меньшинству приходилось уступать правительству под давлением многолюдной массы, которая снова впадала в рабство, и малочисленная горсточка людей снова укреплялась на своих старых позициях.

Еще не наступило время, еще не выкристализовалось сознание для того, чтобы народ мог сам управлять собою и вкушать плоды своих трудов.

Там, где прежде раздавались песни свободы, теперь на улицах Парижа—под охраной штыков Людовика XVIII виден был образ богоматери,—этот кусок дерева, олицетворяющий собою мрак,—наследие лжи и суеверия.

Так свершается «обновление божества» и очищение от мирских грехов «во славу мрака».

2) В № 2-ом того-же журнала за октябрь 1906 года была напечатана статья, под заглавием «Социализм и анархизм». В этой статье содержался призыв—вырывать у капиталистов земли, рудники, дороги, фабрики и заводы, а у буржуазии—государственную власть—в целях ниспровержения правительства.

Сущность этой статьи сводится, в немногих словах, к следующему:

Правительство черпает свои силы из недр народа, эксплоатируя его труд. Задача социализма—вырвать из рук капиталистов земли, рудники, дороги, фабрики и заводы, вырвать из рук буржуазии государственную власть для того чтобы свергнуть правительство.

Для общей, дружной работы в этом направлении необходимо создать кадр новых деятелей, которые будут избраны народом. Что сказали бы представители буржуазии,—помещики и чиновники,—если бы в парламенте социалисты получили большинство мест? Они сказали бы: «вы сильнее нас в парламенте, но посмотрим еще,—окажетесь ли вы сильнее нас на улице? Посмотрим,—послушаются-ли нас солдаты и не окажутся-ли сотни солдат с пулеметами сильнее многих тысяч не вооруженных граждан? Давайте-же, померяемся с вами силами, но не у избирательных урн, а картечью»!

В один прекрасный день окажется, что народ прозрел благодаря социалистам, что он окреп уже для борьбы.

В ответ на провокацию правящих классов, народ организует всеобщую забастовку: он остановит производство, уничтожит пути сообщения, разобщит города и, когда в казармы сынов народа проникнет луч света социализма,—они станут постенно переходить на сторону народа, и тогда народ выйдет победителем из борьбы.,

Однако, победить неприятеля не значит еще—уничтожить его. Трудно организовать новый порядок жизни; буржуазия со своими прихлебателями всячески будет стараться ставить нам палки в колеса: она будет рыть волчьи ямы, нападать из-за угла и опутывать народ сетью лжи.

Самый тяжелый момент для революции наступит тогда, когда она победит, когда нужно будет создать гарантии для закрепления завоеваний революции и борьбы с реакцией. Вот в чем кроется трудность, и вот к чему сводится безотлагательная задача социализма!

Чтобы вступить в борьбу с врагами, народ должен дружно об'единиться, создать новый правопорядок и контроль над действиями врагов для подавления заговоров и для упрочения мира. С уничтожением врага, с установлением нового правопорядка новое правительство утратит свой пролетарский характер и превратится в простое административное бюро, состоящее из избранников народа.

Таковы те перспективы грядущего правопорядка, которые преподносятся проповедниками социализма.

В том-же номере журнала «R u h k i» был напечатан перевод статьи Максима Горького «П р е к р а с н а я   Ф р а н ц и я» («La belle France»).

В статье этой, написанной в форме диалога между Максимом Горьким и Францией, изображенной в виде женщины, Франция, обращаясь к автору, говорит:

«Само собой разумеется, что он [1]) находится под влиянием очень дурных людей; но ничего,—он очень милый человек, он даровал вам даже свободу».

В ответ на слова Франции Максим Горький говорит: «Мы тысячами жертв вырвали ее у него... И хотя она была вырвана у него из рук, он все еще заставляет нас платить за нее кровью... Он хочет, чтобы мы возвратили ему этот нищенский дар... Мы получили ее от него с угрозами. И теперь вы опять дали ему деньги для того, чтобы он мог отнять ее у нас».

«Помилуйте»,—воскликнула она—«он не станет отнимать ее у вас, поверьте мне... Он—великодушен и сдержит свое слово, я это знаю...».

---

[1]) Николай II-ой *С. Г.*

— «Понимаете-ли вы, что вы ссудили ему деньги для убийств»? —спросил я ее.

— «Я не могла ему отказать. Только Россия может спасти меня, если эта пасть захочет проглотить мою голову».

Она с улыбкою указала на потолок, где сверкали зубы Германии.

— «Эта голодная пасть немножко испортила меня,—если сказать правду; но что мне делать? В конце концов даже испорченность не так уж невыносима»!

— «И у вас хватило мужества опираться на руку, которая до плеча забрызгана народной кровью»? На это Франция отвечает Максиму Горькому:

— «Но если нет другой? Весьма трудно найти руку короля, которая была-бы чиста от народной крови».

— «Сегодня вы таковы, но кто может поручиться за завтрашний день? Я—женщина; мне нужен какой нибудь друг. Республика и азиатский деспот дружно идут рядом».

— «Понятно, это некрасиво, хотя оригинально. Не так-ли?

— «Но поймите, что все поэты и революционеры ничего не смыслят в политике...».

— «Там, где начинают говорить о политике,—исчезает красота, задает тон желудок и ум; последний безропотно служит желудку».

Диалог этот заканчивается следующими словами Максима Горького:

— Мне здесь нечего делать, и я оставил эту бесстыдную сводницу между русским... и банкирами.

— Не видал я той, которую я желал видеть, но видел лишь боязливую, циничную кокотку, которая за деньги хладнокровно отдалась ворам и висельникам».

В заключение Максим Горький обращается к Франции со следующими словами:

— Твоей нечистой рукой ты опять преградила на время целому народу путь к свободе и культуре. Если бы это время продолжалось только один день, — даже тогда вина твоя не уменьшилась бы. Но ты преградила путь к свободе не только на один день.

С помощью твоего золота будет проливаться кровь целых народов»!».

В том-же самом номере журнала «Ruhki» помещено воззвание Максима Горького к французскому народу, в котором, между прочим, содержится обращение к рабочим с призывом содействовать победе русской революции.

В этом воззвании Максим Горький подчеркивает, что русский рабочий служит путеводителем для интернационального социализма и взывает к французским рабочим, прося их дать русским товарищам денег и свинца:

«Враг еще силен, и русскому народу предстоит еще не одно сражение.

В победе русских рабочих будут черпать все рабочие в Европе силу, воодушевление и поучение для будущего, предстоящего им боя.

Момент всеобщего восстания в России близок.

Хотите ли вы позволить вашим товарищам итти на бой с пустыми руками?!

Дайте им денег для железа и свинца. Покажите ханжам старого света, что в сердцах рабочих горит истинная любовь к человечеству!».

В том же номере журнала «Ruhki» была напечатана статья под заглавием: «Биография Артура Бахмана».

В статье этой говорится, что молодое поколение подвергается в России постоянным истязаниям и преследованиям со стороны правительства и тем не менее — даже под игом тирана и самодержавия оно не перестает вести отважную борьбу с правительством, что история русской революции будет гордиться своими героями, к числу которых должен быть причислен расстрелянный карательной экспедицией в Прибалтийском крае Артур Бахман:

«С молоком матери — так характеризует автор статьи погибшего Артура Бахмана—ему была уготована судьба пролетария. Отведав с детских лет горе и страдание, он пережил впоследствии в Вольмарской семинарии борьбу с бюрократическим режимом.

Сама жизнь подготовила Артура Бахмана к революции. Выгнанный из семинарии, Бахман выдержал экзамен на звание учителя и учительствовал в Катварской волости в качестве второго преподавателя в школе «Бринк».

Об его работе в училище мы не станем говорить: об этом говорит его пламенное сердце, которое он отдал обществу, и которое сразили свинцовой пулей.

Когда самодержавие стало праздновать свой кровавый пир в Прибалтийском крае, Артур Бахман не мог растаться со своим краем. Он укрылся в Салауц от пуль солдат, от которых пало пять его товарищей. Бахмана выдал какой-то «Пуршаль» карательному отряду, которым он был расстрелян 12-го января в Лембурге».

Наконец, в № 3-ьем того-же журнала была напечатана статья под заглавием: «Наша тактика и государственная дума».

В статье этой «раз'ясняется программа социал-демократической партии большевиков, ее задачи и тактика»,—как гласит обвинительный акт по этому делу.

Автор этой статьи призывает партию добиваться главной их цели— агитации за созыв народного учредительного собрания, доказывая, что тактика партии должна заключаться в том, чтобы придать государственной думе более революционный характер, сплотить все революционные силы и, превратив государственную думу в центр революционного движения, об'единить народные массы вокруг одного лозунга: уничтожение старого и созыв нового учредительного собрания!

«План бюрократии удался»,—читаем мы в этой статье:

«Предоставив населению право выборов, бюрократия, прежде всего, изолировала пролетариат.

Боясь революции, буржуазия попала на удочку:—она махнула рукой на борьбу, оставив пролетариат на произвол судьбы и на всех парах направилась в гавань государственной думы, затратив всю свою революционную энергию на выборы.

Правда, пролетариат предостерегал ее от доверия бюрократии, и когда буржуазия ее не послушалась, — он продолжал вести борьбу за свободу до тех пор, пока не был разбит.

В то время как пролетариат проливал кровь и ему дорог был каждый борец, — буржуазия, подобно детям израильским в Египте, сидела вокруг горшков с мясом, воспевая хвалебные гимны: теперь-де у них есть парламент, теперь-де в России введена конституция; так давала она пищу этим иллюзиям.

Первая государственная дума выполнила свою историческую миссию, и революция продолжает свой путь: пламя революции с каждым днем разгорается все ярче и ярче, и крупные массы вовлекаются в этот водоворот революции.

Изжив иллюзии тщетных надежд, обыватель видит исход лишь в революции. Даже кадеты вынуждены под гнетом усиливающихся репрессий, снова присоединиться к революционерам.

Финансовое положение государства ухудшается с каждым днем.

Первый план бюрократии удался, однако, без тех результатов, на которые она надеялась и которых желала достичь.

Бюрократия не думала, что революция пустила такие глубокие корни, не думала, что революция так скоро соберет свои силы; оттого-то она и прибегает к старому признанному полезному средству: когда революция вновь достигнет высшей ступени и у бюрократии не будет уже никакого выхода,—она об'явит новые выборы в государственную думу. Таким путем она отведет революционное воодушевление в другое русло—на выборы.

Либеральная буржуазия и теперь уже твердит, что необходимо-де обратить самое серьезное внимание на выборы, посвятив им все революционные силы и все воодушевление.

Они глупенькие, и не замечают вовсе, какие опасности угрожают при этом освободительному движению!

Теперь эта выборная тактика не производит уже на массы никакого впечатления; и мы еще увидим, как будут держать себя массы во время выборной кампании, когда для них станет, наконец, ясна эта тактика!

Социал-демократия постановила игнорировать эти ограничения избирательного права: она предлагает рабочим отвоевать себе избирательное право революционным путем.

Есть основание предполагать, что и среди крестьян эти ограничения избирательного права вызовут недовольство, и что они примут активное участие в выборной кампании, не обращая внимание ни на какие раз'яснения сената и министерства внутренних дел.

Самодержавие стремилось, с помощью государственной думы, раз'единить и раздробить революционные силы и вступить в соглашение с либеральной буржуазией; в ту пору многие еще придавали значение государственной думе. Как велики были конституционные иллюзии еще весной 1906 года, — видно из резолюции 4-го конгресса социал-демократической партии рабочих, в которой государственная дума называлась «силой»; товарищ Плеханов предсказывал даже, что роспуск государственной думы повлечет за собою ниспровержение правительства!

Надо было расстроить все эти планы правительства и развеять эти иллюзии.

Тактика бойкота ставила известные задачи и преследовала определенные цели:

1) отсрочить созыв государственной думы, чтобы ускорить разрешение политического конфликта;

2) по возможности удержать обширные массы избирателей от участия в позорном торге либеральной буржуазии с бюрократией.

В ту пору эта тактика была единственно правильной, не взирая на то, что она лишь отчасти имела успех.

Первая государственная дума не имела необходимой опоры, необходимой фактической силы и почвы под собою.

В этом, разумеется, не была повинна тактика бойкота, которую проводила социал-демократия: виною тому была неподготовленность масс.

Если мы хотим использовать вторую государственную думу в наших интересах, то для этого необходимо сперва создать нужную нам поддержку. Однако, в вопросе о поддержке государственной думы мы, по-видимому, разойдемся с нашими товарищами-меньшевиками: последние

захотят оказывать поддержку думе вообще; мы же отнюдь не будем поддерживать каждый шаг ее и, согласно нашей прежней тактике, будем следовать лозунгу:

«Заставить государственную думу принять наши требованя и оказывать ей поддержку лишь в той мере, поскольку она осуществит наши требования».

Мы не позволим членам государственной думы спокойно почивать на лаврах, но будем неустанно толкать их вперед — на горячую борьбу.

Такую поддержку могут оказать нам единственно лишь широкая организация общественных сил и агитация среди народных масс.

Нам необходимо использовать эти средства, коль скоро мы принимаем участие в выборной кампании. Лишь при этих условиях государственная дума не превратится в простую говорильню, которую можно распустить в любой момент, и станет могучим революционным органом.

Принимая участие в выборной кампании, нам не следует, однако, ограничивать своих требований и внушать обывателям уверенность в том, что государственная дума разрешит-де все вопросы. Как раз, наоборот: мы об'ясним народу, что государственная дума не может быть выразительницей народной воли, что ее неустанно надо толкать вперед и, что если можно, вообще ожидать от нее чего-либо, то лишь при условии, что народ сам проявит достаточную энергию, отстаивая свои требования.

В таких условиях вспомогательным средством для достижения нашей неуклонной цели может служить агитация за созыв народного учредительного собрания.

Итак, наша тактика по отношению будущей государственной думы может быть выражена в двух словах: придать ей, по возможности, более революционный характер и, сплотив вокруг нее все революционные силы, сделать ее могучей и сильной.

Признавая желательным наше участие в выборной кампании, мы не должны, однако, приносить ей в жертву все наши силы и сосредоточить нашу тактику всецело на выборной кампании.

Для нас государственная дума — лишь переходный момент, один из революционных этапов борьбы, но отнюдь не единственный залог спасения, как для кадетов.

В течение всего периода революции тенденция нашей тактики должна оставаться одной и той-же: стремиться к демократизации политического строя, уничтожить старый строй и созвать учредительное собрание.

Мы не можем считать поднятие народных масс единственным средством для достижения этих лозунгов: надо, кроме того, использовать и все другие средства революционной борьбы.

Если первую государственную думу нельзя было превратить в орудие революционной борьбы, то это об'ясняется тем, что народные массы не изжили еще конституционных иллюзий. Государственная дума была еще как бы возражением против борьбы, происходившей в декабре и в январе; но если левые элементы примут живое участие в государственной думе, то ее можно будет превратить в центр революционного движения, который об'единит народные массы вокруг одной общей цели: уничтожение старого строя и созыв учредительного собрания.

Вот почему мы изменим свою тактику и примем участие в предстоящей выборной кампании.

Необходимо согласовать с государственной думой движение и поднятие масс и создать для нее нужную поддержку, дабы сделать невозможным ее разгон.

Если, однако, революционное движение потребует разрешения политических конфликтов еще до созыва государственной думы, — мы не откажемся и от этого, если только признаем в том необходимость.

Не дума играет тут главную роль, не ради думы ведем мы революционную борьбу, не дума—наша конечная цель: учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и улучшение положения рабочих и крестьян — таковы наши цели, таковы наши задачи!».

Из отношения главного управления по делам печати от 13-го ноября 1906 года за № 11849 и 5-го февраля 1907 года за № 1665 и сообщения старшего инспектора типографии в С.-Петербурге от 28-го ноября того-же года за № 7987 усматривается, что № 1 журнала «Ruhki» был отпечатан в количестве 6.500 экземпляров, а № 2 и 3—в количестве 4.000 экземпляров, и, что оба этих номера получили полное распространение в Прибалтийском крае.

Привлеченный к следствию, в качестве обвиняемого по настоящему делу, ответственный редактор журнала «Ruhki» Эдуард Иванович Дзенис, не признавая себя виновным в приписываемом ему преступлении, не отрицал, однако, того факта, что он состоял редактором-издателем латышского журнала «Ruhki» и что инкримируемые ему номера этого журнала получили полное распространение среди подписчиков, хотя № 1 и 3 этого журнала, отправленные по железной дороге в ящиках для распространения, были, по его словам, возвращены ему обратно студентом Бривнеком, после чего они были проданы на вес—по 60 к. за пуд.

Э. И. Дзенис был лишь фиктивным редактором журнала «Ruhki»; фактическим же редактором его состоял Бривнек.

На основании изложенного к крестьянину Лифляндской губернии Рижского уезда, Леласской волости, Эдуарду Ивановичу Дзенису, 28-ми лет, было пред'явлено обвинение в том, что, состоя редактором-издателем выходившего в 1906 году в С.-Петербурге латышского журнала «Ruhki» («Труженик»), он распространил, путем выпуска нижепоименованные номера журнала со следующими статьями:

I. № 1—за сентябрь 1906 года—со статьей под заглавием «Прошедшее, настоящее и будущее», заведомо для него содержавшей в себе суждение, возбуждающее вражду между отдельными классами населения, так как в этой статье говорится, что доколе народ не дойдет до ясного сознания лжи духовенства, поддерживающего правительство, — до тех пор он не стряхнет с себя своих поработителей, угнетателей и притеснителей и, что нужно быть слепым, чтобы не видеть, что задача прежнего и нынешнего нашего духовенства заключается в том, чтобы держать народ во мраке и в железных клещах вековых религиозных предрассудков.

II. № 2. — за октябрь 1906 года: a) со статьей, озаглавленной «Социализм и анархизм», заведомо для него содержавшей суждение, возбуждающее к ниспровержению в государстве общественного строя так как в этой статье заключается призыв к устройству всеобщих забастовок для того, чтобы уничтожить правительство и вырвать из рук буржуазии и капиталистов государственную власть, а также земли, рудники, дороги, фабрики и заводы;

b) со статьей под заглавием: «Настоящее, прошедшее и будущее», в которой содержится заведомо для него богохульственное поношение образа богоматери, о которой сказано, что это—ничто иное, как «кусок дерева», олицетворяющий мрак,— наследие лжи и предрассудков»;

c) со статьей под заглавием: «Прекрасная Франция» («La belle France»), заведомо для него содержавшей в себе оскорбление царствующего государя императора, о котором говорится, что его руки обагрены народной кровью и что за свободу, которую русский народ ценою тысяч жертв вырвал из его рук, он все еще заставляет расплачиваться кровью народа;

d) со статьей, озаглавленной: «Воззвание Максима Горького к французскому пролетариату», заключающей в себе заведомо для обвиняемого суждения, призывающие пролетариат к учинению бунтовщического деяния, так как в этом воззвании французский пролетариат приглашается жертвовать в пользу русских рабочих деньги, чтобы дать им возможность итти в бой не с пустыми руками, а со свинцом и железом, при чем русские рабочие призываются к устройству всеобщего народного восстания;

e) со статьей под заглавием: «Биография Артура Бахмана», в которой восхваляется жизнь расстреленного карательным отрядом в Прибалтийском крае революционера Бахмана и говорится, что он не мог покинуть свой родной Прибалтийский край, когда самодержавие «праздновало там свой кровавый пир», т.-е. заключающей в себе заведомо для обвиняемого оказание дерзностного неуважения верховной власти;

II I)№ 3 — за ноябрь 1906 года со статьей под заглавием: «Наша тактика и государственная дума», содержащей в себе, заведомо для обвиняемого, суждения и призыв к учинению бунтовщического деяния и к превращению государственной думы в центр революционного движения, а также к агитации в пользу созыва народного учредительного собрания на основании всеобщих, прямых, равных и тайных выборов.

Преступления эти были предусмотрены 1-ым, 2-ым и 6-ым пунктами 129-ой статьей, 73-ьей статьей, 103-ьей статьей и 128-ой статьей уголовного уложения.

Вследствие сего и на основании 2-го пункта 1032 статьи устава уголовного судопроизводства Эдуард Иванович Дзенис был предан суду С.-Петербургской судебной палаты с участием сословных представителей.

В качестве защитника Э. И. Дзениса я построил свою защиту по тому же «формальному методу»: оспаривать «преступный» характер приведенных выше статей и воззваний перед коронным судом было бы, конечно, большой наивностью, так как предание его суду той же судебной палаты предрешило уже вопрос о наличности в деяниях Дзениса состава преступления; мне пришлось, поэтому, оспаривать, по тактическим соображениям, самый факт редактирования Дзенисом инкриминируемых ему книжек журнала «Ruhki», тем более, что и Дзенис отрицал этот факт.

Щекотливое положение мое, как защитника Дзениса, заключалось в том, что отрицая факт редактирования им журнала «Ruhki», я должен был в то же время отмести всякие указания на фамилию фактического редактора этого журнала, не взирая на то, что в деле фигурировала фамилия студента Бривпека, как фактическго редактора этих номеров журнала.

Так приходилось защите лавировать между Сциллой и Харибдой по литературным процессам в ту пору, когда манифестом 17-го октября была возвещена «с высоты престола свобода печати»...

По счастью Дзенис отделался по этому делу сравнительно легким наказанием.

Дело редактора латышской газеты «Патесиба» *) («Правда»)— Александра Ивановича Штейна.

Дело это возникло по следующему поводу:

26 января 1907 года в С.-Петербурге был выпущен 7-ой номер издававшейся на латышском языке газеты «Pateesiba», в которой, между прочим, была напечатана анонимная статья под заголовком: «Конгресс учителей латышского социал-демократического союза».

В статье этой говорится, между прочим, что латышское учительство, примкнув к социал-демократической партии, на состоявшемся в ноябре 1905 года с'езде решило ступить под знаменем партии—в борьбу с правительством.

«Временное бюро учителей, — гласит эта статья, — только что созвало учительскую конференцию, в которой приняло участие свыше пятидесяти учителей.

Первым пунктом в повестке заседания был поставлен краткий доклад об истории возникновения временного бюро и отчет об его деятельности.

С наступлением реакции прошлогоднее бюро учителей распалось. Правда, некоторые его члены вернулись вновь в ряды бойцов, но часть членов бюро, изменив свои убеждения, отказалась от участия в революционном движении.

Верными заветам революции остались лишь учителя — социал-демократы, организовавшие, с помощью кооперации, новое временное бюро учителей.

Вновь организованное бюро собирает материалы о судьбе потерпевших и погибших товарищей, выпускает революционные возвания к учительству и ведает нужды вновь организованного им бюро.

Обсудив текущий политический момент и, в частности,—вопрос об отношении учительства к государственной думе, конференция учителей приняла резолюцию, согласно которой, учительство одобрило тактику российской социал-демократической рабочей партии большевиков.

В соответстви с этой резолюцией конференция латышских учителей постановила учредить не профессиональный учительский союз, а социал-демократический учительский орган, как составную часть латышской социал-демократической партии, при чем союзу этому предоставляется право вступить в соответствующую международную учительскую организацию.

В проведении дальнейшей своей тактики союз постановил руководствоваться следующими принципами:

1) преподавать в школах по новым программам, хотя бы официально оставались в силе старые программы;

2) вести агитацию среди масс за введение в школах новых программ и за местное самоуправление на социал-демократических принципах;

3) итти рука об руку с местными социал-демократическими организациями и бороться в их рядах с правительством, применяя самые суровые меры в борьбе с институтом училищных инспекторов и пасторов;

4) выразить презрение тем учителям, которые заняли места потерпевших товарищей и занести на черную доску имена учителей, оказавшихся штрейхбрехерами, применяя самые строгие репрессии к тем «коллегам», которые стали шпионами и пособниками угнетателей;

---

*) „Патесиба"—орган радикально-демократический с уклоном в сторону социал-демократии. Прим. издат.

5) выразить сочувствие и симпатии конференции тем товарищам, которые выказали свою солидарность с потерпевшими учителями в борьбе за свободу, не остановившись перед террором карательных экспедиций;

6) о поведении некоторых учителей конференция поручила бюро собрать нужные сведения и озаботиться привлечением их к суду чести

Любопытную картину рисуют материалы, находящиеся в распоряжении конференции учителей!

Повидимому, правительство ставит своей целью ослепить народ: ослепленного героя легко заковать в цепи; отсюда об'ясняется, — почему карательные экспедиции преследовали, в первую голову, народные школы, как очаги света.

Жуткую картину преследования учителей рисуют статистические сведения о жертвах карательных экспедиций: в одном только Вольмарском уезде, где революционное движение достигло крупных размеров,— среди жертв, умученных карательными экспедициями, насчитывается 43 учителя и 5 учительниц!...

Есть сведения, будто некоторые учителя играли роль предателей и шпионов и были руководителями карательных экспедиций...

Далее, на конференции был прочитан реферат об организации учителей и вынесена следующая резолюция по этому вопросу:

1) учительские ячейки в деревнях должны состоять из десяти членов; число членов городских ячеек должно быть более этой нормы.

Задачи этих ячеек: самообразование, агитация среди народных масс, пропаганда в местных социал-демократических кружках, бойкот предателей, доставление мест преследуемым членам и т. д.;

2) центр сельских делегатов собирается 4 раза в году и обсуждает более важные тактические вопросы, преподавая бюро свои директивы и руководящие указания по этим вопросам;

3) конгресс учителей, созываемый раз в год, служит высшим организационным учреждением;

4) бюро проводит в жизнь постановления собраний делегатов и конгресса и ведает текущие дела.

«В рядах наших народных учителей»—читаем мы в этой статье— «пробуждается классовое сознание. С каждым днем они все более уясняют себе, что между ними и промышленным и сельским пролетариатом нет никакого различия и что, поэтому, их место—в рядах пролетарской социал-демократической партии.

Эту связь с партией инстиктивно ощущал ноябрьский конгресс 1905 года.

Эта крупная, в большинстве своем, не сознательная масса членов конгресса, насчитывавшая более 1.000 человек, с единодушным воодушевлением голосовала за верность традициям социал-демократии и дала клятву вступить под ее знаменем в борьбу с правительством за лучшую будущность.

Как выполнили учителя свою клятву, —об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные могилы, в которых нашли себе успокоение пылкие сердца наших учителей; об этом свидетельствуют и сотни гонимых учителей, а также те развалины, в которые превращены наши народные школы.

Учителя шли в авангарде освободительного движения. Когда беспощадно неистовствует реакция,—она немилосердно вцепляется своими зубами в тела народных учителей; в эти моменты у более сознательных учителей «утрачивается бодрость и опускаются руки».— Латышское социал-демократическое учительство собирается на конгресс в то время, когда военное положение, как тяжелый кошмар, сковывает всю страну

и карательные экспедиции, а также военно-полевые суды с величайшим злорадством учиняют свою расправу с населнием!».

Перед обсуждением очередных вопросов, руководитель конгресса—пожилой, опытный учитель—приветствовал товарищей кратким словом: напомнив собранию в кратких чертах исторические этапы организации латышских учителей, он пришел к выводу, что долг учителей—бороться за те лозунги, во имя коих борется социал-демократия.

Он напоминает о могилах товарищей, павших жертвами в борьбе с правительством. Его голос начинает дрожать, на глазах показываются слезы... в зале водворяется гробовое молчание, и все присутствующие чтут вставанием память павших товарищей».

Главное управление по делам печати, усмотрев в названной статье признаки противозаконного восхваления активных преступных действий латышских учителей, принадлежавших к социал-демократической партии, т.-е. преступление, предусмотренное законом 24-го декабря 1906 г., постановило возбудить уголовное преследование против редактора-издателя издававшейся в С.-Петербурге латышской газеты «Pateesiba» («Правда»)—крестьянина Жанно Александра Штейна, а на № 7, названной газеты, содержащей в себе статьи «преступного» характера, наложить арест.

Арест этот был утвержден определением С.-Петербургского окружного суда по уголовному отделению от 9-го февраля 1907 года.

Как видно из сведений, собранных главным управлением по делам печати, № 7 названной газеты был отпечатан в количестве 5,000 экземпляров, получивших полное распространение в Прибалтийском крае, так как из этого числа ни одного экземпляра заблаговременно арестовать не удалось.

«В виду изложенного—гласит обвинительный акт по этому делу—крестьянин Курляндской губернии, Добленского уезда, Вяложской волости, Жанно Александр Иванов (он же—Янов) Штейн(27 лет, обвиняется в том, что что, состоя редактором-издателем печатаемой на латышском языке газеты «Pateesiba» («Правда»), он распространил в выпущенном 26-го января 1907 года в городе С.-Петербурге № 7 названной газеты статью под заглавием «Конгресс учителей латышского социал-демократического союза»,—в которой, заведомо для него, содержалось восхваление активных преступных действий латышских учителей социал-демократического союза, которые сознательно примкнув на собравшемся конгрессе к пролетарской социал-демократической партии, тогда-же постановили итти на борьбу с правительством под ее знаменем и почтили вставанием память погибших в этой борьбе жертв.

Означенное преступление предусмотрено законом 24-го декабря 1906 года, а потому и на основании 200-ой статьи устава уголовного судопроизводства, обвиняемый Штейн подлежит суду. С.-Петербургского окружного суда без участия присяжных заседателей» (обвинительный акт этот был составлен товарищем прокурора С.-Петербургского окружного суда Крестьяновым 5-го марта 1907 года).

В качестве защитника А. И. Штейна я осветил на суде приведенные в обвинительном акте факты ссылками на целый ряд корреспонденций и статей из латышских и русских газет, подтвердив, таким путем, правдивость инкриминируемых А. И. Штейну сообщений о конгрессе учителей латышского социал-демократического союза; что ка-

сается инкриминируемого А. И. Штейну «восхваления» активных преступных действий латышских учителей, то путем анализа содержания статьи, я отстаивал то положение, что традиционная дань почтения вставанием памяти трагически погибших товарищей ни в коем случае, конечно, не может почитаться «восхвалением» преступных действий и, что вопреки обвинительному акту, в деяниях А. И. Штейна не содержится состава преступления.

Помнится,—на судебном следствии по этому делу суд живо заинтересовался вопросом о том пункте резолюции конгресса латышских учителей, который вменял в обязанность его членам ввести в латышских школах «революционным путем» новые программы преподавания.

Дело редактора-издательницы латышской газеты «Newas Wilni» *)—(«Невские Волны»)—Эммы Яковлевны Куйве.

Отголоском борьбы правительства с революционной волной, захлестнувшей латышскую школу и учительскую среду, может служить литературный процесс редактора - издательницы латышской газеты — «Newas-Wilni» — Э. Я. Куйве, которой пришлось давать ответ перед судом за пропаганду идей новой латышской школы...

Дело это возникло по следующему поводу:

В № 4 от 13-го февраля 1907 года, издававшейся в С.-Петербурге на латышском языке газеты „Newas Wilni“ («Невские Волны») была напечатана за подписью «Na O. H.» статья под заглавием: «Отчеты конгресса латышского социал-демократического учительского союза», в которой содержался призыв к ниспровержению существовавшего в России политического и общественного строя, а также зафиксированы краткие исторические этапы возникновения союза латышских социал-демократических учителей.

Сущность этой статьи сводится, в кратких чертах, к следующему:

Социал-демократическая организация народилась в начале 1905 года.

Развивая свою «преступную» деятельность, она созвала в конце февраля того-же года свою первую конференцию, привлекшую около 70 участников; эта конференция избрала из своей среды первое учительское бюро.

Вторая конференция была созвана в апреле того-же года; на этой последней конференции выяснилась идеологическая платформа латышского учительства и вполне сочувственное отношение его к местной социал-демократической рабочей партии; на этой-же конференции обсуждался вопрос о введении новой программы в народных школах.

Третья конференция была созвана в июне; она привлекла к участию в трудах с'езда 120 участников—из учительской среды. Конференция эта была посвящена, главным образом, обсуждению политических вопросов момента,

В сентябре в Риге была созвана четвертая учительская конференция. Открытие этой конференции совпало с наступлением «дней свобод».

*) «Невас Вильни»—орган радикально-демократический с уклоном в сторону социал-демократии. Прим. издат.

К этому времени социал-демократическая учительская организация ликвидирует свою деятельность и растворяется в учительской массе во всем латышском крае.

В ноябре того-же года созывается учительский конгресс, привлекший около тысячи участников—социал-демократов и безпартийных учителей.

В стенах этого с'езда нарождается профессиональный беспартийный союз латышского края; в состав бюро этого союза избирается пятнадцать членов; из них—девять социал-демократов и шесть—латышских кадет. Однако, с наступлением реакции, когда во всем Прибалтийском крае стали вешать и расстреливать учителей, союз этот вынужден был прекратить свою деятельность...

Не взирая на кошмарные репрессии правительства, уже в марте 1905 г. было учреждено временное учительское бюро, поставившее своей задачей—возобновить деятельность социал-демократической организации, ликвидированной в «дни свобод».

Бюро это организовало и наладило аппарат для оказания материальной помощи потерпевшим учителям—жертвам царского террора.

В конце июня того-же года созывается социал-демократическая учительская конференция, об'единившая в своих рядах шестьдесят пять участников—учителей.

Конференция эта, наметив тактическую линию социал-демократической учительской организации, выносит соответствующую политическую резолюцию, напечатанную в № 9 «Политических вопросов дня».

В начале октября того-же года созывается социал-демократическая учительская конференция города Риги (отчет о деятельности этой последней конфернции напечатан в № 56 газеты «Zihna» («Борьба» и в № 4 газеты «Peterburgas Awises Zihna» («Борьба» Петербугской Газеты).

В средних числах ноября происходила конференция, состоявшая из 35 демократических представителей народных учителей—делегатов волостей и города Риги.

На этой конференции после горячих прений, была вынесена резолюция в том смысле, что учительская организация должна и впредь оставаться не общепартийной, а социал-демократической и поддержиживать тесную связь с социал-демократией латышского края.

Бюро и центральному комитету социал-демократов Прибалтийского края было поручено озаботиться составлением проекта устава партийной организации «Латышского социал-демократического учительского союза» и созывом учительского конгресса для утверждения этого устава; это поручение было выполнено названным бюро без промедления.

С апреля 1906 года, когда учительская организация возобновила свою деятельность, ею была оказана материальная поддержка тридцати трем товарищам в размере 298 рублей, при чем на печатание и распространение прокламаций было израсходовано 227 рублей 88 коп (на 1907 год в кассе бюро оставалось 9 рублей).

Несмотря на гнет кошмарных репрессий, латышский социал-демократический учительский союз насчитывал в своих рядах 160 активных членов, не считая эмигрантов. Большинство делегатов констатировало рост влияния бюро на население Прибалтийского края, хотя в последнее время темные элементы злоупотребляли этим влиянием, нередко вымогая у некоторых учителей деньги на нужды революции. Это явление побудило бюро предостеречь своих членов от таких злоупотреблений.

Оживленный обмен мыслей в печати вызвал выдвинутый на конференции вопрос о том, в какой мере основательно утверждение газеты «Rigas Awise» будто бюро прикосновенно к террористическим актам—покушению на Ливена и Кнагге.

В опровержение этих слухов бюро категорически удостоверило, что оно ни в какой мере не прикосновенно и не может быть прикосновенно к упомянутым террористическим актам, так как оно не признает их и само неустанно борется с этим явлением.

По обсуждении вопроса о проекте устава, бюро выработало следующий устав, который я позволю себе привести полностью, так как в этом документе нашло себе выражение настроение и политическая идеология части латышского учительства в ту пору.

В первую голову представлялось необходимым высказаться о принципиальной стороне устава, т.-е. решить вопрос—должна-ли быть организация латышского учительства Прибалтийского края социал-демократической, т.-е. политической организацией, или-же она могла-бы вылиться и в форму профессиональной беспартийной учительской организации.

Конгресс почти единогласно высказался за первый тип организации по следующим мотивам:

В нынешних обстоятельствах хотя бы мало-мальски легальная деятельность представляется немыслимой. Она неизбежно должна стать нелегальной.

В нелегальную учительскую организацию в нынешних условиях вступают исключительно лишь такие элементы, которые вполне созрели для участия в социал-демократической организации.

Так как деятельность социал-демократической учительской организации развивается с успехом лишь в тех местностях, где она встречает поддержку со стороны партийной организации, то, естественно, она должна вступить в самую тесную связь с партией; иными словами,—она должна стать партийной организацией.

После продолжительных и горячих прений учительской конференцией был принят устав в следующей редакции:[1]):

Устав латышского социал-демократического учительского союза.

1) Латышский социал-демократический учительский союз есть партийная организация социал-демократии латышского края; она подчиняется постановлениям руководящих органов партии.

В решении профессиональных вопросов союз является вполне самостоятельной организацией.

2) Цели и задачи союза:

а) Пропаганда социал-демократических идей и лозунгов;

в) Пропаганда и агитация среди учителей и учащихся и содействие руководящим учреждениям партии в подготовке кадров пропагандистов и агитаторов;

с) Борьба за улучшение положения учителей и взаимопомощь членов союза;

d) Борьба за проведение в школу социал-демократических идей и лозунгов.

3) Членом союза может стать каждый учитель и каждая учительница, которые признают программу русской социал-демократической рабочей партии и обязуются оказывать союзу материальную поддержку и подчиняться постановлениям конгресса союза, а равно и директивам

[1]) Воспроизвожу текст устава с незначительными редакционными исправлениями.

его исполнительных органов в пределах постановлений конгрессов партии.

Примечание. Членами союза могут быть не только учителя, но и другие лица (члены партии)—работники на поприще народного образования.

4) Характер единства нисшей организации союза придает местный союз (местная группа), состоящая из трех (до 20) лиц.

Все союзы (группы), входящие в каждый район, образуют единый районный союз.

Районный союз избирает по одному делегату на каждые пять членов с состав районного совета, на который возлагается руководство местной районной деятельности союза.

5) Во всех политических вопросах районный совет подчиняется директивам руководящего коллектива (учреждения) местной пролетарской организации.

Нормы представительства совета в руководящем коллективе пролетарской организации определяются этим последним коллективом.

6) Высшим учреждением союза, как политической организации, является всеобщий конгресс партии.

Деятельностью всего союза, как такового, руководят конгрессы союза и его исполнительный орган.

Делегаты на конгресс союза избираются по одному на каждые пять человек союза.

Конгресс созывается исполнительным органом союза дважды в год.

Примечание. Чрезвычайный конгресс союза созывается исполнительным органом либо по его усмотрению, либо по требованию одной трети членов союза.

7) Для разрешения чрезвычайных вопросов, решение которых исполнительный орган союза не может принять на свою ответственность, (доколе созыв конгресса представляется невозможным из-за преследования полиции), исполнительный орган созывает конференцию делегатов по одному на каждые 10 членов союза.

8) Исполнительный орган союза есть бюро, избранное конгрессом союза и состоящее из семи членов.

9) Союз имеет право представительства в конгрессах и конференциях партии в норме, указанной уставом партии.

Примечание. Впредь до того, как в состав союза не вступит указанное в уставе партии число членов, союз делегирует на конгресс партии одного делегата, при чем сфера его полномочий и прав определяется самим конгрессом партии.

10) Каждый член союза вносит в кассу союза членский взнос. Размер членского взноса и условия платежа определяются местной организацией союза.

25% всех членских взносов поступает в кассу местной пролетарской организации и 30% — в кассу бюро.

Устав этот был единогласно принят всеми участниками конгресса и утвержден Центральным Комитетом латышской социал-демократической партии.

В том же № 4 газеты «Newas Wilni» была напечатана никем не подписанная передовая статья под заглавием: «Что достигнуто».

В статье этой автор отмечает тот факт, что после семидесяти-двухдневного существования первой государственной думы выяснилось, что

правительство потеряло всякое доверие в глазах крестьянских масс и, что дума, обсуждающая законы, не имеющие никакой силы, превратилась в «ничто».

Первая государственная дума, — гласит эта статья, явившаяся отголоском гнетущего настроения Прибалтийского края в связи с гонениями на социал-демократических депутатов, — собралась на основании избирательного закона 11-го декабря — 27-го апреля 1906 года, но уже 9-го мая ее не стало. Она просуществовала всего лишь 72 дня.

Все шло по старому. Бюрократическая телега скрипела по-прежнему. И все-же многое выяснилось в новом свете: выяснилось, что правительство утратило всякое доверие, даже таких масс, которые до того питали к нему наибольшее доверие, — как, например, крестьянских масс. Стало ясно до очевидности, что государственная дума, обсуждающая законы, лишенные всякой силы,—ничто.

С 24-го августа прошлого года, государственным кораблем управляет министерство виселиц и военно-полевых судов...

В течение 7½ месяцев народ оставался без всякого представительства. За этот период времени реакция самым возмутительным образом производила преступные операции над народным телом.

Более семисот человек было повешено и расстреляно; добрая половина этих жертв приходится на Прибалтийский край. По одному только делу «Туккумской революции» было присуждено к смертной казни 17 человек; арестованным-же и высланным из Прибалтийского края— нет числа!

Может-ли быть еще большее преступление?! Через горы трупов и потоки крови собираются ныне члены второй государственной думы! Не взирая на все эти кошмары и на раз'яснения правительствующего сената вторая дума будет все-таки радикальнее первой; избранными оказались в большинстве левые элементы: около шестидесяти социал-демократов и около тридцати революционеров; таким образом старый режим вторично подвергается осуждению народа...

Сравнивая результаты выборов в государственную думу первого и второго созыва, нельзя не отметить пробуждения сознания крестьян: крестьяне начинают теперь гораздо лучше разбираться в том, кто его друг и кто его враг; они сознают свои интересы и уяснили себе свои задачи.

С этим фактом нельзя не считаться при обсуждении вопроса о тактике пролетарской партии вообще и государственной думы — в частности.

Борьба с засилием бюрократии в государственной думе, борьба из-за аграрного и бюджетного законопроектов, политики виселиц и расточительности правительства окончательно вовлечет крестьян в политическую борьбу и в водоворот революции, *об'единив их вокруг партии*, которая лучше других партий сумеет отстоять интересы крестьянства.

Прежде всего крестьяне дойдут до пассивного сопротивления, а потом, по мере усиления борьбы, — они перейдут *к активной борьбе, — к нападению на реакцию*.

Восьмидесятимиллионная масса крестьян есть — по словам автора статьи,—необходимый помощник пролетариата в его борьбе с правительством.

Если бюрократия до сих пор все еще не побеждена окончательно, — то это произошло исключительно лишь от того, что крестьянские массы были еще слишком слабо вовлечены в революционное движение.

Результат нынешних выборов показывает, однако, что пролетарские массы крестьян и рабочих нашли теперь твердую почву для борьбы с правительством.

Руководящее место в государственной думе займут отныне левые элементы. Вокруг левого крыла будут группироваться рабочие и крестьянские массы; они-то превратят самых верных приверженцев бюрократии в злейших ее врагов.

Такого превращения бюрократия добилась благодаря своей политике виселиц и хищничества.

Задача левых партий сводится к об'единению этих, воистину революционных элементов, чтобы в предстоящий час борьбы с наименьшими потерями разбить реакцию.

Закрепление тесной связи с значительными и влиятельными народными массами, организация этих масс и об'единение их в единый общий интерес борьбы,—таковы наши ближайшие задачи.

Одержим ли мы победу уже теперь или не одержим,—это будет зависеть от того, в какой мере примут активное участие в этой борьбе обширные народные массы.

Последнее слово скажут сами народные массы».

Согласно сообщению главного управления по делам печати от 14-го февраля и 22-го марта 1907 года, С.-Петербургский комитет по делам печати постановил привлечь редактора-издательницу «Newas Wilni», Эмму Яковлевну Куйве к уголовной ответственности за распространение указанных статей, отпечатанных в № 4 этой газеты в количестве 8.000 экземпляров, получивших полное распространение в разных городах Прибалтийского края.

Определением С.-Петербургской судебной палаты от 27-го февраля 1907 года, одновременно с утверждением наложенного местным комитетом по делам печати ареста на № 4 газеты «Newas Wilni», состоялось постановление о приостановлении идания этой газеты — впредь до постановления судебного приговора по настоящему делу.

Любопытны мотивы постановления Петербургской судебной палаты о приостановлении издания газеты «Newas Wilni»: «Заслушав предложение прокурора судебной палаты от 19-го фавраля за № 2505, — гласит мотивированное определение судебной палаты по этому вопросу — «и сообщение главного управления по делам печати от 24-го февраля за № 2103 об утверждении постановления С.-Петербургского комитета по делам печати о наложении ареста на № 4 латышской газеты «Newas Wilni» и выслушав словесное предложение товарища прокурора о приостановлении дальнейшего издания названной газеты, судебная палата пришла к следующему заключению:

Рассмотрев означенное сообщение, а равно и приложенный к нему № 4 газеты «Newas Wilni» вместе с переводом и усматривая в напечатании статей под заглавием: «Что достигнуто» и в отделе «Школа» и «Отчет конгресса латышского социл-демократического учительского союза», признаки преступного деяния, предусмотренного 1-ым пунктом 129-ой статьи уголовного уложения, судебная палата, по выслушании словесного заключения товарища прокурора, определяет: руководствуясь пунктами 9, 10, 11 и 14 отдела VII временных правил о повременных изданиях (собрание узаконений № 226 — 1905 года, статья 1372), оставить в силе распоряжение С.-Петербургского комитета по делам печати

о наложении ареста на вышеозначенный номер газеты «Newas Wilni» и, в виду особенной важности учиненных в нем преступных деяний, приостановить издание означенной газеты — впредь до судебного приговора по настоящему делу, о чем уведомить прокурора судебной палаты, переслав ему копию сего определения».

На основании вышеизложенного к Эмме Яковлевне Куйве было пред'явлено обвинение в том, что, состоя редактором-издательницей выходившей в С.-Петербурге на латышском языке газеты «Newas Wilni», она выпустила в свет и распространила, путем рассылки в разные города Прибалтийского края, № 4 названной газеты от 13 февраля 1907 года, содержавшей в себе названные статьи, при чем в статье под заглавием «Что достигнуто» доказывалась необходимость об'единения крестьянского населения с революционерами для активной борьбы с правительством и содержался призыв к учинению бунтовщического деяния.

Преступления эти были предусмотрены 1-ым и 2-ым пунктами I части, 129-й статьи уголовного уложения, вследствие чего Эмма Куйве была предана, на основании 2-го пункта 1032 статьи устава уголовного судопроизводства, суду С.-Петербургской судебной палаты, с участием сословных представителей.

Первое дело редактора латышской газеты „Peterburgas Atbalsis“ Августа Петровича Юрьяна.

Первое дело редактора-издателя латышской газеты «Peterburgas Atbalsis» («Петербургские Отголоски»), Августа Петровича Юрьяна возникло по следующему поводу:

В № 34 от 28-го июля 1906 года в издававшейся в С.-Петербурге на латышском языке газеты «Peterburgas Atbalsis» была напечатана корреспонденция из местечка Лозерна, Венденского уезда за подписью «Memento mori».

В этой корреспонденции неизвестный автор сообщает, что местный урядник Гравит, на совести которого лежит уже пять загубленных им жизней невинных людей, согласился за предложенное ему помещиками и пастором крупное денежное вознаграждение лишить жизни скрывшегося от преследования властей революционера — учителя Отто Озолина и с этою целью предпринял энергичные розыски Озолина в городе Риге, не увенчавшиеся, однако, успехом.

В Риге-же урядник Гравит снабдил своих сотрудников—агентов полиции фотографическими карточками Отто Озолина, дав им соответствующие указания для поимки скрывшегося революционера.

В № 35 той-же газеты была напечатана анонимная статья под заглавием: «Тоже конгресс», посвященная обсуждению вопросов и постановлений, связанных с состоявшимся в городе Риге с'ездом латышских крестьян, созванным самой реакционной частью латышской буржуазии, группировавшейся вокруг газеты «Ригас Авгус» и так-называемого «Латышского общества».

«Состоявшийся осенью прошлого года конгресс крестьян определенно высказался по вопросу о том, в чем ощущают нужду жители Прибалтийского края и без чего они не могут обойтись.

Постановления эти не отменены еще народом и сохраняют, поэтому, свою силу и поныне.

Эти нужды были признаны столь-же насущными, как воздух и вода: реорганизация самоуправления, введение реформы в народных

школах, политические свободы, уничтожение дворянских привиллегий— вот то, что безотлагательно необходимо как деревенским, так и городским жителям!

Осенние события были призваны к жизни и выдвинуты в первую голову властными требованиями самой жизни; эти требования и принудили латышский пролетариат претворить их в жизнь.

Однако с наступлением репрессий пришлось приостановить проведение в жизнь всех этих благих начинаний. Представители общества («Mamula»), окончательно утратившие к тому времени свой престиж, созывая конгресс под защитой военного положения, надеялись стяжать себе таким путем доверие крестьян, мелких земледельцев и даже батраков.

Однако, им не удалось добиться намеченной цели: их болтовня «в тупике» (laidara) не могла, конечно, помочь делу,—и все осталось по прежнему.

Судьба Прибалтийского края зависит всецело от хода всеобщего освободительного движения в России.

Этот освободительный путь нам необходимо пройти вместе с борцами за освобождение всей России и, поэтому, их политические требования — наши требования.

Требования эти всем уже давным-давно известны: все они были уже неоднократно предметом обсуждения и обмена мыслей; теперь наступила очередь привести их в исполнение.

Доколе эти требования не будут проведены в жизнь, — до тех пор нет никакой надежды на успокоение. Успокоились лишь те, кто навеки расстались с нами.

Настоящее время властно требует общественных группировок, и каждый обязан знать, где его место.

Деревенский пролетариат тоже, наверное, понял уже, что его место — в рядах партии своего класса, в рядах социал-демократии: только здесь найдет он своих истинных защитников.

И нашим мелким земледельцам следует, по видимому, сплотиться вокруг партии с более демократическими взглядами, а не искать защиты в таком «народном» и аристократическом салоне, как Латышское Общество («Mamula») со своими национальными латышскими идеалами!...».

Во второй статье под заглавием «Хаос», напечатанной в том-же № 35 газеты «Peterburgas Atbalsis» от 28-го июля 1906 г. приводится мнение заграничной прессы о том, что «в России в настоящее время происходит уже не революция, а хаос».

Соглашаясь с оценкой революционного движения в России, появившейся в заграничной прессе, автор названной статьи предсказывает увеличение этого хаоса в связи с надвигающимся рядом катастроф, в которых автор усматривает залог наступления нормальной жизни в России. В заключение означенной статьи автор утверждает, что после роспуска государственной думы крестьянам не остается ничего иного, как «взять свою судьбу в свои собственные руки и, следуя примеру финляндских, балтийских и кавказских крестьян, стать на защиту своих попранных прав посредством открытого бунта против правительства».

В августе 1906 года в с.-петербургский комитет по делам печати поступила напечатанная в типографии Вейсбрута революционная брошюра на латышском языке под заглавием:
«Библиотека Петербургских Отголосков», № 1, М. С.: «О баррикадной и уличной борьбе в западно-европейских

революциях», Кармелюк: «Новая нагорная проповедь», Кальмен: «Кровь и слезы».

В первой части названной «преступной» брошюры «О баррикадной и уличной борьбе» государственная власть характеризуется автором брошюры, как организованная система насилия и угнетения пролетариата имущими классами, при чем феодальное, абсолютно-монархическое государство признается каким-то чудовищем, всегда кровожадно чинившим жестокую расправу с угнетенным народом за малейшую попытку добиться свободного существования.

Та-же мысль проводится автором в целом ряде защищаемых им положений. Так, говоря о тирании правительства, впившегося в тело народа и высасывающего его кровь, автор утверждает: «Впившись в истерзанное народное тело и высасывая из него его кровь, кровожадные тираны и их верные опричники отводят иногда свои, напитанные кровью, губы, для того, чтобы проповедовать своим умученным жертвам необходимость смирения и покорности, обещая им в будущем, именем бога, воздаяние на том свете за эти добродетели».

Эта лицемереная проповедь ведется наемным духовенством, всячески отстаивающим царствующих.

Когда, однако, эта проповедь не достигает желанного эффекта, правители, «цепко хватаясь за свои права миропомазанников и вековые привилегии, не задумываются обуздывать угнетенный народ штыками и пулями, виселицей, пыткой и тюрьмой, а истерзанный народ, отчаявшись добиться своих прав мирным путем, с помощью мирных средств, прибегает к революции, при чем путь революционной борьбы почти всегда оказывается верным средством к достижению намеченной цели.

Сила предшествует праву. Каждый гражданин обладает правом соответственно мере своих сил. Сила-же государства есть не что иное, как военная сила, материальная сила оружия; к этому оружию народ прибегает для завоевания и защиты своих человеческих и гражданских прав.

В виде иллюстрации этого положения автор названной брошюры приводит целый ряд исторических примеров революционной деятельности восставшего народа и, главным образом, эпизоды из истории французской революции.

В статье Кармелюка под заглавием: «Новая нагорная проповедь» приводится рассказ о том, как один христианский проповедник, придя к рудокопам, стал об'яснять им смысл нагорной проповеди; его сменяет другой оратор-социалист, который говорит, что вот уже «скоро минет 2000 лет, как народ кормят различными обещаниями..., но настало уже время положить конец этому вековому обману».

В той же статье нагорная проповедь излагается автором в извращенном виде и сатирическом тоне: так, например, автор говорит в этой статье: «Блаженны все, кто не удовольствуются нищетою духа и нищенской жизнью,... кто ведет борьбу с угнетателями, потому-что не проливает слез и не нуждается в успокоении. Горе смиренным, которые глупо, смиренно и безропотно покоряются силе! Они никогда не наследуют земли, потому-что землю захватили уже сильные и обжоры... Блаженны сильные и непокорные, потому-что они обладают крепкой волей и силой завоюют и наследуют землю. Блаженны все те, кто восстает против гнета несправедливости, потому-что они близки к достижению своей цели. Горе всем милосердным к жестокосердию, потому-что они приумножают зло, царящее на земле!

Всякое милосердие по отношению к угнетателям есть не что иное, как жестокосердие по отношению к угнетенным...

Блаженны все те, кто сеют в сердцах людских семя борьбы и восстания против гнета зла и насилия... Противьтесь злу всеми доступными вам средствами вплоть до силы и не слушайте тех, кто проповедует воздаяние за зло добром.

Ненавидьте врагов ваших всеми силами души, потому-что враги эти — гонители правды и справедливости.

Вы слышали призыв: обремененные и трудящиеся всех стран, об'единяйтесь!

Следуйте этой заповеди трудового народа, вы — все крестьяне и рабочие!

Об'единяйтесь в великие рабочие армии и дружно выступайте на борьбу за землю и волю!

Лишь в борьбе обретете вы право свое!».

На возникшем по этому поводу предварительном следствии было установлено, что редактором-издателем латышской газеты «Peterburgas Atbalsis» состоял в июле и в августе 1906 года крестьянин Лифляндской губернии Август Петрович Юрьян и что последний, будучи предстаивтелем латышского книгоиздательства «Peterburgas Atbalsis», был вместе с тем заказчиком названной выше революционной брошюры на латышском языке.

Допрошенный на предварительном следствии в качестве свидетеля по сему делу экспедитор редакции газеты «Peterburgas Atbalsis» Федор Яковлев Залинский показал, что №№ 34 и 35 названной латышской газеты разошлись в количестве около 16.000 экземпляров, получив широкое распространение как в С.-Петербурге, так равно и в различных городах Прибалтийского края.

Из показаний допрошенных на предварительном следствии свидетелей по настоящему делу — Давида Вейсбрута и Ивана Сергеева, видно, что названная революционная брошюра со статьями о баррикадной борьбе и о новой нагорной проповеди была заказана редактором газеты «Peterburgas Atbalsis» Августом Петровым Юрьяном в типографии Вейсбрута в количестве 6.000 экземпляров, при чем 5.977 экземпляров названной брошюры было конфисковано вскоре по отпечатании ее в названной типографии, остальные же 23 экземпляра получили распространение в С.-Петербурге и в различных городах Прибалтийского края.

Привлеченный к предварительному следствию в качестве обвиняемого по сему делу Август Юрьян виновным себя в пред'явленном к нему обвинении не признал и дал следующее об'яснение по существу дела: по его словам, все обстоятельства, изложенные в корреспонденции из Лозерна в отношении урядника Гравита в полной мере соответствуют действительности и подтверждаются целым рядом свидетельских показаний; однако, назвать автора этой корреспонденции Август Юрьян отказался, так как не нашел возможным, по литературно-этическим соображениям, называть фамилии своих сотрудников.

Что касается содержания и тенденций инкриминируемых ему статей под заглавием: «Тоже конгресс» и «Хаос», то он, Юрьян, не усматривает в обеих этих статьях ничего противозаконного и предосудительного.

Равным образом он, Юрьян, не усматривает ничего противозаконного и в издании инкриминируемой ему брошюры со статьями под заглавием: «О баррикадной борьбе» и «Новая Нагорная проповедь»; он тем более считал себя в праве издать эту брошюру,

что она еще ранее — задолго до издания им — была уже в продаже на русском и на латышском языках; с своей стороны он, Юрьян, приступив к печатанию означенной брошюры, выполнил все требуемые законом формальности.

Он, Юрьян, не отрицает, однако, того факта, что несколько экземпляров инкриминируемой ему брошюры было дано им бывшим сотрудникам редактируемой им газеты «Peterburgas Atbalsis».

«На основании изложенного», — гласит обвинительный акт по сему делу, — «крестьянин Лифляндской губернии, Венденского уезда, Эргельской волости, Август Петров Юрьян, 31-го года обвиняется в том,, что, состоя в июле и августе 1906 года ответственным редактором-издателем издаваемой в С.-Петербурге на латышском языке газеты «Peterburgas Atbalsis» («Петербургские Отголоски») и будучи одновременно представителем латышского книгоиздательства «Peterburgas Atbalsis», он:

во-первых — распространил путем напечатания в распроданном затем № 34 названной газеты от 24 июля 1906 года корреспонденцию из местечка Лезорно, Венденского уезда, заключающую в себе заведомо для него, Юрьяна, ложные и возбуждающие в населении враждебное отношение к местной полиции сведения о том, будто местный полицейский урядник Гравит, на совести которого лежит уже пять загубленных жизней невинных людей, согласился за уплату ему помещиками и пастором значительной денежной суммы разыскать и умертвить скрывшегося учителя Отто Озолина;

во-вторых — распространил путем напечатания в распроданном затем № 35 той-же газеты от 1-го августа 1906 года, заведомо для него, Юрьяна, возбуждающие к учинению бунтовщического деяния две статьи под заглавием «Тоже конгресс» и «Хаос», указывающие на то, что крестьянам, после роспуска государственной думы, надлежит для защиты своих прав «встать в ряды социал-демократии и, взяв свою судьбу в свои собственные руки, следовать примеру финляндских , балтийских и кавказских крестьян»;

в-третьих — распространил в напечатанной им брошюре на латышском языке под заглавием:
(«Библиотека Петербургских Отголосков» № 1, М. С.: «О баррикадной и уличной борьбе в западно-европейских революциях» и «Новая нагорная проповедь»), при чем, заведомо для него, Юрьяна:

а) в первой из этих статей, содержащей в себе историческое описание борьбы революционеров с правительством в государствах западной Европы, вместе с тем приводятся возбуждающие к учинению бунтовщического деяния суждения о том, что народ в государствах с абсолютно-монархическим образом правления, подавляемый и обманываемый представителями власти всеми доступными им способами для удержания привилегий последней, не может добиться признания своих прав мирным путем и что выход для него заключается лишь в революции, так как этот последний путь, сопровождающийся борьбою с оружием в руках, ведет почти всегда к намеченной цели и

b) во второй статье, где приводится рассказ о проповеднике, излагавшем рудокопам нагорную проповедь и о сменившем его другом ораторе-социалисте, приводится подробно представляющая резкое искажение нагорной проповеди святого евангелия и, таким образом, умышленное поношение священного писания речь последнего оратора, утверждающего, что все смиренные, плачущие и нищие духом — несчастные потому, что глупо покоряться безропотно силе, что всеми благами жизни пользуются лишь сильные и злые и, что этих людей нужно ненавидеть

как своих врагов, бороться с ними всеми силами и что лишь путем борьбы и восстания можно будет завоевать благополучие народа.

Преступления эти предусмотрены:

a) первое — пунктом 6 статьи 5-го отдела VIII закона 24-го ноября 1905 года.

b) второе — 1-м пунктом 129-ой статьи Уголовного Уложения и литерой б. 2-го п. 73-й статьи того-же Уголовного Уложения, —

а посему и на основании 1032-ой ст. Устава уголовного судопроизводства обвиняемый Август Петров Юрьян подлежит суду с.-петербургской судебной палаты с участием сословных представителей».

Обвинительный акт по настоящему делу был составлен 10-го января 1907 г. в городе С.-Петербурге товарищем прокурора с.-петербургской судебной палаты Крестьяновым.

В качестве свидетелей по настоящему делу со стороны прокуратуры были вызваны владелец типографии Давид Вейсбрут и экспедиторы редакции «Peterburgas Atbalsis» — Иван Сергеев и Федор Залинский, подтвердившие на суде изложенные выше обстоятельства.

Председательствовал по настоящему делу старший председатель с.-петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинников; в состав судей по этому делу вошли члены с.-петербургской судебной палаты И. В. Деларов, И. М. Коробчич-Чернявский и В. Д. Олышев, при секретаре с-п-б. судебной палаты В. Прозоровском.

В качестве сословных представителей в состав суда по настоящему делу вошли: с.-петербургский уездный предводитель дворянства Шубин-Поздеев, член с.-петербургской городской управы А. Н. Бузов и лемболовский с.-петербургского уезда волостной старшина П. Лавоне.

Обвинял А. П. Юрьяна товарищ прокурора с.-петербургской судебной палаты А. А. Крылов; защитником по всем его делам выступил в с.-петербургской судебной палате автор этих строк.

В качестве эксперта и переводчика с латышского языка по настоящему делу выступил петроградский латышский цензор — преподаватель гимназии Мартын Иванович Реммик, выступавший обычно, в качестве эксперта, по всем латышским литературным делам в петербургской судебной палате.

Дело это слушалось в С.-Петербурге 4-го мая 1907 года.

Второе дело редактора латышской газеты „Peterburgas Atbalsis" Августа Петровича Юрьяна.

Второе дело латышской газеты «Peterburgas Atbalsis» А. П. Юрьяна, представляющее, в сущности, продолжение обвинительного акта по первому его делу, возникло по следующему поводу:

I.

22-го июня 1906 года в городе С.-Петербурге, в вышедшем в свет № 25 латышской газеты «Peterburgas Atbalsis», была напечатана за подписью «Лесной брат» корреспонденция из Адеркасской волости.

В этой корреспонденции автор, обращая внимание читателей на недопустимое поведение содержательницы корчмы «Крума» и четырех ее дочерей, говорит, между прочим, следующее:

«Интересно было бы отметить в нескольких словах корчму «Крума». В этой корчме проживает мать с четырьмя дочерьми. Эти красавицы, еще недавно пользовавшиеся уважением всей местной интеллигентной молодежи, ведут теперь дружбу с убийцами своих братьев—

солдатами и офицерами, которые, единственно по этой причине командируют каждую ночь восемь солдат для их охраны!

Милые девицы! Не пора-ли вам, наконец, одуматься?»...

II.

7-го июля 1906 года вышел в свет № 29 той же газеты, в котором были помещены революционные резолюции солдат Херсонского и Батумского горнизонов, а также корреспонденция из Риги, содержавшая в себе революционную резолюцию временного бюро учителей Прибалтийского края.

Приведу текст обеих этих резолюций:

«Резолюция херсонских солдат»:

«Мы, нижние чины Херсонского гарнизона, обсудив 26-го июня 1905 года настоящий момент, усматриваем, что правительство все еще продолжает орошать землю человеческой кровью, натравливая одну нацию на другую, казаков—на солдат, солдат—на крестьян и рабочих.

Мы, бывшие крестьяне и рабочие, в которых мы вновь должны будем превратиться, протестуем против такой деятельности правительства и присоединяемся к протесту, выраженному против Белостокского кровопролития.

При малейшей попытке правительства устроить в Херсоне погром, мы все, как один человек, будем защищать жителей от таких нападений.

От имени социал-демократической фракции и рабочей группы, мы приветствуем государственную думу и обещаем поддерживать ее в самый острый момент борьбы за учредительное собрание [1]) за землю и свободу.

Мы требуем немедленной полной амнистии для так называемых политических преступников!».

III.

Вторая резолюция — Батумского гарнизона была напечатана в № 29 «Peterburgas Atbalsis» после следующего предисловия:

«Батумская военная организация просит товарищей солдат и матросов ознакомиться с резолюцией Батумских матросов, саперов, и артиллеристов, обсудить ее и присоединиться к ней».

После этого предисловия была напечатана следующая

«Резолюция батумских солдат»:

«Мы, нижние чины Батумского гарнизона, — матросы, саперы и артиллеристы, в числе 972 человек, ознакомившись с воззванием трудовой группы государственной думы, постановили:

Самодержавие своей политикой угнетения ввергло Россию в крайнюю гибель. У крестьян нет земли, и они до того истощены, что им придется умирать с голода.

Фабрики и заводы закрываются, а рабочие тысячами выбрасываются на улицу.

Чиновники правительства распоряжаются бесконтрольно и похищают народные гроши.

Солдаты и матросы находятся под невыносимым казарменным гнетом.

---

[1]) Лозунг социал-демократов меньшевиков.

Прим. изд.

Государственная дума... потребовала от правительства хоть немного улучшить несносное положение крестьян... требовала свободы для всех граждан, как и улучшение казарменной жизни для солдат.

Однако правительство отказало во всем этом и еще раз доказало, что оно и впредь намерено притеснять и разорять его.

Мы, солдаты... во всем солидарны с социал-демократической фракцией государственной думы и извещаем ее, что мы будем защищать ее и крестьянских депутатов всеми находящимися в нашем распоряжении средствами.

Да здравствует об'единение армии с народом!

Да здравствует свобода!».

IV.

В том же № 29 газеты «Peterburgas Atbalsis» была напечатана корреспонденция из Риги о конференции революционного бюро латышских учителей.

Автор этой корреспондеции сообщает, что конференция эта приняла революционную резолюцию, рекомендуемую тактикой русской социал-демократической рабочей партии большевиков, и постановила вместе с тем учредить новую социал-демократическую организацию учителей, как составную часть латышской социал-демократической рабочей партии.

«Временное бюро учителей,—гласит эта корреспонденция,—«только что созвало конференцию латышских учителей, в которой приняло участие свыше пятидесяти членов.

Первым пунктом в порядке дня был поставлен краткий реферат об истории возникновения и о деятельности временного бюро латышских учителей.

Наступление реакции повлекло за собою распад прошлогоднего бюро латышских учителей.

Некоторые члены его вернулись обратно в ряды временного бюро учителей, но другие члены этого бюро изменили своим убеждениям и отказались от участия в дальнейшей работе бюро в прежнем направлении.

Верными лозунгам бюро остались учителя социал-демократы, которым удалось организовать, путем кооптации членов, настоящее временное бюро латышских учителей.

Это последнее бюро озаботилось собиранием сведений о потерпевших товарищах, выпустило воззвание ко всем учителям и созвало настоящую конференцию.

Обсудив текущий политический момент и вопрос об отношении временного бюро к государственной думе, конференция принимает резолюцию, которая отстаивает тактику российской социал-демократической рабочей партии большевиков.

Конференция постановила учредить не профессиональный учительский союз, а социал-демократический учительский орган, как часть латышской социал-демократической партии, при чем эта вновь учрежденная организация, как таковая, в праве вступить в любую междупартийную учительскую организацию.

В дальнейшей своей тактике союз постановляет руководствоваться следующими принципами:

1) вести занятия в школах в духе новой программы, хотя бы официально продолжала оставаться в силе старая программа;

2) агитировать в массах за введение в школах новой программы и за выборы местных самоуправлений на демократических принципах;

3) бороться, идя рука об руку с местными социал-демократическими организациями, применяя самые строгие меры по отношению к инспекторам народных училищ и к пасторам;

4) выразить крайнее презрение и негодование тем учителям, которые изменческим образом заняли места пострадавших учителей, выставив у позорного столба имена тех, кто играли в семинариях роль штрейкбрехеров (срывали забастовки), и предпринять самые строгие меры по отношению к тем «товарищам», которые сделались шпионами и пособниками угнетателей;

5) выразить симпатию конференции всем тем товарищам, которые доказали свою солидарность с пострадавшими в освободительном движении, несмотря на все карательные экспедиции;

6) поручить бюро озаботиться организацией суда чести и собранием точных сведений для расследования поведения некоторых учителей.

Полученные бюро сведения рисуют ужасную картину. Повидимому правительство поставило себе целью выколоть чертовским образом глаза народу: ослепленного героя легко снова заковать в цепи. Поэтому ужасные действия карательных экспедиций были направлены, в первую голову, против народной школы—этого очага света.

Далее в резолюции говорится о том, что в Вольмарском уезде, где революционное движение далеко не проявилось с наибольшей силой, оказалось потерпевших—43 учителя и 5 учительниц.

Однако, все это далеко еще не самое худшее: имеются-де учителя, которые играли роль предателей и шпионов и руководили карательными экспедициями!

Шпиону—удел шпиона!

Далее был прочитан реферат о конструкции вновь учрежденной организации:

1) учительские центры в деревнях состоят не более, чем из десяти членов; в городах допускается и большее число членов.

Цель их: самообразование, агитация в массах, пропаганда в местных социал-демократических кружках, бойкот, доставление мест пострадавшим членам и т. п.;

II. Центр сельских делегатов собирается 3—4 раза в год для обсуждения более широких тактических вопросов и дачи руководящих указаний бюро;

III. Конгресс учителей созывается раз в год; он служит высшим организационным учреждением;

IV. Бюро озабочивается приведением в исполнение всех решений, собрания делегатов и конгресса и ведает текущие дела».

Приведенная резолюция бюро латышских учителей показательна как свидетельство о том, какую героическую борьбу приходилось вести латышскому революционному учительству за проведение в жизнь социал-демократических лозунгов, не останавливаясь даже перед расстрелами и кошмарами военных карательных экспедиций!

Героическая борьба латышского учительства за раскрепощение народной школы от гнета вековых предрассудков требовала тем больших жертв со стороны латышских народных учителей, что они натыкались на упорное сопротивление прибалтийских баронов, превративших народные школы в слепое орудие церковной политики.

Достаточно сказать, что еще в 1905 году лифляндские бароны возбудили перед председателем совета министров—графом С. Ю. Витте ходатайство о превращении народных школ в «церковные учреждения» (Kirchliche Einrichtung), с возложением управления и ру-

ководительства народной школой на прибалтийских помещиков и местное духовенство.

Консервативная прибалтийская пресса об'явила виновницей революционного движения, охватившего латышское учительство—русификацию школы.

Не удивительно, поэтому, что карательные экспедиции в первую голову обрушились на народные школы, как на гнезда революционного движения, и об'явили крестовый поход против латышских учителей: «на глазах у малолетних школьников»—свидетельствует авторитетный историк латышской революции 1905 года И. Янсон-Браун—«учителя подвергались смертной казни и избиению нагайками..... проступок этих учителей, в общем и целом, заключался в том, что они осмелились «преподавать на родном языке и по новой программе»....(И. Янсон-Браун: «Революция в Прибалтике». Перев. с латышского П. Свириса. Изд. «Прометея». Москва, 1924, стр. 49).

О крупной роли латышского учительства в революционном движении Латвии свидетельствует следующая резолюция, принятая на первой учительской конференции, происходившей в 1905 году с участием 125 учителей.

«В виду того, что нормальное существование народной школы»—гласит эта резолюция—«возможно лишь в государстве с демократически-республиканским строем, мы находим невозможным удовлетворяться одной лишь профессиональной борьбой и признаем необходимость борьбы революционно-политической.

Принимая во внимание, что, во-первых, победа демократического принципа во всех культурных странах достигнута лишь благодаря рабочему движению, что, во-вторых, политическая мощь рабочих обусловливалась развивающимся социал-демократическим движением, что, в-третьих, труды общественных деятелей в пользу широких народных масс имели значение постольку, поскольку эти деятели шли рука об руку с революционной социал-демократической партией,—мы, учителя Прибалтийских губерний, будучи сами пролетариями, признаем необходимым принимать активное участие в классовой борьбе, и так как единственной партией, успешно ведущей пролетариат в этой борьбе, является социал-демократическая партия, то мы присоединяемся к социал-демократическим организациям».

До какой степени назрела потребность в реформе латышской народной школы, удушенной административной и церковной опекой, и как тягостен был гнет царизма в области народного просвещения,—об этом свидетельствует следующее место из «Петиции латышей», представленной в 1905 году в совет министров от имени 200 представителей латышского общества:

«Развитие наших школ—гласит эта петиция—открытие их, и вообще, распространение образования, как-то: ведение вечерних, художественных, ремесленных и иных курсов, воскресных школ, публичных лекций, библиотек, музеев и так далее, тоже вполне отдано под руководство администрации,—что уничтожает всякую частную инициативу и держит народ в умственной темноте.

Второе препятствие успешному распространению образования составляет изгнание местного народного языка из школ и других образовательных учреждений.

Поэтому надлежало-бы:

1) отменить должности инспекторов и директоров народных школ, передать народные и средние школы в ведение мест-

ных органов—волостного, городского и земского самоуправления, которые заботятся об их содержании......;

2) право основания и содержания школ и других образовательных учреждений, в том числе и средних с латышским преподавательским языком должно быть дано каждому, по суду не обвиненному взрослому лицу (обоего пола) по простой явочной системе;

3) обучение в народных школах в деревне и в городах должно быть обязательным и бесплатным для каждого;

4) в народных школах преподавательским языком должен быть местный латышский язык, с обязательным обучением русскому языку...

Одним из важнейших препятствий к достижению народного хозяйственного благополучия и умственного развития, представляется упомянутое уже ограничение гражданских прав местного народного языка. Латышский язык следует там, где большинство населения—латыши, ввести не только

1) языком преподавания в школах, но

2) и делопроизводительным языком во всех волостных и приходских установлениях».

V.

«Календарь Петербургских Отголосков».

В октябре 1906 года в городе С.-Петербурге, по заказу редактора газеты «Петербургские Отголоски» А. П. Юрьяна был отпечатан на латышском языке «Календарь Петербургских Отголосков» («Peterburgas Atbalsis Kalendars»).

На 19-ой—55 страницах этого «Календаря» была напечатана статья под заглавием «В буре и волнах», представляющая обзор политической жизни России за 1905 год.

В указанной статье приведены, между прочим, следующие сведения, характеризующие картину политической жизни России и преступной деятельности правительства:

«В два летних месяца до 6-го августа... политика правительства шла по пути репрессий и искоренения...

Не было недостатка в некоторых маленьких погромах...

Особенно зверское избиение публики хулиганами и казаками произошло в Нижнем-Новгороде. Это избиение продолжалось три дня сряду... Известия о зверстве казаков стали приходить со всех концов России.... Эта слава казаков заставила даже Донское дворянство выступить с протестом против использования казаков для нужд полицейской службы»... «Пока там наверху возились с государственными делами.... революция тем временем мобилизовала свои силы на всем протяжении государства, укрепляя постепенно те революционные силы, которые дали такую богатую жатву осенью»...

«Усиленная охрана в значительной мере уменьшила безопасность населения, которое она должна была охранять... В церквах ораторы в красных шапочках стали произносить социалистические проповеди...

Зачастую пасторам запрещали творить молитву за долголетие государя... В некоторых местах консистория возлагала на приход охрану церквей, но прихожане отказывались обычно исполнять эти обязанности. В этом отношении особенно заслуживает внимания резолюция Ленне—варденских дворохозяев, посланная ими в консисторию: «они не ручаются за спокойствие до тех пор, пока не будет отменена усиленная охрана и пока не назначут пастору жалованье из вносов прихожан,

желающих принадлежать к приходу, при чем обсуждение религиозных вопросов будет происходить вне церкви и церковное имущество будет предоставлено приходу для культурно-просветительных нужд населения».

Такая же точно переписка велась консисторией с Фетельнским, Калценауским и другими волостными правлениями:

26-го июня 1905 года комитет Митавской латышской социал-демократической рабочей партии об'явил в Курляндии всеобщую забастовку сельских рабочих.

Группы рабочих, вооруженных ружьями и револьверами, шли от имения к имению, приглашая сельских рабочих примкнуть к забастовке. Те немедленно выражали свое согласие и толпами направлялись в другие имения. Повсюду всякий, кто только мог, вооружался, собирая деньги на оружие.

В Грюнгофе и Фокенгофе сельскими рабочими были сожжены сельские постройки.

В имении Гоф-Цум-Берг произошло форменное сражение между толпою крестьян и отрядом драгун, при чем драгуны оказались разбитыми.

В волостных домах вооруженные толпы людей постоянно уничтожали портреты государя и зерцала, а равно и некоторые документы, в особенности рекрутские списки.

Разгромлены также казенные винные лавки.

Из бесчисленных прокламаций, которые наводняли в 1905 году города и деревни, особое влияние на рабочие и крестьянские массы оказала прокламация, под заглавием «Ко всем сельским рабочим», изданная центральным комитетом латышской социал-демократической рабочей партии.

Об'ясняя необходимость политической борьбы и предлагая вместе с тем сельским рабочим отстаивать свои требования, как, например, требования об уплате каждому женатому батраку не менее 300 рублей в год, автор говорит:

«Кто не вспомнит о той буре радости, которая пронеслась по всей России после манифеста 17 октября 1905 года о гражданских свободах!

Народ немедленно приступил к проведению в жизнь обещанных свобод. Забастовка мало-по-малу прекратилась. В С.-Петербурге Совет Рабочих Депутатов об'явил 21 октября 1905 года забастовку оконченной. На фабриках и заводах стали вводить революционным путем 8-мичасовый рабочий день (что впоследствии оказалось ошибкой). Повременные издания стали систематически игнорировать цензуру.

Свободное слово поднялось до такой высоты, на какой оно еще никогда не стояло. Можно смело утверждать, что после 17 октября до начала декабря 1905 года в России была завоевана такая свобода печати и слова, какой не было еще во всем свете.

Правительство боялось нарушить добытые революционным путем свободы.

Эти прекрасные дни свобод были, однако, омрачены во всей России ужасными дебютами контрреволюции, когда по мановению треповских агентов, при помощи администрации, поднялась так называемая черная сотня. Неувядаемые лавры за устройство погромов стяжали себе Нейдгард—в Одессе, Клейгельс—в Киеве, Слепцов (недавно убитый бомбой)—в Твери, Курлов—в Минске, Азанчевский—в Томске и Пиллар-фон-Пилхау—в Ростове н/Дону...

В те чудные дни свобод все добрые и злые духи были, на самом деле, выпущены на свободу.

К творческой деятельности и к чудным геройским подвигам революции стали примешиваться вскоре ужасы и проделки реакции.

И над всем этим во всех местах раздавался боевой клич и слышен был шум битвы. Революция шла вперед... Революции приходилось одной рукой творить положительное, создавать новое, творческое, призывая к жизни новые условия социального строительства, а другой рукой—защищаться от укусов и нападения бдительных неприятелей».

«Кто знает,—каково было бы лицо нашей родины у Балтийского моря, если бы ужасная реакция не заглушила первых прекрасных всходов вольной жизни, которая раскрывала такие широкие и заманчивые перспективы».

«28 октября 1905 года вся Польша была об'явлена на военном положении. На эту провокацию и на суд, происходивший над кронштадтскими матросами, петербургский пролетариат единодушно ответил всеобщей забастовкой, которая длилась с 2 по 7 ноября со значительным успехом; и все-таки ход этой второй забастовки мог бы быть еще более успешным...

Когда рабочие пришли в крайнее изнеможение от этой второй забастовки, правительство Витте—Дурново начало снова раздражать рабочих, прибегая к излюбленной провокации: оно хотело взять рабочих измором и вызвать их на опрометчивое восстание, чтобы потопить их затем в их крови.

Не довольствуясь этой гнусной провокацией, Дурново стал явно провоцировать и крестьян, преднамеренно отказывая в правительственном вспомоществовании всем голодающим крестьянам, принимавшим участие в аграрных беспорядках».

В этот самый период времени, от 6 до 10 ноября в Москве происходил крестьянский конгресс.

Конгресс этот вынес резолюцию о необходимости созвать учредительное собрание не позднее февраля 1906 года и безотлагательно опубликовать закон о созыве учредительного собрания.

Митинги в Риге и в целом ряде других городов Прибалтийского края приняли небывало грандиозный характер. Что касается бурных митингов и внушительных манифестаций сельского населения в деревнях, то невозможно даже вкратце передать эту величественную картину небывалого под'ема: повсюду открыто говорилось, что необходимо неустанно продолжать энергичную борьбу с правительством и немедля использовать все обещанные свободы.

Социал-демократия совершает в это время свое победоносное шествие по нивам Прибалтийского края, вовлекая в свои ряды тысячи крестьян.

Между 10 и 15 ноября в Риге состоялся конгресс латышских народных учителей, на котором вынесено было решение игнорировать старую школьную инспекцию и старое школьное управление.

19 и 20 ноября в Риге состоялся конгресс волостных делегатов. Согласно постановлению, вынесенному на этом конгрессе, немедля по закрытии его во всем Прибалтийском крае была учреждена целая сеть революционных самоуправлений и вновь избранных распорядительных комитетов.

22-го ноября Лифляндская губерния была неожиданно об'явлена на военном положении. В виде протеста против введения военного по-

ложения в Риге, Митаве и Либаве была об'явлена всеобщая забастовка.

После 17 октября силы правительства иссякли до такой степени, что народ получил фактическую возможность использовать все свободы, подвергая упорному бойкоту старые законы и многочисленные ограничения. И в самом деле: все «возвещенные» свободы были использованы революционным путем...

Однако, правительство мало-по-малу стало оправляться от охватившей его растерянности и паники, постепенно возобновляя свою разрушительную работу и сокрушая все, что было добыто народом... Когда, наконец, правительство ясно увидело, какой высоты достигло революционное сознание народа, оно окончательно перешло в открытое нападение: социалистические газеты стали открыто подвергаться гонениям и конфискации. Против обществ стали воздвигаться всевозможные гонения, крестьянский конгресс закончился арестом всех членов бюро.

Но с особенной силой стала неистовствовать реакция после того, как ей удалось усмирить «бунт» матросов во флоте на Черном море.

Отныне никакие собрания более уже не разрешались и период внушительных митингов канул в Лету. Рабочие тысячами выбрасывались на улицу из фабрик и заводов...

Лифляндская губерния была об'явлена на военном положении,— и, надо сознаться, что провокация правительства оказалась на сей раз весьма удачной: лифляндцы подняли восстание и в некоторых местах с оружием в руках стали протестовать против гнета правительства.

Во многих местах вспыхнули открытые военные «бунты» на политической и экономической почве.

В Могилеве Кадниковский полк открыто выразил свой протест против военного начальства и отказался исполнить его требование о разгоне мятежной толпы.

В Риге унтер-офицерский батальон пред'явил военному начальству требование об освобождении его от полицейской службы.

В Самаре 312-й Березинский полк стал открыто угрожать военному начальству забастовкой, если его пошлют усмирять народ, и т. д.».

Во время производства предварительного следствия по этому делу был допрошен свидетель-крестьянин Федор Залинский, служивший экспедитором при конторе редакции газеты «Peterburgas Atbalsis». Свидетель этот показал, что каждый номер и в том числе №№ 25 и 29 означенной газеты выходили в свет в количестве более 10.000 экземпляров, которые он, свидетель, рассылал подписчикам, а также в разные книжные магазины—в целом ряде городов Прибалтийского края.

Что касается «Календаря Петербургских Отголосков», то это последнее издание, отпечатанное в количестве 15.000 экземпляров, как выяснилось впоследствии, распространения не получило, так как было полностью конфисковано в городе Риге, куда оно было отправлено для брошюровки в переплетную мастерскую Кагана.

В виду изложенных данных, редактор-издатель газеты и календаря «Peterburgas Atbalsis» Август Петрович Юрьян был привлечен к следствию в качестве обвиняемого по настоящему делу.

На допросе А. П. Юрьян, не признавая себя виновным в пред'явленном ему обвинении, дал следующее об'яснение по существу дела:

1) если в корреспонденции из Адеркасской волости и содержится некоторая резкость выражений по адресу войска, то это об'ясняется

тем, что в период времени, к которому относится названная корреспонденция, такие резкости сплошь и рядом встречались в повременной печати;

2) инкриминируемые ему резолюции солдат Херсонского и Батумского гарнизонов он, Юрьян, перепечатал без всяких изменений из русских газет, заглавие которых он сейчас не может припомнить; у него не могло быть никаких оснований предполагать, что такая перепечатка из руских газет может пониматься преступной, так как ни одна русская газета не была привлечена к ответственности за напечатание инкриминируемых ему резолюций солдат Херсонского и Батумского полков;

3) в перепечатке резолюции конференции латышских учителей он не усматривает ничего преступного, так как считал, что в этой резолюции не заключается ничего противоправительственного;

4) инкриминируемая ему статья в не получившем распространения номере редактируемого им «Календаря» представляет не чей-либо самостоятельный труд, а компилятивную сводку информационных сведений, заимствованных из самых разнообразных русских и латышских газет за период освободительного движения.

«На основании вышеизложенного,—гласит обвинительный акт по настоящему делу, — «крестьянин Лифляндской губернии, Венденского уезда, Эргельской волости, Август Петров Юрьян, 30 лет, обвиняется в том, что в 1906 году в г. С.-Петербурге, состоя редактором-издателем выходившей на латышском языке газеты «Peterburgas Atbalsis», он:

во-первых, поместил в вышедшем в свет и распространенном среди подписчиков № 25 названной газеты от 22 июня 1906 года корреспонденцию из Адеркасской волости, в которой нижние воинские чины и офицеры назывались «убийцами»;

во-вторых, выпустил в свет и распространил № 29 той же газеты от 7-го июля 1906 года, содержавший в себе: а) статью «Резолюция херсонских солдат», в коей сообщалось, что нижние чины Херсонского гарнизона, усматривая, что правительство продолжает орошать землю человеческой кровью, подстрекая одну нацию на другую и казаков на солдат,... «протестуют против такого распоряжения правительства, угрожая при малейшей попытке с его стороны устроить в Херсоне погром», встать, как один человек, на защиту жителей. Приветствуя государственную думу, они обещают ей свою поддержку «в самый острый момент борьбы за учредительное собрание, землю и свободу»;

б) статью, содержащую воззвание Батумской военной организации к нижним воинским чинам с просьбой ознакомиться и присоединиться к резолюции Батумских нижних чинов, а также самый текст резолюции, в которой, после указания на то, что самодержавие ввергло Россию в крайнюю гибель, что правительство, игнорируя народные нужды, доказывает свое нежелание обращать внимание «на требования народа и впредь думает притеснять и разорять его, приводится резолюция солдат, заявляющих о своей солидарности с социал-демократической фракцией государственной думы и готовности защищать ее и крестьянских депутатов всеми находящимися в их распоряжении средствами.

в) отчет о конференции народных учителей в городе Риге, постановившей заниматься в школах, несмотря на существование законной программы, в духе новой программы, агитировать в пользу этой програмы и в пользу выборов местных самоуправлений на демократических началах и бороться, идя рука об руку с социал-демократическими орга-

низациями, употребляя самые строгие меры против инспекторов и пасторов, каковые сочинения заведомо для него, Юрьяна, возбуждали к учинению бунтовщических и изменческих деяний, а первые,—сверх того,—и к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы:

3) в том, что в 1906 году составил и отпечатал в «Календаре Петербургских Отголосков» («Peterburgas Atbalsis Kalendars») с целью распространения статью « В буре и волнах», содержавшую описание политических событий 1905 года, в котором проводилась мысль, что посредством вооруженных столкновений с правительственными войсками, забастовок и т. п., народ добыл себе в 1905 году «прекрасные дни свободы», которые, однако, были затем омрачены провокаторской деятельностью правительства, погромами и «другой разрушительной работой, расстраивавшей все, что народ отвоевал себе», каковая статья заведомо для него, Юрьяна, возбуждавшая к учинению бунтовщического деяния, не получила, однако, распространения, в виду наложенного на «Календарь Петербургских Отголосков» ареста.

Описанные преступления предусмотрены пунктом 6-ым отдела VIII закона 24-го ноября 1905 года и 1-ым и 3-ем пунктами I части 129 и 132 статей уголовн. уложения.

Вследствие этого и на основании 1-го пункта 1032-ой и 1034-ой статей устава уголовного судопроизводства, названный Август Юрьян подлежит суду С.-Петербургской судебной палаты с участием сословных представителей».

Обвинительный акт этот был составлен 26-го июля 1907 года в г. С.-Петербурге.

В качестве эксперта по этому делу был вызван переводчик с латышского языка—преподаватель гимназии Мартын Иванович Реммик.

V.

Третье дело редактора газеты, («Peterburgas Atbalsis»—Августа Петровича Юрьяна.

I.

Третье дело А. П. Юрьяна возникло по следующему поводу:

В № 21 от 9-го июля 1906 года газеты «Peterburgas Atbalsis» помещена была корреспонденция из местечка Грепцгофа, Добленского уезда, в которой сообщалось о прекращении в этом уезде кошмарной расправы с населением карательной экспедиции, на смену которой «выступает деятельность сельской полиции, урядников и стражников и воцаряются полная бесчеловечность и беззакония».

Давая, далее, характеристику одного из местных урядников, который, заподозрив в одном сельском учителе автора неблагоприятного для него отзыва в печати, открыто высказывал угрозу отомстить ему лишением жизни и с этой целью явился к нему на квартиру для производства обыска, автор корреспонденции приходит, в конечном итоге, к выводу, что подобные побуждения личного свойства неоднократно служили основанием для заведомо недобросовестного возбуждения дел, караемых смертной казнью; в дальнейшей оценке деятельности местной сельской полиции автор корреспонденции приходит к выводу, что «люди, которые давно уже заслужили своей деятельностью арестантский халат и кандалы, решают вопрос,—быть или не быть человеческой жизни».

II.

В № 31 от 14-го июля 1906 года той-же газеты напечатана статья под заглавием «Государственная Дума в Выборге».

Сообщая в этой статье о создавшейся политической кон'юнктуре момента и чрезвычайных обстоятельствах, сопровождавших от'езд членов государственной думы в г. Выборг, автор передает ход совещания, происходившего в гостинице «Бельведер» между разными партиями и фракциями по поводу обращения к народу, и приводит содержание Выборгского воззвания, подписанного почти всеми участниками совещания и получившего широкое распространение под заглавием:

«Народу от народных представителей»:

«Граждане всей России!

Указом 8-го июля Государственная Дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваши поручения и наш долг, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желаем издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства, путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих.

Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении,—был об'явлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа.

Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за государственную думу!

Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства.

У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу.

А потому теперь, когда правительство распустило государственную думу, вы в праве не давать ему ни солдат, ни денег.

Если-же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет.

Итак, — до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию!

Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек!

Перед единой и неприклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами!»

Сообщая далее, что через час после выпуска означенное выборгское воззвание к народу успело получить широкое распространение в городе Выборге, автор заканчивает свою статью заключением в том смысле, что хотя, в виду усиливающейся с каждым днем репрессии правительства и гонений ея на печать, выборгское воззвание не может найти места на страницах столичной прессы, тем не менее, оно, «разумеется, дойдет до народа иным путем».

В том-же номере «Peterburgas Atbalsis» была напечатана статья о происходившем в г. С.-Петербурге — близ пороховых заводов грандиозном митинге, на котором, собравшиеся, в количестве 4.000 человек, петербургские рабочие вынесли единодушно резолюцию и постановили пред'явить к государственной думе требование — обратиться немедля к народу с манифестом, оповещающем население России о том, что государственная дума не разойдется до тех пор, пока не будет созвано учредительное собрание.

Изложенные обстоятельства были в полной мере установлены осмотром соответствующих номеров газеты «Peterburgas Atbalsis».

Так как, по сообщению главного управления по делам печати, редактором-издателем этой газеты состоял крестьянин Лифляндской губернии, Август Петрович Юрьян, то последний был привлечен к следствию в качестве обвиняемого по сему делу.

Не признавая себя виновным в пред'явленном ему обвинении, А. П. Юрьян показал на допросе у судебного следователя, что сведения о деятельности сельской полиции в местечке Гренцгофе были сообщены ему корреспондентом, заслуживающим полного доверия. Назвать его имя, он, Юрьян, не считает возможным по соображениям литературной этики; однако, факты изложенные в этой корреспонденции, в полной мере соответствуют действительности.

Инкриминируемая ему статья под заглавием «Государственная дума в Выборге», по содержанию своему, а равно и по изложенным в ней фактам, не таит в себе приписываемого ей преступного характера. Что-же касается статьи о митинге рабочих, происходившем на пороховых заводах, то она заключает в себе правдивое и об'ективное описание события, происходившего в действительности.

«На основании изложенного» — гласит обвинительный акт по этому делу — «крестьянин... Август Петрович Юрьян... обвиняется:

во-первых — в том, что в выпущенном в свет № 21 от 9-го июля 1906 года, издаваемой им в г. С.-Петербурге на латышском языке газеты «Peterburgas Atbalsis» напечатал, с целью распространения, корреспонденцию из м. Гренцгофа, Добленского уезда, заведомо для него заключающую ложные и возбуждающие в населении враждебное отношение к местной сельской полиции сведения о том, что деятельность ее является «бесчеловечной и беззаконной», что среди этой полиции находятся должностные лица, «заслужившие арестантский халат и кандалы, которые, однако, решают вопрос о том, быть или не быть человеческой жизни» и что применение смертной казни в Прибалтийском крае нередко обусловливалось тем фактом, что полицейские урядники при исполнении своих служебных обязанностей руководствовались побуждениями личного свойства;

во-вторых, в том, что в № 31 от 14-го июля, той-же газеты он, Юрьян, напечатал, с целью распространения, статью под заглавием «Государственная дума в Выборге», содержащую в себе сущность выпущенного в г. Выборге бывшими членами государствен-

ной думы воззвания, приглашающего население империи к отказу от уплаты податей и к неисполнению воинской повинности и заведомо для него, Юрьяна, возбуждающую к неповиновению закону и

в-третьих,—в том, что в указанном номере той же газеты напечатал, с целью распространения, статью о происходившем в г. С.-Петербурге на пороховых заводах митинге, на котором рабочие постановили потребовать от государственной думы оповещения населения о том, что она не разойдется до созыва учредительного собрания, — заведомо для него, Юрьяна, возбуждающую к противодействию закону.

Первое из означенных преступлений предусмотрено пунктом «в» статьи 5-ой, отдела VIII, закона 24-го ноября 1905 года, а последние два преступления — пунктом 3-м, части I, статьи 129 уголовного уложения.

Вследствие сего и на основании 2 пункта 1032 и 205 статей устава уголовного судопроизводства, крестьянин Август Петров Юрьян подлежит суду с.-петербургской судебной палаты, с участием сословных представителей».

Обвинительный акт этот был составлен 31-го октября 1906 г. в г. С.-Петербурге.

Согласно заключению товарища прокурора петербургской судебной палаты, Меликова — за силою 524-й, 415-й и 416-й статей устава уголовного судопроизводства предполагалось избрать мерой пресечения против А. П. Юрьяна надзор полиции; однако, с.-петербургская судебная палата нашла нужным избрать против него мерой пресечения заключение под стражу.

VI.

Четвертое дело редактора газеты «Петербургас Атбалсис» Августа Петровича Юрьяна.

I.

Четвертое дело А. П. Юрьяна возникло по следующему поводу.

В № 12 газеты «Peterburgas Atbalsis» от 9-го мая, 1906 г. была напечатана статья под заглавием: «Пролетариат и его конечные цели».

Описывая в этой статье тяжелое положение угнетенного рабочего на фабрике и жестокое отношение к нему эксплоататора-капиталиста, автор путем сопоставления фактов и цифровых данных показывает, каким незначительным заработком пользуется эксплоатируемый рабочий и какую непомерную прибыль извлекает из его труда капиталист-фабрикант.

Задавая вопрос: каким путем может пролетариат освободиться от гнета рабства, — автор отвечает, что единственным средством покончить с порабощением и эксплоатацией пролетариата является политический, а затем и социальный переворот. Для достижения этой цели прежде всего необходимо, чтобы рабочий класс осознал себя и стал крупною силой, об'единившись под знаменем социал-демократической рабочей партии.

Уничтожив все препятствия к такому об'единению и захватив в свои руки, путем революционного переворота, всю полноту политической власти, рабочий класс свергнет самодержавие и учредит на его место самодержавие народа.

Статья эта возбуждает к бунтовщическому деянию и к ниспровержению существующего в Российском государстве общественного строя.

II.

В №№ 13, 14, 15 и 16-м той же газеты от 12, 16, 19 и 20-го мая 1906 года была напечатана статья под заглавием: «Постановления и резолюции об'единенного с'езда российской социал-демократической рабочей партии».

В статье этой автор указывает на то, что для расширения и углубления русла революционного движения в России, путем использования многочисленных конлифктов, возникающих между правительством и государственной думой, представляется необходимой следующая тактика:

1) стремиться увеличить и обострить эти конфликты до пределов, дающих возможность сделать их исходным пунктом для широких массовых движений;

2) стараться в каждом отдельном случае связать политические задачи революционного движения с социально-экономическими требованиями рабочей и крестьянской массы;

3) путем широкой агитации среди народных масс за пред'явление государственной думе революционных требований, оказывать всемерно давление на государственную думу в целях сделать ее более революционной и затем вселить в широкие массы крестьянства и городского мещанства сознание полной непригодности государственной думы, как представительного учреждения, и необходимости немедленного созыва всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и одновременного восстания пролетариата;

4) в аграрном вопросе способствовать всемерно активному участию широких крестьянских масс в революционном движении и добиваться:

а) отказа от платежа всех повинностей;

б) самовольной отмены всего крестьянского строя;

в) насильственного захвата земель церковных, монастырских, удельных, кабинетских и частновладельческих и

г) передачи их во владение демократического государства.

Статья эта возбуждает к учинению бунтовщического деяния и к неповиновению закону.

На основании изложенного А. П. Юрьян обвиняется: во-первых— в том, что напечатал в № 12 редактируемой им газеты от 9-го мая 1906 г. статью под заглавием: «Пролетариат и его конечные цели», содержащую в себе заведомо для него, Юрьяна, призыв к учинению бунтовщического деяния и насильственного ниспровержения существующего в России государственного и общественного строя;

во-вторых, в том, что напечатал в № 13, 14, 15 и 16 той же газеты от 12, 16, 19 и 20 мая 1906 года, статью под заглавием: «Постановления и резолюции об'единенного с'езда российской социал-демократической рабочей партии», содержащую в себе заведомо для него, Юрьяна, призыв к насильственному ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя.

Первое из означенных преступлений предусмотрено пунктами 1-м и 2-м, части I, статьи 129-й уголовного уложения, а второе преступление предусмотрено пунктами 1-м и 3-м, части I, ст. 129-й уголовного уложения.

Вследствие сего и на основании 2-го пункта 1032 и 205 статей Август Петрович Юрьян подлежит суду с.-петербургской судебной палаты с участием сословных представителей».

Все четыре означенных дела, возбужденных против А. П. Юрьяна, представляют, в сущности, одно дело, искусственно расчлененное судебной палатой на четыре самостоятельных эпизода. Все эти четыре дела слушались вместе в заседании с.-петербургской судебной палаты 4-го мая 1907 года под председательством старшего председателя с.-петербургской палаты Н. С. Крашенинникова.

Трудность задачи моей, как защитника А. П. Юрьяна, заключалась в том, что он сам признал факт редактирования всех инкриминируемых ему номеров газеты «Peterburgas Atbalsis» и сделал тем самым невозможным для меня применение так называемого «формального метода защиты», заключающегося в оспаривании самого факта редактирования подсудимым инкриминируемых ему статей.

При таких условиях мне пришлось перенести центр тяжести защиты Юрьяна в плоскость юридического анализа содержания инкриминируемых ему статей, т.-е. доказывать, что в статьях этих нет так называемого «состава преступления» или тех признаков, из совокупности коих слагается понятие о преступлении.

Следуя этому методу защиты, мне удалось убедить судебную палату в отсутствии состава преступления лишь в четырех статьях: за подписью: «Memento mori», «Тоже конгресс», «Хаос» и «Новая нагорная проповедь».

По всем этим статьям А. П. Юрьян был оправдан судебной палатой за отсутствием состава преступления.

Вот заключительная часть приговора судебной палаты по всем четырем делам А. П. Юрьяна:

...Особое Присутствие, с участием сословных представителей, определяет: крестьянина Лифляндской губернии, Венденского уезда, Эргельской волости Августа Петрова Юрьяна, 31 года, на основании п. п. 1, 2 и 3 ч. 1, ст. 129 Угол. Улож., п. «в» ст. 5 Отд. VIII правил 24 ноября 1905 г. и ст. 60 Угол. Улож., заключить в крепость на 2 года, с заменою этого наказания, в случае надобности, по закону 22 ноября 1906 года; того же подсудимого по обвинению в деяниях, предусмотренных в п. «в» ст. 5 Отд. VIII правил 24 ноября 1905 года (по статье «Memento mori») п. 1 ч. I, ст. 129 Угол. Улож. (по статье «Тоже конгресс» и «Хаос») и ст. 73 Угол. Улож. (по статье «Новая нагорная проповедь»), признать по суду оправданным, за отсутствием состава преступления. Издание газеты «Peterburgas Atbalsis» запретить навсегда. Арестованные номера этой газеты и брошюры—уничтожить. Судебные издержки возложить на осужденного, а при его несостоятельности, принять на счет казны».

Еще больше усердия проявили в гонении на латышскую печать прибалтийские военные и административные власти: аресты редакторов, конфискация газет и журналов, непомерно крупные штрафы и выговоры редакторам стали сыпаться на латышских литераторов и политических борцов, как из рога изобилия.

В Либаве по распоряжению военного генерал-губернатора от 29-го мая 1905 г. были приостановлены и конфискованы латышские газеты Atbalsis» за напечатание в № 9 корреспонденции под заглавием «Из имения Умурга», при чем редактор этой газеты тов. Апсит был привлечен к уголовной ответственности по 103 ст. Угол. Улож.; по распоряжению Прибалтийского генерал-губернатора в июне 1906 г. было предписано местным властям принять строжайшие меры против латышских газет, в виду систематического появления в них «указаний имен лиц, неугодных радикальным кружкам и подлежащих терроризованию»; в Петербурге, Риге, Митаве и Либаве с калейдоскопической быстротой закры-

вались и конфисковались латышские газеты и журналы; редакторы этих изданий неоднократно привлекались к угловной ответственности по распоряжению главного управления по делам печати.

В этом систематическом удушении латышской печати правительство проводило с большой последовательностью своего рода «экономическую политику»: не довольствуясь высылкой и арестом редакторов латышских газет, правительство жестоко било их по карману, разоряя издательства наложением непомерно крупных штрафов и конфискацией всего издательского аппарата.

Такое систематическое издевательство царского правительства над латышской прессой вызвало протест со стороны не только широких латышских общественных кругов (см. «Петицию латышей» — в приложении к настоящему очерку), но и «Союза российских писателей и журналистов», происходившего в Петербурге с 5-го по 8-ое апреля 1905 года.

В резолюции этого союза, об'единившего в своих рядах 140 писателей и в том числе—110 представителей газетных и журнальных редакций и литературных организаций (не считая 30 представителей литературных группировок), мы находим следующие строки по адресу «инородческой» и в том числе латышской печати:

«Признавая полную гражданскую и политическую равноправность всех народностей, входящих в состав российского государства, и право каждой из них на самостоятельное, национально-культурное самоопределение, с'езд находит необходимым, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основным законом государства, и чтобы отдельным народностям была предоставлена возможность создания учреждений, осуществляющих их право на свободное национально-культурное развитие....

...Необходимыми предварительными условиями созыва народных представителей союз писателей считает немедленное обеспечение свободы устного и печатного слова, собраний и союзов, установления неприкосновенности личности и жилища и амнистию всем несущим наказания за так называемые «политические и религиозные преступления».

Союз писателей находит, что за отдельными народностями, заселяющими определенные части государственной территории, должно быть признано право на автономию на основаниях, устанавливаемых особым для каждой области органическим статутом... Союз писателей считает необходимым вести настойчивую агитацию в пользу немедленного созыва учредительного собрания, пользуясь для такой агитации печатью...».

Аналогичные резолюции с протестом против удушения «инородческой» и в частности—латышской печати были внесены в ту пору многочисленными литературными и общественными организациями.

Как зорко следило недреманное око царского правительства за распространением крамольной латышской печати,—об этом свидетельствует следующий курьез, о котором упоминается в отчете сенатора Кузьминского, откомандированного правительством на Кавказ для обследования причин революционного движения: во время производства обыска в городе Баку, в квартире шемаховского жителя Мира Гассана Мовсумова была найдена прокламация и рукописные заметки на татарском языке о событиях в Прибалтийском крае, послужившие основанием для привлечения бедного татарина к уголовной ответственности! Правительство, как оказывается, боялось сообще-

ний о латышской революции не только на латышском и русском языках, но даже—horribile dictu—на татарском языке: у газетчиков отбиралась подписка с обязательством не продавать крамольных латышских газет; за перепечатку из латышских газет сведений о революции в Прибалтийском крае был привлечен к ответственности целый ряд русских газет.

В Риге, по распоряжению военного генерал-губернатора, был устроен особый «фильтр» для латышской прессы в виде специального «газетного стола», который снабжал периодические издания информацией о деятельности генерал-губернатора.

Можно себе представить. какова была цена этой «информации», если за неиспользование ее и сообщение других сведений—в другом освещении—редакции латышских газет подвергались суровой административной каре и уголовной ответственности!..

До какой степени был невыносим для «инородческой» печати гнет цензуры, свидетельствует хотя бы следующий поучительный для историка революционной печати факт, небывалый даже в условиях русской действительности: редакция одной «инородческой» газеты обратилась к своим подписчикам с заявлением, что «будет очень благодарна лицам, которые решат привлечь ее к судебной ответственности (за неаккуратные выпуски номеров газеты С. Г.), так как только путем суда может быть выяснено, сколько сил и средств по независящим от редакции обстоятельствам погибает совершенно непроизводительно при самом умеренном и осторожном выборе материала из провинциальных, т.-е. подцензурных газет. Читатели несут ущерб, но еще больший ущерб,—материальный и моральный—несет сама редакция, лишенная всякой возможности добросовестно исполнять свои обязательства перед читателями».

Для характеристики «свободы печати», в 1905 году уместно отметить, что неожиданные помарки цензора уже после сверстки номера вынуждали редакции газет, во избежание переверстки, заполнять образовавшиеся в тексте пробелы всевозможными об'явлениями, рисунками и карикатурами, напечатанными, как говорится, «на затычку». Газеты и журналы того времени были переполнены такого рода «цензурными пробками», заполнявшими следы цензорских вивисекций.

Судебные и административные власти жестоко преследовали латышскую печать, сознавая ее огромную политическую роль и действенное влияние па общественное мнение Прибалтийского края.

И, действительно, ни в одной «окраине» царской России, периодическая печать не сыграла такой крупной революционной роли как в Латвии: задыхаясь в тисках цензуры и кошмарных репрессий военного положения, латышская печать мужественно и стойко проводила в сознание широких масс латышского народа революционные лозунги, неустанно призывая к активной борьбе с царизмом.

Латышская печать—и в этом ее крупная заслуга— выковала революционные идеалы и волю латышского народа.

Нельзя не отметить также идейного сродства между латышской и русской прессой: откликаясь на нужды латышского народа, воспитывая его политическую мысль, латышская печать была в то же время выразительницей и поборницей революционных идеалов и лучших заветов русской общественности.

С судьбами русской революционной идеологии ее связывали давнишние родственные связи — общие страдания и упования.

Будущий историк русской печати воздаст заслуженную дань признательности независимой латышской прессе и отметит ту крупную роль, которую она сыграла в судьбах не только латышской. но и русской революции.

И если, по словам И. Янсона, до мировой бойни «латыши для широкой русской публики существовали только, как «этнографическое понятие», то для истории судеб русской революции независимая латышская печать *) была и останется стойким борцом за революционные лозунги.

---

*) От издательства.

Автор имеет в виду, очевидно, во-первых, рабочую и, во-вторых, радикально-демократическую и либеральную печать. Последняя поступательным движением пролетариата действительно была увлечена на много левее своего естественного классового пути. Про реакционную печать (пасторская газета «Вецас Латвешу Авизес»—орган Ф. Вейнберга «Ригас Авизес»)—сказать этого нельзя.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Хроника революционного движения в Прибалтийском крае за 1905 год.

Предлагаемая хроника революционного движения в Прибалтийском крае за 1905 год составлена на основании официальных документов, сохранившихся в моем архиве (правительственные сообщения, телеграммы и сообщения официозных газет, отчеты, протоколы судебных процессов и т. п.).

Хроника эта рисует картину постепенного наростания революционной волны, захлестнувшей весь Прибалтийский край в 1905 году.

По этой хронике читатель может проследить последовательные этапы рабочего движения и процесс зарождения январских событий в Прибалтийском крае.

В частности—будущий историк революции Прибалтийского края найдет в этой хронике отголоски «кровавого воскресения»—9-го января 1905 года.

Вся Латвия, глубоко потрясенная зверским расстрелом безоружных рабочих на площади зимнего дворца, с удивительным единодушием выразила энергичный протест против гнусной провокации царских палачей и расплатилась за нее своей кровью.

Как увидит читатель из прилагаемой хроники—кровь рабочих, расстрелянных царскими опричниками, проливалась в январе 1905 года не только в Петербурге, но и во всей Прибалтике.

В этом смысле предлагаемая хроника революционного движения 1905 года, быть может, сослужит добрую службу историку революционного движения в Латвии—как язык правдивых «человеческих документов», проливающих яркий свет на один из самых драматических эпизодов в истории революционной борьбы Латвии, отданной на потоп и разгромление военным карательным экспедициям.

С. Г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛАТЫШСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЗА 1905 ГОД.

От департамента полиции.

Общественное движение среди латышей Прибалтийского края, особенно усилившееся в последней четверти прошлого столетия, до настоящего времени имело почти исключительно экономический характер и ограничивалось стремлением к приобретению латышским населением прав в области местного самоуправления.

Начиная, однако, с 1900 года в этой мирной борьбе стала открыто принимать участие возникшая в 80-ых годах «Латышская социал-демократическая партия», рядом с которой, хотя и независимо от нее, выступила со своею вредною деятельностью социально-революционная организация, присвоившая себе наименование «Латышский рабочий союз».

Под влиянием усиленной агитации, ведшейся представителями вышеупомянутых партийных группировок среди как городского, так и сельского населения, общественное движение в Прибалтийском крае стало в последнее время приобретать во многих случаях резко революционный и зачастую открыто анархический характер и, утратив значение нормального общественного явления, превратилось в безудержное разрушение всех устоев общественной и государственной жизни, сопряженное с полным презрением к религии, к человеческой жизни, частной собственности.

Даже свобода личности, провозглашаемая в качестве конечной цели всех революционных стремлений, на практике не признается руководителями этого движения, так как успех столь разрушительной деятельности, влекущий за собою разорение и упадок благосостояния всего края, об'ясняется в значительной степени систематической терроризацией агитаторами большинства местного населения.

В то-же время при помощи прокламаций, нелегальных изданий и даже издававшейся до последнего времени в Петербурге на латышском языке «Peterburgas Awises», среди этого большинства населения ведется усиленная противоправительственная агитация, чем и поддерживается пассивное отношение народа к чинимым на его глазах беззакониям революционеров.

С особенной интенсивностью стало проявляться это движение с первых месяцев нынешнего года (1905 г.).

Сначала оно выразилось в целом ряде забастовок, то возникавших, то прекращавшихся в течение трех месяцев на фабриках и заводах, в железнодорожных мастерских, среди портовых рабочих города Риги, Валка, Либавы, Митавы и Виндавы.

Требования, пред'являвшиеся стачечниками владельцам частных заводов и администрации казенных учреждений, получали частное удовлетворение, но такая уступчивость не препятствовала возобновлению стачек, которые иногда возникали даже без пред'явления фабрикантам каких-либо определенных требований со стороны рабочих. Забастовки, возобновлявшиеся с особенным постоянством на фабриках и заводах, исполнявших казенные заказы для нужд флота и армии, как-то: механи-

ческих, вагоно- и судостроительных и др., сопровождались беспорядками на улицах и целым рядом демонстраций революционного характера. Так, например, 6 марта около Риги в предместьи Линдерну, собралась сходка, примерно, в 2.000 человек: при приближении казаков, вызванных для рассеяния толпы, из нее были произведены выстрелы, а затем большинство собравшихся разбежалось; часть же демонстрантов засела в домах отстреливаясь от казаков, пока последние, проникши в дома, не арестовали около 80 человек.

Какими приемами составлялись сборища для противоправительственных демонстраций, обнаруживается из жалобы, присланной местным обывателем на имя министра внутренних дел, и в которой сообщается, что «безобразники насильно включают в свою среду прохожих на улице».

«Толпа анархистов»,—говорится в жалобе—«схватила моего сына, тринадцатилетнего мальчика, возвращавшегося из школы с ранцем за спиной; его втиснули, вместе с другими прохожими, в середину толпы, а сами агитаторы шли по сторонам, об'ясняя протестующим против такого насилия, что войска не станут стрелять, если увидят в толпе детей; между тем, демонстрация произведет на властей тем большее впечатление, чем значительнее будет народная толпа. С револьвером в руках составляют они сборища и удерживают их на улице в течение часа и более».

По словам жалобщика, агитаторы, лишив рабочих, вследствие об'явленной стачки, последнего куска насущного хлеба, предлагают им идти записаться в особую контору, где выплачивают ежедневно по 5 рублей мужчине и по 3 рубля женщине, но «требуют за это беспрекословного повиновения всем приказаниям, исходящим от комитета, угрожая ослушникам смертью».

Покушения на жизнь должностных лиц, в особенности—служащих по полицейской части,—и на частных лиц, — фабрикантов, мастеров и простых рабочих, не желающих примкнуть к забастовщикам, а также поджоги входят в систему.

За последние 3—4 месяца на улицах городов Лифляндской и Курляндской губерний произошло 4 случая убийства должностных лиц, 4 нападения на частных лиц, кончившихся в двух случаях смертью, и шесть покушений на жизнь полицейских чинов, три нападения на казачий патруль, при чем злоумышленники для осуществления своего замысла пользовались два раза разрывными снарядами, но в одном случае бомба не разорвалась. 2-го мая в Риге, бомбой, брошенной в полицейский наряд, был убит городовой, тяжело ранен околоточный надзиратель и убит из револьвера другой городовой.

Обращает на себя также внимание попытка поджога, учиненного в Риге 23-го марта, на чердаке зарядного отделения пистонного и патронного завода. Пожар вспыхнул одновременно в четырех местах, и, в случае распространения огня, близость большого количества взрывчатых веществ грозила заводу полным разрушением. К счастью, огонь был замечен заводскими служащими при первом возникновении пожара и своевременно потушен. Поджигатель был обнаружен и задержан, и при обыске, произведенном у него на квартире, найдены документы, свидетельствующие о принадлежности его к преступному сообществу.

Преступное движение, постепенно расширяясь, перешло от городов и в сельские местности различных уездов Лифляндской и Курляндской губерний. И здесь его проявления отмечены были теми-же признаками анархистского характера, что и в городах, сопровождаясь убийствами должностных и частных лиц, не прекращающимися поджогами, нападением буйствующих вооруженных шаек на усадьбы, террори-

зацией мирного населения, вполне обезволенного и находящегося во власти агитаторов, неоднократными покушениями на крушение поездов и порчу железнодорожного пути, наконец,—систематическим разрушением телеграфа и телефонного сообщения по линиям железных дорог и между помещичьими усадьбами.

В течение марта месяца беспорядки еще не имели массового характера, проявляясь в немногих пунктах Лифляндской губернии, а также в Гробинском и Газенпотском уездах, Курляндской губернии. Движение было вызвано появлением среди мызных рабочих и мелких земельных арендаторов неизвестных в данной местности агитаторов, которые, при содействии местных подстрекателей, стали побуждать недовольных среди рабочего населения требовать от помещиков увеличения заработной платы, сокращения числа рабочих часов и уменьшения вносимой за землю аренды.

Несмотря на часто тяжелое положение безземельных батраков в Прибалтийских губерниях, имеются основания полагать, что эти требования были неоднократно одним лишь предлогом для возбуждения агитаторами местного рабочего населения. Так, например, в некоторых имениях батраки требовали у помещиков прибавки к жалованью в размере 10 рублей в месяц, а затем пожелали добавления еще по 5 рублей в месяц, для передачи, по их словам, в «комитет социалистов».

В конце концов, батраки заявили, что условная прибавка должна быть ими получена не постепенно, в течение ряда месяцев, а сразу,—в виде единовременной выдачи.

Под руководством выше упомянутых посторонних лиц мызные батраки стали нападать на имения, при чем нападения сопровождались разгромом и поджогом усадебных строений и порубками в помещичьих лесах.

В Лифляндской губернии, в имении барона Нолькена дом помещика был частью разгромлен, а квартира управляющего имением подожжена; в Ньюгенской волости, а также в имении Лугден разгромлена была винная лавка; в Гроздонской волости вынесены из школы и изрезаны на части портреты государя императора; в имении Тадбдзер тоже разгромлена была винная лавка и разбрасывались прокламации, призывавшие население к сопротивлению властям, к отказу от явки к призыву, на случай мобилизации, и к поголовному восстанию против помещиков.

В имении Толама батраки, вследствие отказа помещика удовлетворить пред'явленные к нему требования, избили его, разгромив его дом, подожгли корчму, разграбили винную лавку, ранив при этом урядника, и сожгли лесопильный завод.

В имении Мойзекац, куда, по случаю беспорядков, послана была воинская часть, батраки стреляли в солдат, и ответным залпом было ранено трое рабочих.

Требования об улучшении быта пред'явлены были в общем в семи имениях, при чем буйствующие насильно гоняли батраков, не желавших прекратить работ.

В то-же время начались беспорядки и в сельских местностях Курляндской губернии, где в Гробинском уезде, в трех волостях, были волнения среди мызных рабочих, при чем сделаны были выстрелы в помощника уездного начальника и урядника. В Газенпотском уезде тоже обнаружилось брожение среди рабочих и совершен крупный поджог. В оба уезда командированы были воинские части.

Весною, начиная с апреля месяца, с наступлением более теплой погоды и полевых работ, революционное движение в сельских местностях стало еще более развиваться. В Лифляндской губернии оно проявилось

с особенной силой в Венденском уезде,—в Курляндской—в Газенпотском. За этот месяц зарегистрировано более шести поджогов помещичьих усадеб, разрушение корчем, шесть случаев разрушения телеграфных линий и телефонных сообщений, один случай остановки поезда.

В Венденском уезде было покушение на жизнь барона Лаудона, в Курляндской губернии—на жизнь барона Бера-Титтель-Мюнде. В Риге, во время уличных беспорядков, был тяжело ранен околоточный надзиратель; там-же через неделю был убит городовой на посту; убит был также старший мастер одной из фабрик. В Митаве совершено было убийство городового, сожжена квартира ад'ютанта губернского жандармского управления. В Либаве было три крупных поджога хлебных амбаров.

В этом месте положен был почин новому проявлению революционной деятельности. Демонстрации стали совершаться в лютеранских церквах, во время богослужения и по его окончании, при чем религиозное чувство молящихся грубо оскорблялось и пасторы подвергались всяческим насилиям. Первая подобная демонстрация имела место в Венденском уезде, в Роненбургской церкви и произошла в воскресенье 17-го апреля.

Во время богослужения в 12 часов дня около двадцати неизвестных в данной местности лиц, во время произнесения пастором молитвы за государя императора, нарушили благочиние возмутительными криками.

В то же воскресение в Сатенской лютеранской церкви, Курляндской губернии, неизвестными велосипедистами, во время богослужения были брошены бомбы с зловонным составом.

В мае и июне месяцах подобные демонстрации стали повторяться почти каждое воскресенье и происходили по всему протяжению Венденского и Рижского уездов, Лифляндской губернии. В воскресенье 1-го мая устроена была революционная демонстрация в Берзоненской церкви Олая Рижского уезда, при чем пастор избит был толпою. 8-го мая в воскресенье, в Фетельнской церкви, Венденского уезда, выпущен был голубь с красной лентой на шее и с надписью «долой пасторов». Попытка прекратить богослужение окончилась неудачей, благодаря увещанию пастора.

То же самое проделано было и в Фестенской церкви; в Лоздоунской церкви, в то-же воскресенье, взошел на кафедру и попытался столкнуть с нее пастора какой-то неизвестный человек. Затем трое других неизвестных схватили пастора за плечи, перетянули его через перила и вынесли из церкви. Здесь его хотели принудить нести красный флаг и, в ответ на отказ исполнить такое приказание, повалили на землю, в лужу, били кулаками, палками, ногами и затем, схватив пастора за ноги, тащили его в таком положении несколько времени, идя в процессии с красными флагами. Местные жители приписывают руководящую роль в этой возмутительной демонстрации одному студенту рижского политехнического института, брожение-же среди местных сельских рабочих об'ясняют агитацией, ведущихся среди них тремя студентами из крестьян.

15-го мая в Добленском уезде, Курляндской губернии, во дворе имения Гросс-Вюрцау убит был тремя неизвестными, из которых двое были в серых костюмах велосипедистов, а один в черном пиджаке, полицейский урядник, намеревавшийся отправиться в церковь для охраны порядка.

26-го мая, в праздник, были беспорядки в церквах имений Калценау и Сервен, Венденского уезда.

В воскресенье 29-го мая в Венденском уезде опять произведено было насилие над пастором. На этот раз агитаторы избрали местом демонстрации Линден-Фестенскую церковь, где, по окончании богослу-

жения, затянули песню; «Проснитесь, рабочие люди»! и хотели заставить пастора нести красный и черные флаги. Получив отказ исполнить это требование, злоумышленники повалили пастора на землю, нанося ему удары палками и кулаками, затем, подняв его на ноги,—заткнули флаг за воротник тала (пасторского облачения) и повели пастора в процессии на кладбище на могилу одного рабочего, убитого во время беспорядков, и заставляли пастора отказаться от слов осуждения, высказанного им революционному движению во время похорон этого рабочего. Затем тут-же, на кладбище, лица, арендующие у пастора землю, потребовали у него уменьшения арендной платы.

В этот же день, в Роненбурге, буйствовавшая перед лютеранской церковью толпа, была рассеяна казаками.

В мае месяце, в Лифляндской губернии, кроме произведенных в Риге покушений на казаков и полицейских служителей, продолжались революционные демонстрации в имениях и поджоги помещичьих усадеб, при чем в дома помещиков бросали бомбы с вонючим составом.

В имении Фридрихсгоф разрушены были водопровод и шлюзы и произведены были две попытки крушения поезда.

17-го мая произведено было нападение на конвой с арестантами, которые были отбиты, при чем двое солдат получили поранения.

18-го мая, в Прауленском лесу из засады ранены были два солдата воинского патруля. Там-же, в Венденском уезде, злоумышленники тяжело ранили помещика-барона Вольфа, проезжавшего в сопровождении жены в свое имение.

В Курляндской губернии, за май месяц, тоже были поджоги усадеб; произведены были попытки крушения поезда и разрушения телеграфа.

В городах Митаве и Либаве происходили демонстрации, сопровождавшиеся убийствами и нападениями на полицейских чинов.

1-го мая злоумышленники произвели целый ряд выстрелов в окна квартиры одного рабочего, подозревавшегося ими в сношении с полицией, при чем пострадали его сестры: восьмилетняя девочка ранена была в живот, а двухлетняя малютка—в голову.

1-го июня лютеранская консистория, в виду целого ряда происходивших в течение месяца случаев осквернения церквей, распорядилась о закрытии их в имениях Кальценау, Веттелен и Фестен. Однако. это не удержало революционеров от дальнейшего устройства в церквах целого ряда демонстраций, оскорблявших религиозные чувства верующих.

5-го июня, в первое-же затем воскресение, беспорядки произошли одновременно во многих церквах Рижского и Венденского уездов, Лифляндской губернии, и Митаво-бауского, Газенпотского и Фридрихштатского уездов, Курляндской губернии. В Ашераденской лютеранской церкви, Рижского уезда, во время произнесения пастором молитвы за государя императора, толпа демонстрантов подняла шум, выкинула красные флаги. Выйдя затем из церкви, демонстранты, образовав толпу, стали произносить речи и петь революционные песни.

В Нитауской лютеранской церкви демонстранты заставили пастора покинуть церковь и стали затем произносить речи и петь революционного характера песни. Затем вся толпа направилась с красным флагом к дому пастора, где, произнеся речь преступного содержания, вручила ему воззвание. Демонстранты проследовали далее в имение графа Стенбок-Фермора, где, остановившись перед домом управляющего, потребовали выезда его из имения, дав на это две недели сроку. Толпа явилась и к владельцу имения. Получив от графа отказ исполнить пред'явленные ими требования, демонстранты разошлись по домам.

В духов день, в Сиссегальской лютеранской церкви богослужение тоже было нарушено шумом во время произнесения пастором молитвы за государя императора.

5 июня в Венденском уезде, около Лубанской лютеранской церкви собралась толпа в 3.000 человек, которая заставила пастора прекратить богослужение, и затем уничтожила в волостных правлениях и школах портреты его величества. Пастор, волостные власти и полицейский урядник подвергнуты были истязаниям, после чего их принудили взять в руки красные флаги и нести их перед толпою.

Такими же возмутительными демонстрациями в церквах ознаменовался этот день и в Курляндской губернии, где произошли беспорядки в Зальгаленской и Грюнгофской церквах Митаво-бауского уезда, Сетценской — Фридрихштатского. В Грюнгофской церкви в числе 500 молящихся оказалось человек 20 демонстрантов, приезжих, которых никто из присутствовавших не знал в лицо. Один из них угрожал пастору револьвером, а трое других, взойдя на кафедру, ударили пастора кулаком по голове и изорвали на нем облачение.

В Сетценской церкви, Фридрихштатского уезда, злоумышленникам не удалось устроить демонстрации, так как за оскорбленного пастора заступился его сын — студент, к которому присоединились и прихожане. Агитаторы, отстреливаясь, спаслись бегством, но сопровождавшая их женщина, толкнувшая церковного органиста, была настигнута и задержана и оказалась бывшей народной учительницей в соседнем Венденском уезде, Лифляндской губернии, 20-ти лет. В карманах арестованной найдено шесть боевых патронов.

В виду того, что 2-го июня на фабриках Либавы началась почти общая забастовка и было замечено, что рабочие, покидая город, направлялись в его окрестности, есть основание полагать, что беспорядки в церквах учинены были городскими рабочими по поручению революционного комитета.

1-го июня, в Либаве, во время преподавания конфирмующимся закона божия, в молитвенный дом вошли шесть каких-то неизвестных лиц, из которых трое, с шляпами на голове, встали у алтаря рядом с пастором, и начали громко читать кощунственно переложенную молитву. Когда же пастор попросил их удалиться, злоумышленники нанесли ему ножами тяжелое поранение в голову и спину и затем скрылись, не будучи узнанными.

11-го июня, по распоряжению лютеранской консистории, закрыта была церковь в Грингофе. Бесчинства в других церквах, однако, продолжались.

В следующее-же воскресенье, 12-го июня, в упомянутой выше Лаздаунской церкви, Венденского уезда, подвергся истязанию другой пастор.

14-го произведено было покушение на жизнь церковного старосты.

16-го происходили беспорядки в церквах имений Литин и Штомерзе.

17-го было разрушено Лаздоунское кладбище.

В результате всех этих бесчинств лютеранская консистория вынуждена была закрыть церкви приходов Венденского и Верцеу.

Прихожане неоднократно пытались защищать своих пасторов, но, не имея оружия, не в силах были бороться с вооруженными агитаторами, руководившими толпой. Во время одной из таких попыток был убит выстрелом из револьвера 3-го июня, в Крон-Сесанской церкви, Ми-

таво-бausского округа, барон Александр Бистром и ранен предводитель дворянства, барон Ган.

В течение июня в Либаве брошена была в казачий патруль бомба, не разорвавшаяся; там же произведено было покушение на городового.

15-го июня в Венденском уезде, Лифляндской губернии в Прауленском лесу устроена была засада, в которую попал казачий раз'езд, потеряв при этом офицера убитым и казачьего урядника раненым, а также трех лошадей.

На другой день 16-го июня, в Вальмарском уезде на ярмарке Лидерн, убит был неизвестным злоумышленником местный полицейский урядник, а через день другой урядник найден был убитым на дороге в Венден—в Роненбурге.

22-го июня в Риге задержан был таможенными чинами человек, переносивший с германского парохода транспорт революционных изданий. Когда арестованного, в сопровождении жандарма и стражника, отвозили в закрытом экипаже в тюрьму, — трое неизвестных лиц стали стрелять из револьверов и тяжело ранили арестованного и стражника.

В конце июня и в июле месяце революционное движение в сельских местностях Лифляндской и Курляндской губерний стало особенно усиливаться и к концу последнего месяца получило положительно угрожающий характер.

23-го июня начались беспорядки в Дондангене,—имении барона Остен-Сакена, расположенном в Виндавском уезде, Курляндской губернии, с населением в 25.000 человек. После демонстрации, произведенной вооруженными агитаторами в подмызке Шлихтергоф и длившейся более часа, при чем произнесены были речи с призывом к населению к всеобщей забастовке и к поголовному вооружению, бродячие шайки злоумышленников обезоружили лесных сторожей, охранявших имение и подмызки, заставили присоединиться к шайкам сельское население и снабжали крестьян оружием, которого, повидимому, имели большие запасы. В Дондангене совершены были крупные поджоги, при чем сгорело до десяти десятин строевого леса.

Выехавший туда, для водворения порядка и расследования дела о поджоге, помощник уездного начальника Шмидт убит был в пути выстрелом из ружья.

Беспорядки получили вообще затяжной характер: длились несколько дней и затем прекратились, чтобы через некоторое время опять возобновиться.

Дерзость злоумышленников доходила до того, что 25-го июня, в 12 часов ночи, они явились в усадьбу Вигреж, требуя, чтобы гостивший там поручик присоединился к их шайке, и угрожая его расстрелять в случае неисполнения их требования. Офицеру, однако, удалось скрыться от толпы.

26-го июня эти шайки бродяг обезоружили трех живших по соседству друг от друга лесничих в Гробинском уезде, и в тот-же день, пришедшийся на воскресенье, произвели беспорядки в Петергофской церкви, Митавского уезда.

В первой половине июля совершено было несколько убийств и покушений на должностных лиц.

Кроме барона Александра Бистрома убит был 9-го июля из засады близ Дурбена, Гробинского уезда, фон-Бреверн, комиссар по крестьянским делам Либавского уезда.

В ночь на 17-ое июня там-же, в Гробинском уезде был убит в своем имении «Меженек», помещик барон Адольф Бистром. Бродячие шайки, совершавшие это гнусное дело, кроме того, разгромили по пути следо-

вания три имения, и в одном из них жестоко избили управляющего имением, найденного ими в постели; когда-же собственник имения, фон Шредерс, вместе с женой и сыном, вооруженные револьверами, кинулись на выручку управляющего, толпа разбежалась в разные стороны.

2-го июля в Митаве, злоумышленники, стреляя из-за забора лесопильного завода, покушались, но без успеха, на жизнь барона Ливена. прикомандированного к Фридрихштадскому уездному полицейскому управлению.

В тот же день в 6-ти верстах от города Якобштадта, в лесу, урядник Фридрихштадского уезда, Бруненек, получил до того сильный удар камнем в голову, что выпал из седла.

14-го июля, в Либаве, ранен был околоточный надзиратель, а на следующий день, — 15-го июля, ранен помощник Гроссесавского волостного старшины.

12 июля вспыхнуло с особенной интенсивностью движение в Рижском уезде, Лифляндской губернии, возникшее сначала в восьми имениях, близ станции Ремерсгоф и затем, 13-го, 14-го, 15-го и 16-го июня распространившееся на четырнадцать имений, расположенных около станции Кокенгузен, Рингмунсдорф и Зегевольд. Предварительно шайки злоумышленников постарались изолировать имения одно от другого, уничтожив между ними телефонное сообщение. Беспорядки начались под влиянием агитации лиц, прибывших из Риги на велосипедах. Сначала толпа демонстрантов отправилась с красным флагом в имение Адеркас, где вскоре к ним присоединились как мызные батраки, так и мелкие арендаторы усадеб. Образовавшаяся из этих элементов буйствующая толпа направилась к волостному дому, из которого вынесла портреты их императорских величеств и прострелила их из ружья. Затем толпа двинулась в имение Таурун, где к ней тоже присоединились мызные рабочие; управляющему имением нанесены были побои, окна его квартиры были разбиты.

13-го и 14-го июля беспорядки перешли в имение Кейнен, Эссенгоф, Ватран, Сиссегаль и Задзен. Из Леласского волостного дома также были вынесены и прострелены насквозь царские портреты.

15-го июля толпа явилась в имение Альтенвога и принялась за свое дело разрушения, но услышав о приближении вооруженных семи сыновей окрестных помещиков, сейчас-же разбежались в разные стороны.

В тот-же день, вечером, в имении Старо-Беверсгоф был подожжен принадлежавший барону Мейендорфу сарай с сеном, при чем поджигатели оставались на месте все время, пока сарай не сгорел. Во время пожара в соседнем лесу раздавались выстрелы и слышны были крики и пение. На топографическом маяке при имении поднят был красный флаг с революционной надписью.

16-го июля было сделано нападение на рассыльного Альтовского волостного правления, несшего в волость почту, и у него отобрана была посылка с револьвером. В тот-же день, вооруженные ружьями, револьверами и дубинами, злоумышленники явились в имение Ледемансгоф и заставили рабочих прекратить работы; затем отправившись в волостное правление, уничтожили царские портреты и мобилизационные списки.

Беспорядки распространились по всему Рижскому уезду, проявляясь с особенной силой в южной его части.

Положение дел в Венденском уезде, Лифляндской губернии, было не лучше. Местные общественные деятели сообщали от 13-го июля, что в уезде полная анархия: «власти не признаются, договоры не испол-

няются, уважение к чужой собственности как бы и не бывало. Прекращены работы по ремонту дорог, не поставляются подводы для перевозки войск. Арендные платежи не вносятся; умножаются случаи умышленного повреждения хлеба на корню; пасутся стада на клеверных полях; помещикам даются крестьянами предписания о порядке пользования собственными лесами. Шествия с красными флагами совершаются ежедневно, церкви оскверняются, священники подвергаются насилию, к зерцалам в судах относятся без уважения, портреты государя императора выставляются напоказ обезображенными. Телефоны разрушаются, сообщения конно-почтовых станций прекращены, почта не ходит и т. д., и т. д.

9-го июля в Одзенском волостном правлении, Венденского уезда, уничтожены были царские портреты, и, при криках: «Да здравствует социал-демократия!», волостного старшину и писаря заставили перед толпой нести красные флаги.

В Курляндской губернии злоумышленники с 14-го июля направили особенное усилие на прекращение телеграфного и телефонного сообщения. В этот день между центральной телефонной станцией и имением «Фридрихсберг», подпилены были два телефонных столба, которые, свалившись, порвали телефонную проволоку.

На следующий день оказалась перерезанной телефонная проволока между имениями Ирингау и Бикстен.

В ночь с 16-го на 17-ое июля на Либаво-газенпотском под'ездном пути были сломаны два телеграфных столба и перерезаны три провода: два — от правительственного телеграфа и один — телефонный—принадлежащие железной дороге. Концы этих проводов были четыре раза протянуты поперек пути и привязаны к указательному столбу дороги и к столбам находящегося вблизи пути частного имения. Несчастия с поездами и с людьми не было.

Такая же попытка испортить телеграфное и телефонное сообщение произведена была и в ночь с 17-го на 18-ое июля, на том же Либаво-газенпотском под'ездном пути.

В ночь с 24-го на 25 июля на Митавской ветви Риго-орловской железной дороги неизвестными злоумышленниками были срублены на 52-й версте двенадцать телеграфных и десять телефонных столбов, а на 67-ой версте—четыре телеграфных и восемь телефонных столбов, были разбиты 27 изоляторов и проволока разрублена; на 93-ей версте были срублены два телеграфных и один телефонный столб. Телеграфное и телефонное сообщение было окончательно прекращено.

18-го июля вновь началась забастовка батраков имения Донданген. В этот день прекратили работу батраки двух подмызков, а в остальных двенадцати подмызках и в самом Донданге стачка установилась постепенно — в течение трех дней, с 19-го по 21-ое июля, как раз в это время, когда началась жатва. На вопрос о причинах вновь возникшей забастовки, рабочие заявили, что 18-го июля, когда некоторые из них вышли в поле и стали жать рожь, из ближайшей лесной чащи раздалось два выстрела и, вслед затем, какой-то человек приказал им уйти с поля.

Возникшее затем в Курляндской губернии движение превзошло все, происшедшее до сего времени в Прибалтийском крае. Восстание среди сельских рабочих, руководимых деятелями революционных организаций, приняло угрожающие размеры, захватив собою почти весь Добленский уезд и части уездов: Митаво-баусского, Фридрихштадского, Туккумского, Гольдингенского, Виндавского, Газенпотского и Гробинского. Революционные вспышки, следовательно, проявились, в *восьми уездах из всех десяти уездов Курляндской губернии.*

Уборка хлеба местами уже прекратилась, так как вооруженные шайки повсюду сгоняют рабочих с полей, стреляют из револьверов и нападают на помещичьи усадьбы, предавая огню хлеба и хозяйственные постройки, как это случилось, например, в имении Петерфельд и в Добленском пасторате.

Особенное внимание обращается революционерами на архивы и канцелярии волостных правлений, где с большою тщательностью предаются сожжению все документы, на основании которых составляются призывные списки. Очевидная цель такого образа действий — затруднить мобилизацию и даже сделать ее, как полагают агитаторы, невозможною.

Согласно отрывочным телеграфным донесениям, 26-го июля крестьянские беспорядки охватили весь Бausский и Туккумский уезды, при чем недалеко от границы Курляндской губернии собралась шайка в несколько тысяч человек, которая произвела до шестидесяти ружейных выстрелов в казаков, но последние рассеяли толпу; толпа, однако, вскоре вновь собралась и двинулась по Риго-орловской и Виндавской железным дорогам, разрушая полотно и телеграфные столбы. В Гроссвюрцавской волости разрушена телефонная станция.

Вслед затем толпа сельских рабочих-демонстрантов разграбила в тот же день кассы и архивы Гаррозенской, Грюнгофской, Альтбергфридской, Бранденбургской и Ауфмюндской волостей, Митаво-баусского уезда, разнесла казенную винную лавку и забрала оружие в усадьбах Баусского уезда.

Затем толпа уничтожила также архивы и делопроизводства в волостях Анненбургской, Гофцумбергской, Панкельгофской и Ливенберзинской, разгромила винные лавки в Гейденфельде, Берстельне, Гросс-Элее, Анненбурге, а также в Штобеке.

Того же 26-го июля, ночью, толпа крестьян и рабочих ворвалась в Платенское, Берсгофское и Цительгофское волостные правления (Митавобаусского округа) и, выбросив оттуда дела и бумаги, а также зерцала и портреты государя императора, предала их сожжению.

В последних телеграммах из Митавы сообщалось, что попытки испортить железнодорожный путь все учащаются; производятся нападения на должностных лиц: в Нейгутской волости тяжко избит урядник, а недалеко от Митавы злоумышленниками, скрывшимися в ячменном поле, был ранен проезжавший по дороге в город судебный пристав, и затем добит, и его труп выброшен из телеги.

В трех верстах от Виндавы собралась шайка, численностью около 2000 человек; в Митаву, по приказанию агитаторов, прекращен с 4-го августа подвоз молока, и вокруг города, по всем направлениям, бродят шайки злоумышленников.

В последнее время местным властям удалось арестовать некоторых агитаторов и участников шаек, и при этом выяснилось, что большинство бунтовщиков, набираемых из бездомных батраков по одному и по два от усадьбы, не знает своих руководителей, действующих на простой народ страхом и насилием и систематически приучающих его к преступной жизни и беззакониям, посылая несовершеннолетних лиц и даже малолетних детей совершать убийства и поджоги, и тем устанавляя их солидарность с преступным движением.

6-ое августа ознаменовались в Курляндской губернии целым рядом новых преступлений. Накануне вечером, в Добленском уезде восемь неизвестных в данной местности лиц подожгли в имении Энденгофе жилой дом и убили управляющего имением. В Газенпотском уезде, в ту же ночь убиты из-за засады в лесу выехавшие для тушения вспыхнувшего в од-

ном из подмызков пожара лесничий, лесной об'ездчик и кучер; ранены управляющий имением Цирау и его писарь.

В полдень, 6-го августа, из леса при Дубеналькене, того же Газенпотского уезда, были сделаны выстрелы в барона Гротгуса и пасторов Фогеля и Герцберга.

По мнению местной администрации, это преступное движение направляется революционными деятелями, имеющими пребывание в Риге. Это мнение, повидимому, подтверждается тем фактом, что, кроме уездов Курляндской губернии, брожение проявляется также в ближайших к означенному городу в Рижском и Венденском уездах Лифляндской губернии.

В самой Риге положение тоже крайне тревожное. С 15-го июля здесь вновь началась забастовка рабочих, постепенно охватившая все фабрики, заводы, портовые сооружения и корабельных рабочих и распространившаяся также на ремесленные и торговые заведения. Стачка эта сопровождалась беспорядками, которые возникли сначала на фабриках, откуда насильно удалялись мастера и рабочие, не сочувствующие революционному движению. Затем беспорядки перешли на улицу, и, после ряда почти ежедневных демонстраций, 26-го июля происходили почти целый день и на различных пунктах города. В 11 часов утра устроена была демонстрация на Петербургском шоссе, но манифестанты были рассеяны казаками, затем, в 2 часа дня, толпа рабочих, достигавшая численности в 2—3 тысячи человек, стала громить мясную лавку Мариенфельд, но была снова разогнана казаками. Однако, в 8 часов вечера рабочие вновь собрались на том же месте и разгромили, как помещение для торговли, так и квартиру владельца лавки.

На Ревельской улице была тоже разогнана толпа, стрелявшая из револьверов в полицию и казаков. На фабрике Гольм рабочие, в числе 500 человек, выкинули красный флаг, а на фабрике Вольфшмидт рабочие напали на казаков, находившихся на фабричном дворе.

За последнюю неделю, как, впрочем, и в течение последнего полугодия, в Риге продолжались нападения на полицейских чинов, находившихся на посту.

Изложенные в сем донесении события, свидетельствующие в особенности о полной дезорганизации, внесенной революционными партиями в местную общественную и политическую жизнь Курляндской губернии, а также систематическое нарушение государственного порядка, сопровождающееся сопротивлениями против личной и имущественной безопасности проживающих там лиц, привели к об'явлению в Курляндской губернии, согласно состоявшемуся о том 6-го августа сего года высочайшему повелению, военного положения».

«ПЕТИЦИЯ ЛАТЫШЕЙ».

(Докладная записка о политическом положении Латвии).

В совет министров поступила нижеследующая петиция, подписанная более чем 200 латышских общественных деятелей:

Высочайшим указом правительственному сенату от 18 февраля с. г. повелено совету министров рассмотреть и обсудить на имя вашего императорского величества поступившие от частных лиц и учреждений предложения по всем вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и поднятия народного благосостояния.

На основании того мы, нижеподписавшиеся, латышские художники, артисты, писатели, публицисты, актеры, учителя, врачи, деятели по судебной части и другие представители свободных профессий и латышской интеллигенции, в следующих статьях изложили то, что не только мешает усовершенствованию благоустройства в населенных латышами губерниях и поднятию благосостояния нашего народа, но делает невозможным мирное и нормальное хозяйственное развитие и всю, вобще, духовную жизнь, чем препятствует успешному выполнению высоких, вашего императорского величества намерений, обращенных на обновление духовной жизни народа.

Мы глубоко убеждены, что поднятие народного благосостояния и усовершенствование благоустройства, равно и обсуждение и обновление всей народной жизни, возможно лишь при участии всех сословий и званий без исключения, всех, кому дорого общее благо и государственное благосостояние, как указано в высочайшем манифесте от 18 февраля с. г.

Для успешности такого участия необходимо, чтобы в настоящее время, знаменуемое усовершенствованием государственного порядка, было бы разрешено свободное обсуждение всех наших жизненных вопросов не только в прессе и книгах, но и в общественных и на публичных собраниях и чтобы сейчас были отменены те ограничения латышской прессы, которые ставят ее в худшее положение, сравнительно с русской и немецкой прессой, запрещая обсуждение жгучих жизненных вопросов, например, аграрных, церковных, школьных, рабочих, городского хозяйства и т. п., и не допуская свободной защиты против нападок немецкой прессы. Чтобы у каждого была возможность защищаться, вполне заявлять о своих нуждах и дать свои указания,—необходимо немедленное об'явление личной свободы и неприкосновенности, также неприкосновенности частного жилища и помещений обществ и тайны писем; вместе с тем необходимы помилования всех потерпевших за свои убеждения,—религиозные или политические,—и отмена наказания политических преступников административным путем. Эти же, только что помянутые права, без которых,—как нас учила наша история,—невозможно успешное развитие ни духовной, ни хозяйственной жизни народа, должны быть законом дарованы на вечные времена.

Ближе обсуждая нашу жизнь и препятствия к ее развитию, мы находим целый ряд препон и недостатков, из которых более всего мещают поднятию народного благосостояния и развитию духовной жизни и предприимчивости, во-первых, нынешним обстоятельствам хозяйственной жизни уже давно несоответствующая форма управления ее местными немецкими дворянскими ландтагами, вместе с устарелыми привилегиями одного сословия и относительным бесправием других, а, во-вторых,—административная опека, как система, и административный произвол,—как ее следствие.

I. От излишка административной опеки первым делом страдает наша пресса, которою руководят следующие лица и учреждения: отдельный цензор в Риге, вице-губернатор, полиция в качестве цензора об'явлений и вывесок, духовная цензура, инспекция и цензура типографий, драматическая цензура, полиция в качестве органа, не допускающего к представлению цензурованных драматической цензурою пьес, попечитель учебного округа и директор народных школ, в качестве цензора публичных лекций.

Эти учреждения, нередко дают друг другу противоречащие предписания, дозволяют одной газете то, что запрещают другой, уничтожают, таким образом, чувство справедливости и делают невозможным выста

вление фактов в истинном свете, правильное обсуждение их и защиту против нападок и инсинуаций.

Цензура стремится смотреть на все наши периодические издания и книги, как на «народные издания»; применяя самое низшее мерило «Сельского Вестника», не допускает никаких сколько-нибудь серьезных тем и вопросов: ни аграрного, ни о земском самоуправлении и т. п., не дозволяет даже переводить русскую цензурованную литературу и газетные статьи, даже из «Правительственного Вестника».

Между тем, наши читатели—не полуграмотные мужики, а обширные круги интеллигенции, свободных профессий, торгового и промышленного мира, хозяева-фермеры, вообще, люди с образованием, по крайней мере, народных и городских училищ. Притом наша пресса по содержанию ее статей, размерам цен, внешнему художественному виду изданий, во всяком случае, равняется русской, а подавно местной немецкой прессе.

В виду этого, все ограничения со стороны цензуры подлежат отмене, и нашей прессе, и книжному делу должны быть даны такие же права, какие будут даны русской прессе и требуются ее представителями; прежде же всего надлежит отменить предварительную цензуру и ее множественность.

II. Вся наша общественная жизнь также вполне зависима от меняющихся взглядов администрации: концерты, публичные лекции, театральные представления, выставки картин, заседания обществ, собрания разрешаются и запрещаются без всякой системы,— по минутному усмотрению администрации и на основании некомпетентных указаний низших, нередко малограмотных чиновников,—по большей части полицейских.

Особенные препятствия встречают публичные лекции и театральные представления, при чем требуют каждый раз пред'явления цензурованного экземпляра пьесы, хотя бы она ставилась несколько раз, и представлен номер разрешения или афиши; требуют также, чтобы старые пьесы были вторично цензурованы драматической цензурой, чтобы представлялось письменное согласие на представление от автора и т. п.

Добиться разрешения на публичную лекцию еще труднее: так, например, потребовались два года, пока было разрешено читать реферат о книге, изданной императорской академией наук (о латышских народных песнях).

Учреждение полезных обществ также обставлено множеством препятствующих обстоятельств.

Все такие ограничения подлежат отмене, и необходима свобода религиозных и научных воззрений, облегчение основания разных обществ, свобода собраний, публичных лекций, представлений, выставок и т. п.

III. Развитие наших школ, открытие их, и вообще, распространение образования, как-то: ведение вечерних, художественных, ремесленных и иных курсов, воскресных школ, публичных лекций, библиотек, музеев и т. д.—тоже вполне отдано под руководство администрации, что уничтожает всякую частную инициативу и держит народ в умственной темноте.

Второе препятствие успешному распространению образования составляет изгнание местного народного языка из школ и других образованных учреждений.

Поэтому надлежало бы:

1) отменить должности инспекторов и директоров народных школ, передать народные и средние школы в ведение местных органов во-

лостного, городского и земского самоуправления, которые заботятся о их содержании; где казна участвует в содержании школ, там она должна иметь право надзора;

2) право основания и содержания школ и других образовательных учреждений, в том числе и средних и с латышским преподавательским языком, должно быть дано каждому, по суду необвиненному взрослому лицу обоего пола по простой явочной системе;

3) обучение в народных школах в деревне и в городах должно быть обязательное и бесплатное для каждого;

4) в народных школах преподавательским языком должен быть местный латышский язык с обязательным обучением русскому языку, как преподавательскому предмету.

IV. Одним из важнейших препятствий к достижению народного хозяйственного благополучия и умственного развития представляется упомянутое уже ограничение гражданских прав местного народного языка. Латышский язык следует там, где большинство населения—латыши, ввести не только:

1) языком преподавания в школах, но

2) и делопроизводительным языком во всех волостных и приходских установлениях, самоуправлениях и в волостных судах;

3) разрешить подачу прошений и об'явлений на латышском языке во все административные и судебные установления в пределах губернии, а также личные об'яснения на латышском языке без переводчиков со всеми упомянутыми установлениями и их органами; равно и составление всякого рода нотариальных актов на сем языке;

4) латышский язык должен быть допущен к употреблению в прениях и при заявлениях во всех собраниях учреждений местного самоуправления, как, например,—в заседаниях городских и земских дум и правлений;

5) разрешить сделать на латышском языке разные об'явления, вывески в городах и местечках, надписи на латышском языке рядом с русским на дорогах, переправах, улицах и публичных зданиях.

V. Самое важное препятствие к мирному течению всей нашей общественной и хозяйственной жизни и успешному развитию края—это отсутствие самоуправления, неуравнение прав всех сословий и неупорядоченное состояние управления хозяйственной жизни губерний благодаря существованию ландтага, который передает руководство всей хозяйственной и общественной жизнью одному, по численности незначительному, сословию дворянам или крупным землевладельцам, которые притом же принадлежат к чужой народности с отдельными интересами.

Немецкое дворянство, которое посредством ландтага имеет правящую, законную силу, задержало чрезмерно высокими арендными платами развитие мелкого крестьянского землевладения и препятствует ему несправедливым разделением земских повинностей и тягот в пользу крупного землевладения, всякими мерами, способствующими крупному же землевладению во вред мелкого; равно оно задерживает развитие общественной жизни других сословий, управляя единолично посредством своего сословного учреждения—ландтага—хозяйственной жизнью всей губернии.

Даже в том случае, если бы дворянство допустило представителей других сословий в ландтаг,—это не было бы желательным, ибо ландтаг остается все-таки сословным учреждением.

Единственно деятельность дворянства и ландтага, в которой они руководствовались только своими сословными интересами, привела наши губернии в теперешнее ненормальное состояние; крестьяне были отпу-

щены на волю, но без земли, что дало начало возникновению сельскохозяйственного пролетариата; ныне эти безземельные крестьяне находятся в безвыходном положении, но дают дешевые рабочие руки.

Немецкое дворянство виновато, что теперь возникают беспорядки в среде обедневших, оставленных в умственной темноте людей (крестьянские волнения с погромами, появились, именно, в малокультурных и бедных местностях, например, около Либавы).

Единственным исходом из этого невыносимого положения является отмена ландтага и чрезмерных привилегий немецкого дворянства, поднятие мелкого крестьянского землевладения, уравнение крестьян в правах с прочими сословиями и справедливое представительство хозяйственных и общественных интересов края при помощи введения земских учреждений самоуправления с участием всех сословий.

Самоуправление должно быть проведено последовательно в волостях, приходах, городах, уездах и губерниях на основании всеобщего, прямого, тайного голосования. В ведение самоуправления должна быть передана и полиция, ибо теперь она, будучи отделена, часто сталкивалась с существующими органами самоуправления и мешала их деятельности, а сама нередко фактически подпадала под влияние крупного землевладения, защищая интересы которого, не могла успешно водворять мирными средствами нормальный порядок в случаях крестьянских волнений.

Отмене подлежит также право патроната церковного, которое так часто служило поводом к беспорядкам.

VI. Отсутствие законченного самоуправления, чрезмерная опека со стороны администрации, органами которой часто бывают члены немецкого дворянства, и неуравнение в правах с прочими сословиями тяжелее всего отзываются на наших крестьянах и задерживают развитие крестьянского землевладения, а вместе с тем—и благосостояние всего края.

Правовое положение крестьян до сих пор определяется законами, изданными в 1817 и 1819 г.г., когда еще существовала барщина.

Известная доля самоуправления, правда, введена в 1861 году, но крестьяне поставлены под столь строгую опеку комиссаров и полиции, что их самоуправление существует почти только на бумаге, а руководят им, по большей части, члены немецкого крупного землевладения.

Даже частные права крестьян ограничены; в материальном отношении они удручены высокими арендами, так как размер аренды не устанавливается ни правительственными учреждениями, ни третейскими судами.

Для поднятия положения мелкого сельского хозяйства и крестьян необходимо:

1) вновь пересмотреть законодательство для крестьян, облегчить юридическое положение батраков, дав им фактические права союзов;

2) отменить административные права комиссаров по крестьянским делам, права,—касающиеся волостных управлений;

3) приравнять в правовом отношении крестьян ко всем другим сословиям;

4) облегчить слишком тягостные условия крестьянской аренды.

VII. Современные судебные учреждения в наших губерниях, хотя будучи шагом вперед сравнительно с прежними судами, бывшими совершенно зависимыми от помещиков, все же вполне не достигают своей цели, что было бы возможно, если бы применялись к ним принципы, об'явленные в 1864 году, при введении судебных учреждений.

Суды наши недостаточно дешевы, недоступны; они не стоят близко к народной жизни, так как не введены суды присяжных, а судьями состоят чиновники правительства, которые достаточно знакомы с местными условиями жизни и вследствие этого часто принуждены смотреть на вещи с более доступной для них немецкой точки зрения; с делами же они знакомятся только по часто неверным переводам; даже мировые судьи официально не знакомы с латышским языком; кроме того, они назначаются правительственною властью, а не избираются народом,—как это было предусмотрено судебными уставами 1864 года.

В виду этого желательно:

1) введение суда присяжных;

2) чтобы судьи знали местный язык и были знакомы с местными условиями жизни;

3) предоставить сторонам право об'ясняться перед судом на местном языке;

4) чтобы мировые судьи избирались членами всех сословий, посредством общего и непосредственного голосования.

VIII. Чтобы предупредить беспорядки в нормальном течении жизни в городах и устранить навсегда возможность таких глубоко прискорбных и осуждаемых действий, жертвами которых пало столь много народа в городе Риге в январе месяце, следует установить для всех сословий, также и для рабочих, принцип равноправности перед законом, следует отменить запрещение собраний и совместного обсуждения своих нужд, равно как и ввести возможность воспользоваться всеми законными частными правами, в том числе—правом прекращения работы, в целях защиты своих интересов.

В виду этого следует:

1) уравнять в правовом отношении рабочих со всеми прочими сословиями;

2) предоставить право собраний и союзов;

3) отменить запрещение стачек;

4) городскую полицию передать в ведение городского самоуправления.

Все указанные недостатки и препятствия на пути благосостояния нашего народа и обновления хозяйственной и духовной жизни способны устранить лишь вашим императорским рескриптом на имя министра внутренних дел от 18 февраля 1905 года призванные к участию в предварительной разработке и обсуждении законов достойнейшие облеченные доверием народа и населением избранные люди; вследствие этого и мы видим единственную гарантию обновления жизни и установления нормального порядка в созыве учредительного собрания из народных представителей на основании всеобщего и прямого голосования при закрытой подаче голосов».

Приведенная «Петиция латышей» породила целый ряд других аналогичных «петицией» и в частности—«контр-петицию» реакционного «Рижского латышского общества» и пресловутого редактора газеты «Rigas Awise»—Ф. Р. Вейнберга, поддержанную дружным хором черносотенных газет. В «антипетиции» этой доказывалось, что латышский народ еще не созрел-де политически, и что ему, поэтому, нельзя-де еще давать политических прав и в частности—права выбора своих представителей. Это последнее право следует-де предоставить губернаторам, так как им виднее,—какие лица достойны доверия народа. По уверению Вейнберга, латышский народ не вправе требовать вольностей «свыше», а может лишь просить их и при том, с соблюдением известной меры; нельзя давать латышскому народу, по мнению Вейнберга,

всеобщее равное избирательное право, а следует лишь просить правительство о введении в Прибалтийском крае таких-же крестьянских земских учреждений, какие введены уже во внутренних губерниях России.

ЯНВАРЬ 1905 ГОДА.

Разгон демонстрации полицией.

«В Риге 6-го января, вскоре после 12 час. дня, на Александровской улице собралась толпа, преимущественно—еврейская молодежь, намеревавшаяся произвести уличную демонстрацию. Толпа манифестантов была не особенно значительна. Выкинув три красных флага с различными надписями, демонстранты двинулись по Александровской улице в город, расбрасывая по пути прокламации на русском и латышском языках. На углу Александровской и Рыцарской улице демонстранты заметили приближавшийся наряд полиции. С криками: «Берегись!» демонстранты стреляли из револьверов и, пряча флаги, бросились врассыпную. Однако, чинам полиции удалось нескольких из них арестовать».

«В Риге, 12 января, на местных фабриках и заводах началась забастовка. Первыми забастовали рабочие задвинского фабричного района замочной фабрики «Гермингауз и Форман» и проволочный промышленности. В городском районе первыми забастовали рабочие машиностроительного завода Рихарда Полэ, винокуренного завода Вольфшмидт и некоторых других. В городе спокойно».

«В Ревеле, 12-го января, началась забастовка. Все тихо. Воинские команды охраняют вокзал.

Работы везде прекращены. Все спокойно. По городу раз'эжают военные патрули.

Рабочие кучками расхаживают по городу. Большинство магазинов не открывается».

Январские события в Риге.

В официозных органах напечатаны следующие официальные сведения о событиях последних дней в Риге:

«12-го января, в 6-ом часу утра, на замочную фабрику Гермингауза и Формана на Задвинье, по Балдонской улице № 1, явилась толпа неизвестных лиц в 40—50 человек, и стала задерживать являющихся на работу рабочих, приглашая прекратить работы и присоединиться к ним. Молодежь охотно присоединилась к толпе, к ним присоединилась и остальная часть рабочих, желавшая работать, но боявшаяся насилий.

Отсюда толпа направилась на завод рижской проволочной промышленности по Дюнамюндской улице № 22—24, где, соединившись с рабочими этой фабрики, также прекратившими работу, стала ходить по всем фабрикам и заводам, расположенным в районе 2-го участка митавской части, где также прекратились работы.

Необозримая толпа остановилась на Ильгенемской рыночной площади. Здесь один из рабочих вскарабкался на будку и прочел прокламацию преступного содержания о последних событиях в Петербурге, после чего собравшаяся толпа хлынула на цементный завод, куда одновременно прибыли две роты 116 малоярославского пехотного полка. Здесь удалось арестовать 6 человек, особенно разжигавших рабочих. У них были найдены прокламации, 19 разных железных предметов для нанесения побоев и масса камней.

Толпа направилась дальше к остальным заводам 2-го и 1-го участка митавской части, где повсюду прекращали работы. После того, как все задвинские фабрики были посещены рабочими, толпа направилась через Двину, по направлению к Мариинской улице, где рассеялась во все стороны. Одновременно началась также забастовка почти на всех заводах и фабриках в городе и на форштадтах, за исключением фабрики Кузнецова и одной в Мюльграбене.

На больших заводах «Феникс», «Проводник» и «Русско-балтийский вагонный завод» также прекратились работы и стачечники обходили все фабрики, где работы еще не были прекращены, принуждая прекратить таковые. Около 5 часов вечера толпа в 700—800 человек явилась на картонажную фабрику Каплана по Столбовой улице, где рабочие, в числе около 300 человек, еще продолжали работать. В виду отказа пустить толпу во двор, она начала ломать ворота и стрелять в полицию из револьверов. Одна пуля пробила пальто околоточного надзирателя Озолина, что понудило и полицию прибегнуть к оружию. После не-

скольких выстрелов толпа разделилась на две части и рассеялась. У некоторых городовых толпа разрезала портупеи и отбирала шашки.

Толпы рабочих продолжая ходить по Александровской и другим улицам, были, однако, в некоторых местах рассеяны войсками и полицией. Насилий и бесчинств рабочие нигде не производили, за исключением редакций газет «Baltijas Véstnesis» и «Прибалтийский Край», где были выбиты стекла. С наступлением ночи все успокоились. Из демонстрантов было задержано около 100 человек, из какового числа 44 были заключены под стражу, а остальные, за неимением доказательств, отпущены.

13-го января демонстранты явились на фабрики и в мастерские в разных местах города, где работы еще не были прекращены. Рабочие присоединились к ним.

Насилия, однако, нигде еще не производились за исключением следующих случаев: у двух городовых были отобраны револьверы и на Суворовской улице задержаны два вагона электрического трамвая. Пассажиры, кондуктора и машинисты должны были покинуть вагоны, после чего в них были выбиты стекла и в одном вагоне испорчен электрический аппарат. Произведено было также несколько выстрелов.

В демонстративных шествиях принимали участие студенты и женщины. Из демонстрантов было задержано 121 человек. Во многих местах манифестанты были рассеяны полицией и войсками.

Около 2-х часов дня громадная толпа народа отправилась во внутреннюю часть города и принуждала прекратить работы во всех типографиях, вследствие чего газеты не выходили несколько дней.

После того рабочие двинулись на Московский форштадт, где к прекращению работ принуждались многочисленные фабрики и между ними—завод Кузнецова. Толпа, усиленная рабочими этих фабрик, вернулась около 5 часов обратно в город. У железнодорожного моста им загородила путь полурота учебного унтер-офицерского батальона. Из толпы раздались возгласы: «Вперед!»,—несмотря на то, что временно исполняющий обязанности полицеймейстера г. Роемак и помощник пристава Грегус увещевали толпу разойтись. Вдруг из толпы крикнул один студент: «Назад! Бегите наверх, через мост!»,—после чего часть толпы бросилась через мост в город, а другие стали наступать на солдат, сорвали с барабанщика шашку и нанесли унтер-офицеру твердым орудием удар по голове. Между тем, находящиеся на мосту стали бросать в солдат камнями и стрелять в них. После троекратного предупреждения командира полуроты разойтись, по толпе был открыт огонь. Одновременно прибыла другая полурота солдат, которая встретила народ, дошедший до Господской улицы. Солдаты были встречены выстрелами толпы. Командир 2-ой полуроты, увидя, что первая полурота окружена толпою, также приказал стрелять, после чего толпа вскоре рассеялась во все стороны. На плацу остались 22 убитых, между ними 2 женщины, и 60 раненых. Некоторые были отправлены в городскую больницу. Помощник пристава Билев был смертельно ранен и в городской больнице вскоре скончался.

Из солдат было ранено 8 человек; 5 было отправлено в городскую больницу, где один умер. Из демонстрантов умерло в больнице 12 человек. В госпиталь Красного креста были доставлены 7 раненых студентов, из которых 3 умерли. Остальные, по их сообщению, называются: Израиль Грибов, Антон Аустрин, Петр Озолин и Осип Соболевский.

Того же дня около 6 часов вечера, в частную клинику доктора Цеге фон-Мантейфеля был доставлен студент политехнического института Константин Николаевич Печуркин с огнестрельной раной в голове, скончавшийся в клинике, спустя несколько часов. Труп был отправлен на квартиру покойного, по Гертрудинской улице, № 64, где 14 января состоялось официальное освидетельствование трупа, после чего было дано разрешение на погребение его.

В числе убитых находится также председатель правления ссудо-сберегательной кассы (учрежд. в 1871 г.) Владимир Николаевич Немчинов. Наружный осмотр тела показал следующее: на левой стороне груди, около плеча, находится огромная ножевая рана, правая рука почти совсем отрезана ножом или кинжалом, в правом боку видна также большая ножевая рана, и, кроме того, следы поранения пулями. Платье было разорвано; очевидно, убитый боролся с нападавшими на него. Г. Немчинов, который состоял также сборщиком денег из казенных винных лавок, собрал в этот же день деньги и сдал их, куда следует. Предполагают, что его под-

стерегли, с целью ограбления. Он был убит в том же месте, где убили помощника пристава Билева, а именно, на Картофельном рынке, на углу бл. Сборной и Карловской улиц, около места остановки электрического трамвая. Труп был отправлен на квартиру покойного. Он умер в больнице; последние его слова были: «Я только случайно попал сюда; я ранен,—помогите мне!»

Городская водокачка охранялась войсками и полицией. 13-го января, около 3-х часов пополудни, собралась огромная толпа на Елизаветинской улице, между Александровской и Школьной улицами и Парадной площадью, но вскоре была рассеяна полицией и войсками.

Толпа стреляла в солдат и в войска, но не причинила им никакого вреда. Воинские команды на выстрелы не отвечали, но полиция произвела несколько выстрелов в толпу.

В тот же день в Риге, на Александровской улице, между Гертрудинской и Романовской улицами собралась толпа студентов и дам, вероятно, учениц, кричавших: «Долой войну!»

В толпе этой находились также рабочие. Толпой было произведено в воздух несколько выстрелов, после чего толпа рассеялась.

13-го января, около 8 часов вечера, в вестибюле рижского русского театра собралось 80 студентов, которые послали из своей среды к дирекции театра депутацию из четырех человек, с предложением прекратить представление, в виду печальных событий в городе.

Дирекция исполнила просьбу студентов и представление было прекращено, при чем публика разошлась без протеста.

Около 8½ часов вечера студенты явились с таким же предложением в рижский немецкий городской театр, где тотчас же было закончено представление.

Движение электрических трамваев было приостановлено с 14 января, при чем несколько вагонов оказались разбитыми.

Машинисты об'явили забастовку 14 января.

День прошел спокойно. Утром прибыла из Ковно сотня казаков, которых разместили по постоялым дворам.

В учебных заведениях занятия были приостановлены до вторника 18-го января.

В Рижском Политехническом Институте состоялась многочисленная сходка студентов. Из окна главного фасада Института был вывешен черный траурный флаг с надписью: «Слава павшим; проклятие убийцам!» Перед Институтом все время стояла многочисленная публика, но спокойствие нигде не нарушалось.

По окончании сходки Рижский Политехнический Институт был закрыт по распоряжению попечителя рижского учебного округа на неопределенное время. У губернатора состоялось совещание, а также в биржевом комитете было созвано собрание фабрикантов и промышленников.

15-го января, с согласия рижского губернатора, состоялось погребение павшего студента Рижского Политехнического Института К. Н. Печуркина.

Процессия двинулась от квартиры покойного по Гертрудинской улице к зданию Рижского Политехнического Института, перед которым была отслужена краткая лития, при участии хора из студентов и рабочих. На протяжении всего пути до кладбища гроб несли студенты и рабочие.

От Политехнического Института похоронная процессия, в сопровождении многотысячной толпы народа, шедшего с обнаженными головами, направилась по Александровской улице к Александро-Невской церкви, где было совершено отпевание покойного. Отсюда процессия направилась по Александровской и Ревельской улицам, на которых было прекращено движение трамваев к Покровскому кладбищу.

Перед гробом студенты несли венки от товарищей, рабочих и частных лиц с красными другого цвета лентами, на которых были следующие надписи: «Павшему в борьбе за свободу товарищу», «Жертве произвола», «Вечная слава павшему за свободу»; на крышке гроба лежал венок с надписью: «Смерть, проклятие и месть палачам!».

Несмотря на то, что не присутствовало ни одного полицейского чина, несшие гроб и народная масса сохраняли всюду строжайший порядок.

Здесь и там раздавались прокламации на голубой бумаге, в которых население приглашалось выйти на улицы. Множество таких воззваний было найдено наклеенными на стенах домов.

Немного спустя был задержан еврей, приклеивавший один такой листок к фонарю. Было также замечено, что дамы вытаскивали прокламации из своих муфт и раздавали их прохожим.

Перед кладбищем толпа демонстрантов возросла до нескольких тысяч человек.

По окончании чина погребения неизвестный человек произнес слова: «Вечная память павшему за свободу!».

После этого надписи на лентах были прочитаны на русском, латышском и немецком языках.

После зарытия могилы венки и ленты разорвали и роздали публике на память, после чего народ стал расходиться. Часть присутствовавших запела «Дубинушку». На обратном пути раздавались прокламации и слышались крики «ура». На углу Ревельской и Александровской улиц, где стояли казаки, толпа замолкла и в сопровождении казаков спокойно продолжала путь

Позже толпа начала на Александровской улице задерживать легковых и ломовых извозчиков, прося седоков оставлять сани, а также стала гасить фонари, однако, демонстранты были рассеяны тотчас же прибывшими казаками и войсками.

15 января в 7 часов вечера, на углу Матвеевской и Александровской улиц был задержан студент Георг Виксне, одобрявший действия манифестантов, задержавших какого-то извозчика и удаленных полицией.

У него нашли прокламации преступного содержания и лист с записями пожертвований для семейств убитых и раненых 13 января, а также записную книжку с разными, относящимися к сему примечаниями.

16 января спокойствие нигде не нарушалось. В 2 часа пополудни состоялось заседание у губернатора и в 8 часов вечера в помещении полицейского управления совершена была панихида по помощнике пристава Билеве.

В течение дня не было никаких столкновений с полицией и войсками. Водопроводное и газовое заведение и телефонная станция были под военной охраной. В газобом заведении работают нижние чины в двух сменах.

18 января, около 5 часов пополудни, после похорон одного из убитых в стычке с войсковыми частями 13 января у железнодорожного моста, на кладбище у Кукушкиной горы, собралась значительная толпа народа, имея красный флаг.

На предложение полицейских властей разойтись толпа ответила несколькими выстрелами из револьверов в тут же находящуюся команду казаков, но никого не ранила. Казаки пустили в ход нагайки и, таким образом, заставили толпу разойтись. На других кладбищах, где тоже происходили в этот день похороны убитых стачечников, беспорядков не было.

Также начались в этот день работы на некоторых фабриках.

19-го января около 6 часов утра толпа рабочих, около 1000 человек, направилась к балтийскому вагонному заводу с целью возобновления работ на означенной фабрике. Среди толпы, какой-то рабочий, повидимому главарь другой части рабочих, стоящих за продолжение стачки, стал уговаривать рабочих не приступать к работе Находящийся тут же наряд полиции арестовал зачинщика и хотел доставить арестованного в контору завода, для выяснения личности последнего. Городовые, схватив его, потащили к конторе, как вдруг у одного городового выпал револьвер, который был немедленно подобран арестованным, и он произвел выстрел, ранив городового. Рана, полученная им, оказалась не смертельной».

Официозные органы сообщают следующие подробности о забастовке рабочих либавских фабрик и заводов:

«С четверга 13 января, в городе началась стачка рабочих. Первым забастовал машиностроительный завод Беккера, где рабочие прекратили работу и толпами стали переходить с фабрики на фабрику, принуждая других работавших прекращать работу. К обеду уже забастовали следующие фабрики и заводы: «Феникс», «Везувий», спичечная фабрика «Вулкан», электрическая станция, газовый завод, железнодорожные мастерские, гавань, типографии местных газет, где толпа стачечников принудила наборщиков прекратить работу под угрозой рассыпки шрифта и порчи машин.

У Александровского моста еще утром этого дня в стычке с забастовщиками был смертельно ранен жандармский унтер-офицер Рушевиц. Немедленно были вызваны местные войска, которые и заняли место у моста с целью воспрепятствовать рабочим пройти из Новой Либавы в центр города. Но, как сказано выше, это не помешало по одиночке и отдельными группами проникнуть стачечникам в самый город обходными путями, и уже в 4 часу дня тысячная толпа, к которой присоединились различные хулиганы, начала громить и разбивать местные вертепы. При этом в мезонине одного дома возник пожар.

В почь на пятницу, 14 января, из Митавы прибыл курляндский губернатор, распорядившийся вызвать из Митавы часть пехотного Новоторжского полка и из Ковны два эскадрона драгун.

Весь день 14 числа забастовщики провели в шумных демонстрациях на Анненской площади, по Большой улице и в других местах города.

15 января стачечники принудили закрыть местные пекарни и кондитерскую Боница. В первый же день забастовки прекратил движение и трамвай.

Утром в субботу губернатором были расклеены по городу об'явления, призывающие к спокойствию.

Из Вильны прибыл батальон Троицкого полка с батареей и батальон Новороссийского из Мариамполя. Стачечники были рассеяны, все главари арестованы, при чем отобрано было много револьверов. Все было подавлено без одного выстрела и, кроме упомянутого выше случая убийства жандарма, несчастных случаев не было. Тем не менее, до сих пор работы полностью еще не возобновились. 18 января пошел опять трамвай.

17 и 18 числа в здании биржи происходило совещание фабрикантов и заводчиков, еще не выработавшее окончательных результатов. Рабочие требуют: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, устранение различных санитарных неустройств и урегулирование увольнения рабочих.

Фабриканты готовы пойти на некоторые уступки и обсудить требования рабочих, но не в данное время, когда стачка еще продолжается».

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Баум, Я. Д.** „Янсон-Браун“, „Революция в Прибалтике“. (Сборник „*Каторга и ссылка*“, № 1, Москва, 1925 г.).

2. **Брюсов, В.** „Латышские народные песни“ (Сб. лат. лит.).

3. **Виграб, Г. И.** „Прибалтийские немцы“. Их отношение к русской государственности и коренному населению края в прошлом и настоящем.

4. **Ветринский, Ч.** „Среди латышей“. Очерки. Москва, 1901 г.

5. **Вольтер, Э.** „Материалы по этнографии латышского племени Витебской губернии“. СПБ. 1890 г.

6. „*В Прибалтийском крае*“. Эсты и латыши, их история и быт. Сборник статей под редакцией проф. М. А. Рейснер. Москва, 1916 г.

7. **Залит, И. П.** „Опустошение Латвии русскими войсками“.

8. „*История России в XIX веке*“. Изд. тов. Гранат. Томы II и V. **К. Ландер.** „Прибалтийский край в I половину XIX века и крестьянский вопрос в Прибалтийском крае.

9. „*Латышский литературный альманах*“. Изд. „*Вестника Знания*“. Ленинград, 1913 г.

10. **Львов-Марсианин, П.** „Лесные братья“ (Сборник, „*Каторга и ссылка*“. № 1). Москва, 1925 г.

11. **Новоселов, Юрий.** „Латыши“. Изд. А. И. Кузнецова. 1911 г.

12. „*Отечество*“. Сборники национальной литературы России. Ленинград, 1916 г.

13. „*Памятники латышского народного творчества*“ **И. С. Спрогис**, „Народные песни“.

14. **Розе-Липотнис.** „Латышская литература“. („*Вестник Знания*“. №№ 11—12. 1909 г.).

15. **Самарин, Юрий.** „Окраины России“. Том VIII.

16. „Сборник латышской литературы“. Изд. „Парус“. Петроград.

17. **Токарев.** „Краткая история латышского края“. Изд. „Народные Всходы“. 1915 г.

18. **Трейланд, Я.** „Материалы по этнографии латышского племени“. Изд. Московского Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии: a) „Народные песни“—1872 г.; b) „Поговорки, пословицы, загадки“ и т. д. 1881 г.

19. „Формы национального движения в современных государствах“. Сборник статей под ред. А. И. Кастелянского. **Р. Петерсон:** „Латыши“. Ленинград, 1910 г.

20. **Янсон-Браун.** „Революция в Прибалтике“. Перев. с латышск. П. Свирис (Блумфельд). Предисловие к русскому изд. В. Кнорина. Изд. „Прометей“. Москва, 1924 г.

21. **Янсон, И.** „Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература“. (Сборник латышской литературы. Изд. „Парус“).

Оглавление.

Стр.

Предисловие 3

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

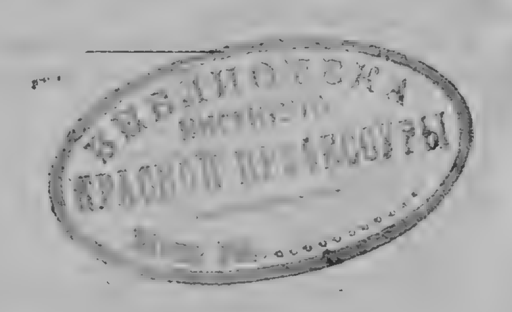
Прибалтийский край перед судом самодержавия . . . . —
В царстве смерти 5
Нападение 4-го эскадрона 49-го драгунского полка на крестьян деревни Куклишки 7
Дело волостного учителя А. 8
Дело семьи Якович и Шиллинг 13
Дело редактора газеты „Laiks"—доктора философии Петра Карловича Залита 16
Дело редактора газеты „Spehks"—Константина Петровича Гирша 19
„Живой труп" (дело Симсона) 23

В ТИСКАХ ЦЕНЗУРЫ.

Латышская пресса перед судом самодержавия 26
Дело редактора газеты „Peterburgas Latweetis" Карла Карловича Звингевича 29
„Манифест" (статья) 29
„Открытое письмо туккумским товарищам" 32
Дело редактора газеты „Ruhki"—Эдуарда Ивановича Дзениса 37
Дело редактора газеты „Pateesiba"—Александра Ивановича Штейна . . . 46
Дело редактора-издательницы газеты „Newas Wilni"—Эммы Яковлевны Куйве 49
Устав латышского социал-демократического учительского союза 51
Первое дело редактора латышской газеты «Peterburgas Atbolsis» Августа Петровича Юрьяна 55
Второе дело редактора латышской газеты «Peterburgas Atbolsis» Августа Петровича Юрьяна 60
Третье деле редактора латышской газеты «Peterburgas Atbolsis» Августа Петровича Юрьяна 70
Четвертое дело редактора латышской газеты «Peterburgas Atbolsis» Августа Петровича Юрьяна 73

Приложения:

Бюллетень департамента полиции о латышской революции за 1905 г. 82
„Петиция латышей" и хроника рев. движения 92
Указатель литературы 103

Цена 1 руб.

19853

